

Международный

Аспект

ВЫПУСК №3(21)
ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ 2025

International

VOL 6 NO. 3(21)
JULY-SEPTEMBER 2025

Aspect

МЯГКАЯ И ЖЕСТКАЯ СИЛА: ХРУПКОСТЬ БАЛАНСА

Израильская демократия как «хрупкий»
режим: комплексный анализ

МАКЕЕВА ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВНА

• 4

«Мягкая сила» Японии как инструмент
формирования привлекательного имиджа
страны (на примере ТНК)

СААКЯН АННА АРМЕНОВНА

• 21

Российско-узбекистанское сотрудничество в
сфере высоких технологий

ШИЛОВ АРТЕМ АЛЕКСЕЕВИЧ, КУРБАНОВ НАЗАР ИСЛАМОВИЧ

• 37

International Aspect

ACADEMIC JOURNAL
Published since 2020 quarterly
Vol.6, 3(21), 2025

Международный Аспект

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал издается с 2020 г. ежеквартально
Том 6, Выпуск 3(21), 2025

Индексируется в РИНЦ

Издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес издателя: 119454 Москва, проспект Вернадского, 76

Publisher: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation

The Publisher Address: 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76,

ISSN 2949-6381 (Print) ISSN 2949-6365 (Online)

Содержание

Современные международные отношения

- Израильская дипломатия как «хрупкий» режим:
комплексный анализ • 4
Макеева Екатерина Дмитриевна
- «Мягкая сила» Японии как инструмент
формирования привлекательного имиджа
страны (на примере японских ТНК) • 21
Саакян Анна Арменовна
- Российско-узбекистанское сотрудничество в сфере
высоких технологий • 37
Шилов Артем Алексеевич, Курбанов Назар Исламович
- Роль Австралии в системе безопасности регионов
Индийского и Тихого океанов в первой половине
2020-х гг. • 52
Пьянникова Дарья Евгеньевна
- Политика администрации президента Джозефа
Байдена в отношении Китая в Азиатско-
Тихоокеанском регионе в 2021-2024 гг. • 66
Кутовой Тимофей Ярославович

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
София Беломытцева

Заместитель главного
редактора
Александра Журова

Редакторы
Арсений Наумчик
Валентин Терентьев
Александра Журова
Влада Ровнова
Георгий Федоров
Анна Александрова
Офелия Закарян
Варвара Кеня
Виктория Игнатьева

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Редакционного совета
Андрей Анатольевич
Байков, к.полит.н.

Ирина Вячеславовна
Болгова, к.ист.н.
Игорь Александрович
Истомин, к.полит.н.

Для связи с редакцией: internat.aspect@gmail.com
intaspect.ru

119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76
+7 (495) 229-41-78

Contents

Contemporary international relations

Israeli Democracy as a «Fragile» Regime: Comprehensive Analysis • 4

Ekaterina D. Makeeva

Japan's Soft Power as a Means of Building a Favourable National Image: the Case of Japanese Transnational Corporations) • 21

Anna A. Saakyan

Russian-Uzbek Cooperation in High Technologies • 37

Artem A. Shilov, Nazar I. Kurbanov

Australia's Role in the Security System of the Indo-Pacific Region in the First Half of the 2020s. • 52

Darya Ye. Pyannikova

The Policy of President Joseph Biden's Administration towards China in the Asia-Pacific Region in 2021-2024 • 66

Timofei Ya. Kutovoy

EDITORS

Chief Editor
Sofiya Belomyttseva

Deputy Chief Editor
Aleksandra Zhurova

Editors
Arsenii Naumchik
Valentin Terentyev
Aleksandra Zhurova
Vlada Rovnova
Georgii Fedorov
Anna Aleksandrova
Ofeliya Zakaryan
Varvara Kenya
Viktoriya Ignatieva

EDITORIAL BOARD

Head of the Editorial Board
Andrey Baykov, Ph.D.
in Political Science

Irina Bolgova, Ph.D.
in History
Igor Istomin, Ph.D.
in Political Science

Contact the Editorial Board via: internat.aspect@gmail.com
intaspect.ru

76, Vernadsky ave., Moscow, Russia, 119454
+7 (495) 229-41-78

Израильская дипломатия как «хрупкий» режим: комплексный анализ

Макеева Екатерина Дмитриевна

МГИМО МИД России,

Факультет управления и политики, 3 курс

19454 Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

Р Е З Ю М Е

В данной работе приведено исследование феномена эрозии израильской демократии как системной деградации демократических институтов страны, протекающей через легально действующие каналы в условиях сохранения формальных демократических процедур. Актуальность работы выражена в рассмотрении проблематики «хрупкой демократии» как коренной причины текущих кризисов легитимности режима как «единственной демократии на Ближнем Востоке». Новизна работы заклю-

чается в комплексном подходе к изучению феномена с учетом пяти взаимосвязанных структурных факторов: конституционная уязвимость, этнонациональная модель государства, коалиционная зависимость от религиозных партий, глубокая поляризация общества и оккупация палестинских территорий. В результате проведенного исследования были рассмотрены наиболее вероятные сценарии деградации и консолидации режима с учетом совокупности системных факторов и текущей политической конъюнктуры.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А

Хрупкая демократия, Израиль, демократическая эрозия, этническая демократия

Israeli Democracy as a «Fragile» Regime: Comprehensive Analysis

Ekaterina D. Makeeva

School of governance and Politics, 3rd year

MGIMO University

76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

ABSTRACT

This paper examines the phenomenon of the erosion of Israeli democracy as a systemic degradation of the country's democratic institutions, which occurs through legally established channels while maintaining formal democratic procedures. The relevance of the paper lies in addressing the issue of «fragile democracy» as a root cause of the current crises in the regime's legitimacy as the «only democracy in the Middle East.» The novelty of the work lies in a comprehensive approach

to the phenomenon, taking into account five interrelated structural factors: constitutional vulnerability, an ethno-national model of the state, coalition dependence on religious parties, deep polarization of society, and the occupation of Palestinian territories. As a result of the conducted research, the most likely scenarios of regime degradation and consolidation were considered, taking into account a combination of systemic factors and the current political situation.

KEYWORDS

fragile democracy, Israel, democratic erosion, ethnic democracy.

ВВЕДЕНИЕ

Израильское государство, существующее уже более 70 лет, традиционно позиционировалось как «единственная демократия на Ближнем Востоке». Однако последние тридцать лет в Израиле наблюдается тенденция системной эрозии традиционных демократических институтов, которая осуществляется через легально действующие каналы, на фоне чего ведущие аналитические центры мира стали фиксировать авторитарные тренды и ограничение политических и гражданских прав в стране, а многие исследователи как в Израиле, так и за рубежом, начали характеризовать израильскую демократию как «хрупкий режим». Актуальность данной работы заключается в том, что открывающийся разрыв между текущей реальностью и самопозиционированием в качестве либеральной демократии оказывает значительное влияние и на внутреннюю легитимность режима, и на восприятие страны и её позиций в регионе и на международной арене, в особенности – во взаимоотношениях со странами Запада (США, ЕС, и пр.). При этом большинство исследователей при изучении данной проблематики либо сосредоточены на ограниченном числе факторов (таких как судебная система или религиозный фактор), либо в своей основе опираются на теорию этнической демократии Смухи, не обеспечивая тем самым комплексного анализа всей совокупности институциональных факторов. Цель данной работы – обеспечить системное восприятие «хрупкости» израильской демократии во всей сложности системного сочетания её факторов: (а) конституционной архитектуры без единой писаной конституции, (б) этнонациональной модели государства, создающей внутренние противоречия, (в) коалиционной системы с зависимостью от религиозных партий, (г) поляризации по линиям религия/светскость, национальность, и (д) внешних шоков (война). Выбор периода (общая тенденция начиная с 1990-х) обусловлен рядом связанных

событий, укладывающихся в единую тенденцию ограничения демократических и гражданских прав, усиливающуюся в последние пятнадцать лет (принятие «Закона о нации-государстве» (2018)^[1] с целью закрепления этнонационального приоритета над универсальными демократическими ценностями; политический кризис 2019–2022 годов и проведение четырёх последовательных выборов, обнажившее дисфункции коалиционной системы; судебная реформа 2023–2024 годов в качестве попытки радикального перестроения баланса властей; и влияние войны (октябрь 2023 — октябрь 2025) на ограничение гражданских свобод под видом требований обороны), соответственно, общая тенденция будет рассмотрена за период длительностью приблизительно тридцать лет, но особый акцент будет сделан на более свежих событиях последних пяти лет. В качестве методов исследования были использованы сравнительный метод, контент-анализ.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ «ХРУПКОЙ» ДЕМОКРАТИИ ИЗРАИЛЯ

Перед тем, как перейти непосредственно к факторам «хрупкости» израильской демократии необходимо рассмотреть теоретические основания самого концепта и определить конкретные индикаторы эрозии демократических институтов в подобных системах. Режим «хрупкой» демократии (*fragile democracy*) характеризуется сохранением формальных демократических процедур (свободные выборы, разделение властей, права человека) в конституции и основных законах, но в действительности деградируют из-за действий демократически избранных лидеров, использующих юридические инструменты для сужения применения этих же процедур. Примерами подобных практик являются ограничения судебного контроля, сокращение гражданских свобод, дискриминация меньшинств через «нейтральное» законодательство, что весьма характерно для

[1] Israel's Nation-State Law, 2018 // International Institute of Social Studies (ISS), Erasmus University Rotterdam. — 2018. — URL: <https://www.iss.nl/en/events/israels-nation-state-law-2018-10-04> (accessed: 14.12.2025).

таких стран, как Польша, Турция. Сейчас подобные практики наблюдаются и в Израиле.

Израиль является подходящим кейсом для рассмотрения концепции «хрупкой» демократии, поскольку существующие в нём формально демократические институты (механизмы выборов, парламент, суды) существуют и полноценно функционируют, но их качество и надёжность подвергается систематическому снижению через легально действующие каналы, что по сути является промежуточным типом между либеральной демократией и гибридным режимом, в котором эрозия самого режима происходит через перестройку принятых норм и институциональных механизмов, а не их непосредственную ликвидацию. При этом важно отметить, что в случае применения термина «хрупкая демократия» в отношении Израиля это понятие довольно часто воспринимается исследователями как «зонтичное», охватывающее сразу несколько проявлений несоответствий реалий демократическим процедурам, в то время как в рамках этой работы предпочтительно будет разграничить три уровня формулы «хрупкости» израильского режима — на уровне демократичности процедур при институциональной уязвимости, на уровне высокой электоральной демократичности при низкой коалиционной устойчивости и на уровне действия демократического режима при ограничении защиты прав меньшинств.

Израильская «хрупкая» демократия была рассмотрена в фундаментальных исследованиях Микал Бен-Йосефа Хирша (в контексте данного исследования было изучено, как, отталкиваясь то либерализационной «вершины» 1990-х, Израиль постепенно теряет

качества либеральной демократии ввиду рисков популистского лидерства, законодательной политики «закручивания гаек» (на примере ограничительных законов об НКО^[1] и Закона о нации от 2018 года)^[2] и ценностного сдвига, проявляющегося в том, что с каждым годом все больше граждан Израиля готовы пожертвовать своими политическими правами ради обеспечения безопасности руками сильного лидера), Илана Пелега и его коллег^[3] (в своей работе исследователи охватили период с 1948 по 2025 год, подчеркнув этнонациональный (а не либерально-демократический) характер израильской демократии, отметив, что это, пожалуй, и является ключевым эрозийным фактором структурной хрупкости; при этом авторам удалось проследить корни эрозии в фундаментальных ошибках «демократической конструкции», заложенных основателями государства (отсутствие писанной конституции, дисфункциональные отношения между секулярным большинством и значительным ортодоксальным меньшинством, постоянная оккупация Западного берега реки Иордан, подрывающая принципы равенства и верховенства закона), а также уделили отдельное внимание социополитическим разломам (включая религиозно-светский конфликт, нарратив жертвы в израильской психологии); роль харизматического популизма Биньямина Нетаньяху авторы отметили как драйвер эрозии, что соответствует выбранному в данной статье временному отрезку усиления тенденции). Аналогичным фундаментальным источником является коллективная монография под руководством Карина Аггестрама^[4], структурирующая анализ эрозии демократии в Израиле вокруг

[1] Israel. Laws. Disclosure Requirements for Recipients of Foreign Government Funding (NGO Transparency Law) : adopted by the Knesset 11 July 2016 // UN News. — 2016. — Title: UN rights office raises concern about Israel's 'NGO Transparency Law'. — URL: <https://news.un.org/en/story/2016/07/534812> (accessed: 11.12.2025).

[2] Ben-Josef Hirsch, M. Democracy at Risk? Assessing Israel's Democratic Backsliding / M. Ben-Josef Hirsch // Middle East Brief. — 2021. — No. 150. — URL: https://www.researchgate.net/publication/371598604_Democracy_at_Risk_Assessing_Israel's_Democratic_Backsliding (accessed 14.12.2025).

[3] Peleg I., Amir R. The Crisis of Israel's Democracy, 1948–2025: Origins, Developments, and Consequences : monograph. — London : Bloomsbury Academic, 2025. — 320 p. — URL: <https://www.bloomsbury.com/uk/crisis-of-israels-democracy-19482025-9781666977127/> (accessed: 20.02.2026).

[4] Aggestam K. (ed.). Israel: Democratic Backsliding and Elusive Peace : collective monograph. — Lund : Lund University Press, 2025. — 285 p. — URL: <https://www.cmes.lu.se/article/new-book-democratic-backsliding-israeli-politics-and-protracted-conflict> (accessed: 20.02.2026).

трех пересекающихся тем — контеста-ции национальной идентичности, паттернов эрозии демократических институтов и устойчивого влияния затянувшегося ара-бо-израильского конфликта; в результате проведенного исследования авторы пришли к выводу, что каждая новая вспышка боевых столкновений сторон в арабо-израильском конфликте приводит к новому витку обостре-ния как этнонациональной поляризации, так и популистского дискурса. Кроме того, про-блема «хрупкости» израильско демократии также была изучена в работах российских исследователей из МГИМО МИД России и РСМД (Т.А. Карасова^[1], в частности, рассма-тривала кейс Израиля в контексте специфической этнической демократии, в которой формальные демократические институты сочетаются с институционализированным приоритетом еврейского большинства, что в конечном счёте приводит к устойчивому напряжению в обществе и делает режим уязвимым к кризисам и радикализации, а В.П. Воробьев^[2], анализируя конституцион-но-правовую систему и парламентаризм Израиля, подчеркивает, что хронический кризис коалиционной системы структурно ослабляет устойчивость демократических институтов в стране и создаёт условия для их постепенной эрозии и усиления полити-ческой поляризации). Все указанные здесь и прочие факторы будут рассмотрены ниже в соответствующем разделе.

Иным подходом к израильской «хруп-кой» демократии является теория этниче-ской демократии С. Смухи для выявления источника «хрупкости»^[3]. В применении к Израилю теория Смухи предполагает, что государство одновременно (а) гарантирует демократические права и свободы для чле-нов государствообразующей нации (евре-ев), и (б) институционализирует привилегии этой нации над другими группами (особен-но арабским населением). В совокупности это создает встроенное противоречие меж-ду принципом политического равенства и принципом национального приоритета, что делает систему структурно нестабильной и уязвимой к попыткам разрешить это проти-воречие в пользу национализма за счёт де-мократии.

Международные индексы также демон-стрируют соответствующий тренд. В своих публикациях Freedom House отнесла Из-раиль к категории «частично свободные» страны с понижением баллов по компо-нентам «политические права» (7/10 в 2024, снизился с 8/10 в 2015) и «гражданские свободы» (7/10, также в тренде падения)^[4]; Economist Intelligence Unit классифицирует Израиль как «ущербная демократия» (flawed democracy) — 23-е место в мире с падающей траекторией^[5].

Многие аналитические и экспертные центры (Freedom House^[6], IDEA^[7], Brandeis^[8],

[1] Карасова, Т. А. Политический режим современного Израиля / Т. А. Карасова // Международная аналитика. — 2018. — Т. 9, № 2. — С. 18–32. — URL: <https://www.interanalytics.org/jour/article/view/31> (дата обращения: 14.12.2025).

[2] Воробьев, В. П. Израильский парламентаризм: конституционно-правовой анализ / В. П. Воробьев, И. А. Чайко. — Москва : МГИМО-Университет, 2006. — 196 с. — URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/8a1/8a1b185f2d1ab63fcb77e0079288223d.pdf> (дата обращения: 14.12.2025).

[3] Smooha, S. The model of ethnic democracy / S. Smooha. — Text : electronic // ECMI Working Paper. — Flensburg : European Centre for Minority Issues, 2001. — (Working Paper № 13). — URL: https://www.ecmi.de/fileadmin/redakteure/publications/pdf/working_paper_13.pdf (accessed: 11.12.2025).

[4] Freedom in the World 2024: Israel // Freedom House. — 2024. — URL: <https://freedomhouse.org/country/israel/freedom-world/2024> (accessed: 11.12.2025). Министерство юстиции внесло организацию Freedom House в число иностранных и международных организаций, чья деятельность признана нежелательной на территории России.

[5] Democracy Index 2024 // The Economist Intelligence Unit. — London, 2025. — URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2024/> (accessed: 12.12.2025).

[6] Freedom in the World 2024: Israel // Freedom House. — 2024. — URL: <https://freedomhouse.org/country/israel/freedom-world/2024> (accessed: 11.12.2025). Министерство юстиции внесло организацию Freedom House в число иностранных и международных организаций, чья деятельность признана нежелательной на территории России.

[7] The crises of Israeli democracy: political ideological and institutional dimensions // Frontiers in Political Science. — 2025. — Vol. 7. — Art. 1530752. — URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpos.2025.1530752/full> (accessed: 12.12.2025).

[8] Ben-Josef Hirsch, M. Democracy at Risk? Assessing Israel's Democratic Backsliding / M. Ben-Josef Hirsch // Middle East Brief. — 2021. — No. 150. — URL: https://www.researchgate.net/publication/371598604_Democracy_at_Risk_Assessing_Israel's_Democratic_Backsliding (accessed: 14.12.2025).

Clingendael^[1], Lawfare^[2], Verfassungsblog^[3]) сошлись во мнении, что Израиль сегодня переживает процесс демократической эрозии, классифицируемый как «backsliding» установившейся демократии. IDEA (International Institute for Democracy and Electoral Assistance) выпустила специальное кейс-стади по Израилю в контексте глобального состояния демократии на момент 2023 года, классифицировав кейс Израиля как пример «демократической эрозии, происходящей через юридические каналы»^[4].

Военная риторика Израиля также послужила объектом критики и научного анализа: нидерландский Clingendael^[5] выпустил аналитические материалы, в которых был выдвинут тезис о том, что оккупация палестинских территорий является структурным фактором эрозии демократии в Израиле, так как: (а) система военного управления в оккупированных землях противоречит принципу верховенства права и равенства всех граждан, (б) ограничение прав палестинцев служит оправданием для ограничения прав граждан-арабов внутри Израиля, (в) риторика безопасности постоянно используется для уменьшения гражданских свобод и прав человека.

На фоне развития концепции «хрупкой» демократии в контексте израильского кей-

са исследуются также различные типы сопутствующих рисков. В рамках применения концепции демократического backsliding (Levitsky, Ziblatt 2019^[6], Bermeo 2016^[7], Haggard, Kaufman 2021^[8]) выделяют три основных типа рисков: (а) популистского авторитаризма (charismatic leaders undermining checks), (б) институциональной эрозии (weakening of courts, rule of law, civil society), (в) эрозии демократических ценностей (decline in belief in democratic principles, esp. among youth). Как отмечают исследователи, в израильском кейсе все три типа рисков имеют место, при этом они взаимно усиливают друг друга.

Между научными центрами и СМИ США и Европы (NY Times^[9], The Economist^[10], РСМД^[11], и др.) развернулась ожесточенная дискуссия: насколько серьезно эрозия демократии в Израиле влияет на статус страны как «демократического партнера» и какова, в зависимости от этого, оправданность военной и дипломатической поддержки государства? Затронутые в ходе этого обсуждения вопросы об истинных причинах демократической эрозии в Израиле послужили внеочередным фактором критики страны со стороны демократических кругов Запада и заставили многих задаться вопросом о том, как внутреннее ослабление демократии может повлиять на

[1] Occupation as Cause of Israel's Democratic Erosion. — Text : electronic // Clingendael Institute. — The Hague, 2025. — URL: <https://www.clingendael.org/publication/occupation-cause-israels-democratic-erosion> (accessed: 12.12.2025).

[2] The HCJ Strikes Back: Israel's Supreme Court Pulls the Plug on Judicial Reform // Lawfare. — 2024. — 31 Oct. — URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/the-hcj-strikes-back-israel-s-supreme-court-pulls-the-plug-on-judicial-reform> (accessed: 12.12.2025).

[3] Did the Israeli Supreme Court Kill the Constitutional Coup? // Verfassungsblog. — 2024. — 8 Jan. — URL: <https://verfassungsblog.de/did-the-israeli-supreme-court-kill-the-constitutional-coup/> (accessed: 12.12.2025).

[4] International IDEA. Case Study: Israel. Global State of Democracy 2023 Report / International Institute for Democracy and Electoral Assistance. — Stockholm : International IDEA, 2023. — 23 p. — URL: https://www.academia.edu/124360343/Case_study_Israel_Global_State_of_Democracy_2023_Report (accessed: 14.12.2025).

[5] Occupation as Cause of Israel's Democratic Erosion // Clingendael Institute. — The Hague, 2025. — URL: <https://www.clingendael.org/publication/occupation-cause-israels-democratic-erosion> (accessed: 11.12.2025).

[6] Levitsky, S. How Democracies Die / S. Levitsky, D. Ziblatt. — New York : Crown, 2018. — 320 p. — URL: https://www.researchgate.net/publication/345775201_HOW_DEMOCRACIES_DIE_Steven_Levitsky_y_Daniel_Ziblatt_Crown_Publishing_Group_Nueva_York_2018_320_paginas (accessed: 14.12.2025).

[7] Bermeo, N. On Democratic Backsliding / N. Bermeo // Journal of Democracy. — 2016. — Vol. 27, № 1. — P. 5–19. — URL: https://www.researchgate.net/publication/292590574_On_Democratic_Backsliding (accessed: 14.12.2025).

[8] Haggard, S. Dictators and Democrats: Masses, Elites, and Regime Change / S. Haggard, R. Kaufman. — Princeton : Princeton University Press, 2016. — 360 p. — URL: https://www.researchgate.net/publication/345821668_Dictators_and_Democrats_Masses_Elites_and_Regime_Change (accessed: 14.12.2025).

[9] Opinion: Israel's fragile democratic future // The New York Times. — 2024. — 7 Feb. — URL: <https://www.nytimes.com/2024/02/07/opinion/israel-democracy-netanyahu-war.html> (accessed: 12.12.2025).

[10] The year that shattered the Middle East // The Economist. — 2024. — 3 Oct. — URL: <https://www.economist.com/leaders/2024/10/03/the-year-that-shattered-the-middle-east> (accessed: 14.12.2025).

[11] Эрозия единственной демократии на Ближнем Востоке? // Российский совет по международным делам. — 08.08.2018. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/eroziya-edinstvennoy-demokratii-na-blizhnem-vostoke/> (accessed: 12.12.2025).

фактором критики страны со стороны демократических кругов Запада и заставили многих задаться вопросом о том, как внутреннее ослабление демократии может повлиять на внешнюю политику Израиля и стабильность региона в целом.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ «ХРУПКОСТИ» ИЗРАИЛЬСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Гипотеза данной работы состоит в том, что причины «хрупкости» израильской демократии связаны не с текущей политикой или проведением боевых действий, а с фундаментальными архитектурными особенностями политической системы, которые, начиная с 1990-х годов, создали специфические условия для систематической эрозии демократических институтов. Заложенные в период с 1948 по 1980-е фундаментальные предпосылки (включая отсутствие единой писаной конституции, статус-кво религии, пропорциональное представительство), в 1990-е стали проявлять себя как эрозийные факторы: в 90-х произошел поворот к Конституционной революции (1992, Основные законы о достоинстве человека, свободе предпринимательства^[1]), создавшей иллюзию либерализации, но при этом в действительности спровоцировавшей контрреакцию, этнорелигиозный национализм, вылившийся в политическое убийство: после разгоревшегося арабского освободительного движения, Интифады, и заключения соглашений Осло-I и Осло-II в 1993 и 1995 годах соответственно (эти соглашения были крайне негативно восприняты в израильском обществе (молодой на тот момент Беньямин Нетаньяху даже клеймил правительство Рабина как нарушителей еврейских традиций и ценностей)^[2], (1995, гибель премьер-министра Ицхака Рабина от рук ультранационалиста Игаля Амира). Кроме того, было осуществлено ужесточение поло-

жений Закона о возвращении; фрагментация партийной системы отчетливо оформилась в коалиционную зависимость от харедим^[3]. При этом нужно отметить, что при анализе коренных детерминант израильского политического развития необходимо различать три самостоятельных измерения, о которых уже было вкратце упомянуто выше: демократический характер институтов, устойчивость режима и соблюдение прав меньшинств. Эти измерения, как слои составляющие единую формулу «хрупкости» израильского режима, будут рассмотрены каждое в свою очередь ниже.

Израиль остаётся одной из немногих установившихся демократий, не обладающих единой писаной конституцией. Вместо неё в стране используется система «основных законов» (например, именно в Декларации независимости и Основных законах государства Израиля описана формулировка «Еврейское демократическое государство» как главная характеристика политической системы страны^[4]). Основные законы могут быть изменены простым большинством Кнессета (120 голосов); это означает, что избранная коалиция потенциально может переписать «правила игры», соответствующие такой «конституции», фактически в любой момент (например, именно это и произошло при попытке судебной реформы в 2023 году, когда коалиция попыталась отменить основной закон о контроле разумности и изменить процедуру назначения судей через простое неквалифицированное большинство).

Кроме того, израильская система пропорционального представительства без выделения территориальных кругов приводит к фрагментированности в Кнессете, где одна партия редко получает больше, чем 30 из 120 мест. Подобный механизм побуждает премьер-министров создавать

[1] Israel. Basic Laws. Basic Law: Human Dignity and Liberty : enacted by the Knesset on March 17, 1992 // The Knesset : official website. — URL: <https://www.knesset.gov.il/constitution/ConstMJewishState.htm> (accessed: 23.02.2026).

[2] Воробьев В. П., Чайко И. А. Израильский парламентаризм: конституционно-правовой анализ : монография. — М. : МГИМО-Университет, 2006. — 196 с. — С. 124–127.

[3] Карасова, Т.А. Политический режим современного Израиля / Т. А. Карасова // Международная аналитика. — 2018. — Т. 9, № 2. — С. 18–32. — URL: <https://www.interanalytics.org/jour/article/view/31> (accessed: 14.12.2025)

[4] Israel. Basic Laws of the State of Israel // The Knesset : official website. — URL: <https://main.knesset.gov.il/EN/activity/Pages/BasicLaws.aspx> (accessed: 12.12.2025).

коалиции из более, чем 61-го члена, из-за чего входящие в такие коалиции партии зачастую обладают непропорциональным влиянием (например, в 2023–2024 две-три малые ультраортодоксальные партии в ведущей коалиции имели достаточно голосов, чтобы заблокировать решения коалиции или диктовать ей свои условия). Более того, из-за того, что депутаты избираются в Кнессет по партийным спискам, а не по территориальным округам, их индивидуальная ответственность перед избирателями закономерно снижается, а зависимость от лидера партии, наоборот, усиливается.

Несмотря на описанные выше особенности системы, в целом в процедурном отношении Израиль демонстрирует высокий уровень демократичности ввиду наличия конкурентных выборов, парламентской репрезентации и сохранения формальных механизмов политической ответственности.

Впрочем, израильский механизм обеспечения привилегированности ультраортодоксальных групп по сравнению со светскими также оказывает существенное влияние на функционирование демократических институтов страны. Система привилегий для ультраортодоксального населения (харедим) закреплена законодательно и включает выплаты, льготы и прочие блага^[1]. Кроме того, она также интегрирована и в саму логику образования коалиций: партии с выраженной религиозной позицией почти всегда необходимы для формирования большинства в парламенте, благодаря чему им успешно удается заблокировать любые попытки секуляризации, получать непропорциональное финансирование для своих институтов (ешив), а также влиять на гражданский статус населения (вопросы брака, разводов через раввинатский суд). Введение подобных преференций логично приводит к структурному конфликту между демократическими принципами равенства и религиозным приматом — и этот конфликт практически всегда разрешается в пользу последнего.

Описанные выше особенности процедурной составляющей в сочетании с пропорциональной системой и фрагментированной партийной структурой делают процесс формирования коалиций крайне затруднительным, что, в свою очередь, снижает устойчивость исполнительной ветви власти и повышает институциональную уязвимость режима. После того, как правая коалиция развалилась из-за выхода партии «Наш дом Израиль» из общего с Ликуд и религиозными партиями блока по причине нежелания состоять в одной коалиции с харедим, получающими от государства льготы, необходимость постоянно собирать коалицию в сто двадцатиместном Кнессете приводит к весьма своеобразным партийным комбинациям и невозможности устойчивого функционирования государства. Осуществление выборов по партийным спискам и низкий барьер для прохода в Кнессет каждый раз приводят к тому, что в парламенте оказывается пестрый блок объединений, из которых необходимо собирать коалиционное большинство. Но все равно в этом отношении Израиль остается максимально демократическим государством в смысле отражения многообразия предпочтений и идейных движений общества, хотя именно это и приводит к значимой уязвимости политических институтов.

Наконец, ещё одним важным структурным фактором, оказывающим большое влияние на формирование «хрупкой» израильской демократии, является оккупация палестинских территорий и система двойного управления (израильское гражданское право для евреев, военное право для палестинцев). Несомненно, что данная практика не может не оспариваться в рамках дискурса о «либеральной израильской демократии» ввиду её очевидного несоответствия принципу равенства граждан. Помимо этого, сопровождающая оккупацию риторика безопасности, служащая постоянным оправданием ограничения свобод и прав граждан Израиля арабской национальности

[1] Discrimination Against Palestinian Citizens of Israel // Institute for Middle East Understanding. — 2025. — URL: <https://imeu.org/resources/resources/discrimination-against-palestinian-citizens-of-israel/158> (accessed: 12.12.2025).

(около 20% населения) и создающая положение двойных стандартов (с одной стороны, гражданское право для евреев-поселенцев на оккупированных территориях, с другой стороны, военное управление палестинцев), также нарушает целостность «либеральной демократичности» Израиля. Дискриминация граждан Израиля арабской национальности выражена в конкретных нормативных документах и политических решениях: например, Закон о гражданстве и въезде в Израиль (1952, ежегодно продлевается), запрещающий воссоединение семей арабов с палестинцами^[1]; более 50

дискриминационных законов (база данных Adalah), касающихся финансирования арабских муниципалитетов (40% от еврейских при 21% населения), земли (3,5% у арабов и 93% у государства «под еврейское строительство»)^[2]. Впрочем, некоторые исследователи, включая экспертов Clingendael, в своих исследованиях называют данные практики «интегральным элементом этнического характера» израильской демократии^[3].

ТАБЛИЦА. ДИСКРИМИНАЦИОННЫЕ ЗАКОНЫ ИЗРАИЛЯ (1992 - Н.В.)

Год	Закон/решение	Суть нормы
1992	Basic Law: Human Dignity and Liberty	Закрепляет еврейскую идентичность над равенством
1994	Иерусалим как столица	Символическое неравенство арабов Восточного Иерусалима
1998	Сегрегация образования	Асимметричное финансирование арабских школ
2003	Citizenship and Entry Law	Запрет воссоединения семей граждан арабской национальности с палестинцами
2007	Закон о лояльности	Запрет партий, отрицающих еврейский характер
2011	Nakba Law, Anti-Boycott Law, Admissions Committees Law	Лишение бюджета за Накбу; штрафы за призывы к бойкоту; Комитеты еврейских общин отказывают гражданам арабской национальности по «социальной пригодности»
2015	Stone-throwing penalties	Родители несовершеннолетних осужденных теряют государственные пособия (детские выплаты, медстраховка) на период заключения ребенка

[1] Adalah. Citizenship and Entry into Israel Law (Temporary Order) – Prohibition on Family Unification: updated 2026 // Adalah Discriminatory Laws Database. — URL: <https://www.adalah.org/uploads/oldfiles/Public/files/Discriminatory-Laws-Database/English/41-Citizenship-and-Entry-into-Israel-Law-Temporary-Order-2003.pdf> (accessed: 23.02.2026).

[2] Mondoweiss. The Adalah database of 50 discriminatory laws in Israel: analytical review. — 2015. — URL: <https://mondoweiss.net/2015/06/database-discriminatory-israel/> (accessed: 23.02.2026).

[3] Occupation as Cause of Israel's Democratic Erosion // Clingendael Institute. — The Hague, 2025. — URL: <https://www.clingendael.org/publication/occupation-cause-israels-democratic-erosion> (accessed: 12.12.2025).

Окончание таблицы

Год	Закон/решение	Суть нормы
2016	NGO Transparency Law	Маркировка НПО как «иноагентов»
2023	Ben-Gvir Law	Политический контроль министра над полицией

Источник: составлено автором на основе данных Adalah Discriminatory Laws Database^[1].

Обозначенный выше вопрос о правах и свободах арабского населения в контексте исследования израильской демократии, вероятно, всегда должен анализироваться отдельно, поскольку он связан, прежде всего, с этно-национальной моделью государства, заложенной в израильскую архитектуру изначально, и не сводится к одной лишь проблеме коалиционной нестабильности. Именно в контексте этно-национальной модели государства стоит вспомнить об изначальном понимании явления демократии не как власти большинства, которое не подразумевало соблюдения прав человека, хоть и позднее, в западном социополитическом дискурсе подход к демократии именно с точки зрения прав человека в первую очередь стал превалирующим и базисным. Возвращаясь к проблематике - современное израильское общество едино в своем мнении, отрицающем компромиссы с палестинцами. После соглашений, заключенных в Осло, которые, по мнению израильтян привели к росту террора в стране, мало кто выступает за шаги навстречу палестинскому населению. Поэтому можно сказать, что в данном отношении ограничение прав арабского населения Израиля отвечает демократическому принципу настроений большинства граждан в этой стране.

ПРОЯВЛЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭРОЗИИ В «ХРУПКОЙ» ДЕМОКРАТИИ

В данной работе рассмотрены 3 ключевых взаимосвязанных направления развития эрозии демократических институтов политической системы Израиля: (1) ослабление судебной независимости через попытки лишить суд контрольных полномочий, (2) сужение гражданских свобод через специально разработанное «нейтральное» законодательство, (3) углубление поляризации и падение доверия к институтам, особенно среди молодёжи. Фактор использования военной необходимости и войны в целом как предлога для дальнейшего ограничения гражданских и политических прав и свобод в данной работе детально рассматриваться не будет, поскольку он, по мнению автора, скорее ускоряет процесс эрозии, но не является его коренной компонентой.

Одним из наиболее ярких проявлений эрозии института верховенства права в еврейском государстве является событие в июле 2023 года, когда правящая коалиция приняла поправку, отменявшую стандарт «крайней неразумности», являвшейся основанием для судебного надзора над решениями правительства^[2]. В январе 2024 года Верховный суд отменил эту поправку^[3], признав её противоречащей основам израильской демократии, однако весной 2025 года коалиция вновь попыталась возобновить

[1] Adalah. Adalah : The Legal Center for Arab Minority Rights in Israel. — 2026. — URL: <https://www.adalah.org/en/law/index> (accessed: 23.02.2026).

[2] Nets-Zehngut, R. Pioneering Study Regarding the Israeli 2023 Judicial Reform / R. Nets-Zehngut. — 2023. — URL: https://www.researchgate.net/publication/369658719_Pioneering_Study_Regarding_the_Israeli_2023_Judicial_Reform (accessed: 14.12.2025).

[3] The HCJ Strikes Back: Israel's Supreme Court Pulls the Plug on Judicial Reform. // Lawfare. — 31 Oct. 2024. — URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/the-hcj-strikes-back-israel-s-supreme-court-pulls-the-plug-on-judicial-reform> (accessed: 12.12.2025).

проведение реформы. Описанное противостояние является наглядной демонстрацией того, как избранное большинство пытается лишить судебную власть права и возможности защищать права этнических и религиозных меньшинств и контролировать решения исполнительной ветви власти.

Ранее, в период с 2011 по 2023 год была принята серия так называемых «нейтральных» законов, значительно повлиявшая на ограничение гражданских свобод в Израиле. «Нейтральные законы» можно определить как законодательные акты, написанные на формально не дискриминирующем, техническом или процедурном языке, но создающие систематическое неравенство для определенных групп; при этом подобные законы обычно не упоминают отдельные этносы напрямую, но применяются преимущественно к меньшинствам и легитимируются посредством призыва защитить интересы общества (например, безопасность)^[1]. К подобным законам в израильской специфике можно отнести Закон о «Накбе» (2011)^[2], позволяющий Министерству финансов лишать финансирования организации, которые оценивают День независимости как День траура; Закон против BDS (2011)^[3], классифицирующий призывы к бойкоту как гражданское правонарушение; Закон о прозрачности NGO (2016)^[4] о статусе организаций-иноагентов. В отчетах ООН начиная с 2019 года эти законы упоминаются в рамках единой израильской тенденции по делегитимации палестинских и правозащитных организаций^[5]. Вектор

трансформации гражданского образования также сменился: в 90-е курс на либерализацию привел к внедрению универсальных ценностей в учебники, но с 1996 года (после того, как Министерство образования Израиля перешло под контроль правых и религиозных партий), произошла переориентация, и на сегодняшний день количество средств, выделяемых на еврейское культурное образование, в 119 раз превышает бюджет на аналогичное образование о демократических ценностях и сосуществовании культур^[6]; кроме того, порядка 30% израильских школьников посещают ультраортодоксальные школы, в которых гражданское образование в принципе не преподается^[7]. Данные практики постепенно сказываются на эрозии демократических ценностей израильского общества.

В то же время данные опросов показывают резкое снижение доверия населения к ключевым демократическим институтам страны^[8]: сегодня только 10% израильтян доверяют политическим партиям, 21% - Кнессету, 27% - правительству, менее 50% - Верховному суду (ранее этот показатель традиционно был выше 80%); кроме того, более 56% израильтян поддерживают идею «сильного лидера, способного обойти демократические процедуры»; больше 40% молодежи согласны с ограничением политических прав граждан арабской национальности и даже с лишением их избирательного права.

ПРОГНОЗЫ И ВЫВОДЫ

В контексте описанного выше можно

[1] Levitsky, S. *How Democracies Die* / S. Levitsky, D. Ziblatt. — New York : Crown, 2018. — 320 p. — URL: https://www.researchgate.net/publication/345775201_HOW_DEMOCRACIES_DIE_Steven_Levitsky_y_Daniel_Ziblatt_Crown_Publishing_Group_Nueva_York_2018_320_paginas (accessed: 14.12.2025).

[2] Human Rights Watch. *Israel: New laws marginalize Palestinian Arab citizens* // Human Rights Watch. — 29 March 2011. — URL: <https://www.hrw.org/news/2011/03/30/israel-new-laws-marginalize-palestinian-arab-citizens> (accessed: 12.12.2025).

[3] Israel: Anti-boycott bill stifles expression // Human Rights Watch. — 2011. — 13 July. — URL: <https://www.hrw.org/news/2011/07/13/israel-anti-boycott-bill-stifles-expression> (дата обращения: 14.12.2025).

[4] UN Human Rights Office raises concern about Israel's NGO transparency law // UN News. — 2016. — URL: <https://news.un.org/en/story/2016/07/534812> (accessed: 12.12.2025).

[5] *Israel's Suppression of Palestinian Civil Society*. — Text : electronic // UN Human Rights Council, 50th session. — Geneva, 2022. — Doc. A/HRC/50/NGO/168. — URL: <https://docs.un.org/en/A/HRC/50/NGO/168> (accessed: 12.12.2025).

[6] BenJosef Hirsch, M. *Democracy at Risk? Assessing Israel's Democratic Backsliding* / M. BenJosef Hirsch // Middle East Brief. — 2021. — No. 150. — URL: https://www.researchgate.net/publication/371598604_Democracy_at_Risk_Assessing_Israel's_Democratic_Backsliding (accessed: 14.12.2025).

[7] Там же.

[8] The Israel Democracy Institute. *The Israeli Democracy Index 2024: Main Findings* // Israel Democracy Institute. — Jerusalem, 2024. — URL: <https://en.idi.org.il/articles/57466> (accessed: 12.12.2025).

режима и является причиной его уязвимости: с одной стороны, Израиль является страной, приверженной демократическим принципам в их раннем естественном понимании, но с другой, именно это и приводит к проблемам устойчивости политического режима и защиты прав и свобод арабского населения.

С учётом текущей расстановки политических сил в Израиле будущее демократических институтов страны во многом будет зависеть от того, будет ли достигнута институциональная консолидация посредством использования компромиссных механизмов или система продолжит функционировать в векторе «ползучего» бэкслейдинга, рискуя превратиться в гибридный режим. Текущая траектория, к сожалению, пока что больше тяготеет ко второму варианту ввиду того, что сегодняшние политические элиты Израиля демонстрируют низкую готовность к компромиссам по вопросам балансирования еврейских националистических и религиозных интересов и демократических ценностей. Детализируя путь достижения первого сценария (институциональная консолидация), нужно отметить, что логичным выходом из кризиса видится принятие писаной конституции, закрепляющей жёсткие правила изменения основных законов (например, требование квалифицированного большинства или проведение референдума). Когда в 2023 году Верховный суд блокировал реформу о контроле разумности, по сути это означало признание существования некоторых «основных ценностей», таких как правовое государство, равенство, разделение властей, и пр., которые не могут быть отменены по инициативе большинства голосов в Кнессете, однако, в действительности текущее правительство и коалиция демонстрируют готовность к конфронтации, нежели к компромиссу. Увы, более вероятен сценарий постепенной конфронтации, при котором судебная система страны будет значительно ослаблена ввиду применения ряда ограничений (например, изменение процедуры назначения судей или ограничение отдель-

ных типов исков), влияние ортодоксальных групп будет, напротив, расширено (к примеру, посредством закона о национальной идентичности или повышения авторитета раввинатского суда), гражданские и политические свободы будут сужены под предлогом требований безопасности населения, а идеологическая платформа системы образования продолжит смещаться от либеральных к выраженным националистическим ценностям. В совокупности все это может привести к тому, что Израиль станет «гибридным режимом», в котором реальная защита прав этнических и религиозных меньшинств станет трудно достижимой.

Нельзя также исключать вероятность усиления внешнего давления на Израиль со стороны США и ЕС в целях защиты демократических институтов и ценностей. Это может привести к образованию внутривнутриполитического раскола между теми группами интересов, кто ценит западную поддержку, и теми, кто её отвергнет в пользу приверженности радикальным идеям. Подобная внутренняя поляризация может привести к внеочередному циклу выборов с результатом в виде потенциальной смены коалиции, но, учитывая текущую политическую конъюнктуру, новая коалиция также может столкнуться с давлением и зависимостью от религиозных и правых партий.

Подводя итоги, стоит отметить, что «хрупкость» израильской системы демократии возникает не из-за одного стимула, а из-за комплексного пересечения факторов конституционной архитектуры (отсутствие единой писаной конституции), политической системы (этническая модель демократии), коалиционной зависимости от радикальных партий, конфессионального привилегирования и общей риторики боевых действий, вместе создавших такие условия, при которых демократически избранные лидеры используют легальные инструменты, эрозивно влияющие на демократические нормы, ценности и институты в стране. Процесс эрозии демократии в Израиле не является следствием нахождения у власти отдельного лидера

или коалиции (которые выступают скорее драйверами процесса, но не его первопричинами), в большей степени он отражает глубокие структурные уязвимости режима, которые стали накапливаться со второй половины 1990-х годов, когда произошёл постепенный сдвиг от либеральной конституционной революции 1992 года (принятие основных законов о правах человека) к закреплению национальных ценностей над универсальными. Сегодня эрозия прослеживается в нескольких направлениях, уже рассмотренных выше, но особую тревожность вызывает тенденция поддержки ограничения гражданских и политических прав израильских арабов еврейской молодежи, что является своеобразным индикатором долгосрочности эрозии демократических ценностей общества. При этом до того времени, пока вооруженный конфликт с Палестиной не будет разрешен, в рамках общего правительственного дискурса израильская демократия не может быть «спасена» внутривластными реформами. Таким образом, можно сделать вывод, что демократические процедуры в израильском случае обеспечивают выражение общественных предпочтений, мнений и интересов, но сами по себе не гарантируют ни устойчивости политической системы, ни равную защиту прав и свобод всех групп населения. Для стабилизации демократических институтов в Израиле необходимо принятие писаной конституции с квалифицированной процедурой изменения, проведение переговоров между либеральными и националистическими группами интересов о характере «еврейского демократического» государства с целью поиска баланса интересов, а не приоритета одной силы над другой, осуществление реформы образования с целью укрепления демократических ценностей, а также окончательное решение вопроса об оккупации как внешнего фактора эрозии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьев В.П. Израильский парламентаризм: конституционно-правовой анализ / В.П. Воробьев, И.А. Чайко. — Москва:

МГИМО-Университет, 2006. — 196 с. — URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/8a1/8a1b185f2d1ab63fcb77e0079288223d.pdf> (дата обращения: 14.12.2025).

2. Воробьев В.П., Чайко И.А. Израильский парламентаризм: конституционно-правовой анализ: монография. — М.: МГИМО-Университет. — 2006. — 196 с.

3. Карасова Т.А. Политический режим современного Израиля / Т.А. Карасова // Международная аналитика. — 2018. — Т. 9, № 2. — С. 18–32. — URL: <https://www.interanalytics.org/jour/article/view/31> (дата обращения: 14.12.2025)

4. Эрозия единственной демократии на Ближнем Востоке? — Текст: электронный // Российский совет по международным делам. — 08.08.2018. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/eroziya-edinstvennoy-demokratii-na-blizhnem-vostoke/> (дата обращения: 12.12.2025).

5. Adalah. Adalah: The Legal Center for Arab Minority Rights in Israel. — 2026. — URL: <https://www.adalah.org/en/law/index> (дата обращения: 23.02.2026).

6. Adalah. Citizenship and Entry into Israel Law (Temporary Order) – Prohibition on Family Unification: updated 2026. — [Electronic resource] // Adalah Discriminatory Laws Database. — URL: <https://www.adalah.org/uploads/oldfiles/Public/files/Discriminatory-Laws-Database/English/41-Citizenship-and-Entry-into-Israel-Law-Temporary-Order-2003.pdf> (дата обращения: 23.02.2026).

7. Aggestam K. (ed.). Israel: Democratic Backsliding and Elusive Peace: collective monograph. — Lund: Lund University Press, 2025. — 285 p. — [Electronic resource]. — URL: <https://www.cmes.lu.se/article/new-book-democratic-backsliding-israeli-politics-and-protracted-conflict> (дата обращения: 20.02.2026).

8. Ben Josef Hirsch, M. Democracy at Risk? Assessing Israel's Democratic Backsliding / M. Ben Josef Hirsch // Middle East Brief. — 2021. — No. 150. — [Electronic resource]. — URL:

https://www.researchgate.net/publication/371598604_Democracy_at_Risk_Assessing_Israel's_Democratic_Backsliding (дата обращения: 14.12.2025).

9. Bermeo, N. On Democratic Backsliding / N. Bermeo // *Journal of Democracy*. — 2016. — Vol. 27, № 1. — P. 5–19. — [Electronic resource]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/292590574_On_Democratic_Backsliding (дата обращения: 14.12.2025).

10. Democracy Index 2024. — [Electronic resource] // The Economist Intelligence Unit. — London, 2025. — URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2024/> (дата обращения: 12.12.2025).

11. Discrimination Against Palestinian Citizens of Israel. — [Electronic resource] // Institute for Middle East Understanding. — 2025. — URL: <https://imeu.org/resources/resources/discrimination-against-palestinian-citizens-of-israel/158> (дата обращения: 12.12.2025).

12. Freedom in the World 2024: Israel. — [Electronic resource] // Freedom House. — 2024. — URL: <https://freedomhouse.org/country/israel/freedom-world/2024> (дата обращения: 11.12.2025). Министерство юстиции внесло организацию Freedom House в число иностранных и международных организаций, чья деятельность признана нежелательной на территории России.

13. Haggard, S. Dictators and Democrats: Masses, Elites, and Regime Change / S. Haggard, R. Kaufman. — Princeton: Princeton University Press, 2016. — 360 p. — [Electronic resource]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/345821668_Dictators_and_Democrats_Masses_Elites_and_Regime_Change (дата обращения: 14.12.2025).

14. International IDEA. Case Study: Israel. Global State of Democracy 2023 Report / International Institute for Democracy and Electoral Assistance. — Stockholm: International IDEA, 2023. — 23 p. — [Electronic resource]. — URL: https://www.academia.edu/124360343/Case_study_Israel_Global_State_of_Democracy_2023_Report (дата об-

ращения: 14.12.2025).

15. Israel. Basic Laws. Basic Law: Human Dignity and Liberty: enacted by the Knesset on March 17, 1992. — [Electronic resource] // The Knesset: official website. — URL: <https://www.knesset.gov.il/constitution/ConstMJewishState.htm> (дата обращения: 23.02.2026).

16. Israel. Basic Laws of the State of Israel. — [Electronic resource] // The Knesset: official website. — URL: <https://main.knesset.gov.il/EN/activity/Pages/BasicLaws.aspx> (дата обращения: 12.12.2025).

17. Israel's Nation-State Law, 2018. — [Electronic resource] // International Institute of Social Studies (ISS), Erasmus University Rotterdam. — 2018. — URL: <https://www.iss.nl/en/events/israels-nation-state-law-2018-10-04> (дата обращения: 14.12.2025).

18. Israel's Suppression of Palestinian Civil Society. — [Electronic resource] // UN Human Rights Council, 50th session. — Geneva, 2022. — Doc. A/HRC/50/NGO/168. — URL: <https://docs.un.org/en/A/HRC/50/NGO/168> (дата обращения: 12.12.2025).

19. Levitsky, S. How Democracies Die / S. Levitsky, D. Ziblatt. — New York: Crown, 2018. — 320 p. — [Electronic resource]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/345775201_HOW_DEMOCRACIES_DIE_Steven_Levitsky_y_Daniel_Ziblatt_Crown_Publishing_Group_Nueva_York_2018_320_paginas (дата обращения: 14.12.2025).

20. Mondoweiss. The Adalah database of 50 discriminatory laws in Israel: analytical review. — 2015. — URL: <https://mondoweiss.net/2015/06/database-discriminatory-israel/> (дата обращения: 23.02.2026).

21. Nets-Zehngut, R. Pioneering Study Regarding the Israeli 2023 Judicial Reform / R. Nets-Zehngut. — 2023. — [Electronic resource]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/369658719_Pioneering_Study_Regarding_the_Israeli_2023_Judicial_Reform (дата обращения: 14.12.2025).

22. Occupation as Cause of Israel's

Democratic Erosion. — [Electronic resource] // Clingendael Institute. — The Hague, 2025. — URL: <https://www.clingendael.org/publication/occupation-cause-israels-democratic-erosion> (дата обращения: 12.12.2025).

23. Peleg I., Amir R. The Crisis of Israel's Democracy, 1948–2025: Origins, Developments, and Consequences: monograph. — London: Bloomsbury Academic, 2025. — 320 p. — [Electronic resource]. — URL: <https://www.bloomsbury.com/uk/crisis-of-israels-democracy-19482025-9781666977127/> (дата обращения: 20.02.2026).

24. Smooha, S. The model of ethnic democracy / S. Smooha. — [Electronic resource] // ECMI Working Paper. — Flensburg: European Centre for Minority Issues, 2001. — (Working Paper № 13). — URL: https://www.ecmi.de/fileadmin/redakteure/publications/pdf/working_paper_13.pdf (дата обращения: 11.12.2025).

25. The crises of Israeli democracy: political ideological and institutional dimensions // *Frontiers in Political Science*. — 2025. — Vol. 7. Art. 1530752. — [Electronic resource]. — URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpos.2025.1530752/full> (дата обращения: 12.12.2025).

26. The Israel Democracy Institute. The Israeli Democracy Index 2024: Main Findings. — [Electronic resource] // Israel Democracy Institute. — Jerusalem, 2024. — URL: <https://en.idi.org.il/articles/57466> (дата обращения: 12.12.2025).

REFERENCES

1. Adalah. Adalah: The Legal Center for Arab Minority Rights in Israel. — 2026. — URL: <https://www.adalah.org/en/law/index> (accessed: 23.02.2026).

2. Adalah. Citizenship and Entry into Israel Law (Temporary Order) – Prohibition on Family Unification: updated 2026. — [Electronic resource] // Adalah Discriminatory Laws Database. — URL: <https://www.adalah.org/uploads/oldfiles/Public/files/Discriminatory-Laws-Database/English/41-Citizenship-and->

[Entry-into-Israel-Law-Temporary-Order-2003.pdf](#) (accessed: 23.02.2026).

3. Aggestam K. (ed.). Israel: Democratic Backsliding and Elusive Peace: collective monograph. — Lund: Lund University Press, 2025. — 285 p. — [Electronic resource]. — URL: <https://www.cmes.lu.se/article/new-book-democratic-backsliding-israeli-politics-and-protracted-conflict> (accessed: 20.02.2026).

4. Ben Josef Hirsch, M. Democracy at Risk? Assessing Israel's Democratic Backsliding / M. Ben Josef Hirsch // *Middle East Brief*. — 2021. — No. 150. — [Electronic resource]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/371598604_Democracy_at_Risk_Assessing_Israel's_Democratic_Backsliding (accessed: 12.12.2025).

5. Bermeo, N. On Democratic Backsliding / N. Bermeo // *Journal of Democracy*. — 2016. — Vol. 27, № 1. — P. 5–19. — [Electronic resource]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/292590574_On_Democratic_Backsliding (accessed: 12.12.2025).

6. Democracy Index 2024. — [Electronic resource] // The Economist Intelligence Unit. — London, 2025. — URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2024/> (accessed: 12.12.2025).

7. Discrimination Against Palestinian Citizens of Israel. — [Electronic resource] // Institute for Middle East Understanding. — 2025. — URL: <https://imeu.org/resources/resources/discrimination-against-palestinian-citizens-of-israel/158> (accessed: 12.12.2025).

8. Eroziya edinstvennoj demokratii na Blizhnem Vostoke? [The erosion of the only democracy in the Middle East?] — Tekst: e`lektronny`j // Rossijskij sovet po mezhdunarodny`m delam. — 08.08.2018. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/eroziya-edinstvennoy-demokratii-na-blizhnem-vostoke/> (accessed: 12.12.2025).

9. Freedom in the World 2024: Israel. — [Electronic resource] // Freedom House^[1]. — 2024. — URL:

[1] Министерство юстиции внесло организацию Freedom House в число иностранных и международных организаций, чья деятельность признана нежелательной на территории России.

<https://freedomhouse.org/country/israel/freedom-world/2024> (accessed: 11.12.2025).

10. Haggard, S. *Dictators and Democrats: Masses, Elites, and Regime Change* / S. Haggard, R. Kaufman. — Princeton: Princeton University Press, 2016. — 360 p. — [Electronic resource]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/345821668_Dictators_and_Democrats_Masses_Elites_and_Regime_Change (accessed: 14.12.2025).

11. International IDEA. *Case Study: Israel. Global State of Democracy 2023 Report* / International Institute for Democracy and Electoral Assistance. — Stockholm: International IDEA, 2023. — 23 p. — [Electronic resource]. — URL: https://www.academia.edu/124360343/Case_study_Israel_Global_State_of_Democracy_2023_Report (accessed: 14.12.2025).

12. Israel. *Basic Laws. Basic Law: Human Dignity and Liberty: enacted by the Knesset on March 17, 1992.* — [Electronic resource] // The Knesset: official website. — URL: <https://www.knesset.gov.il/constitution/ConstMJewishState.htm> (accessed: 23.02.2026).

13. Israel. *Basic Laws of the State of Israel.* — [Electronic resource] // The Knesset: official website. — URL: <https://main.knesset.gov.il/EN/activity/Pages/BasicLaws.aspx> (accessed: 14.12.2025).

14. *Israel's Nation-State Law, 2018.* — [Electronic resource] // International Institute of Social Studies (ISS), Erasmus University Rotterdam. — 2018. — URL: <https://www.iss.nl/en/events/israels-nation-state-law-2018-10-04> (accessed: 14.12.2025).

15. *Israel's Suppression of Palestinian Civil Society.* — [Electronic resource] // UN Human Rights Council, 50th session. — Geneva, 2022. — Doc. A/HRC/50/NGO/168. — URL: <https://docs.un.org/en/A/HRC/50/NGO/168> (accessed: 14.12.2025).

16. Karasova T.A. *Politicheskij rezhim sovremennogo Izrailya [The political regime of modern Israel]* / T. A. Karasova // *Mezhdunarodnaya analitika.* — 2018. — T. 9, №2. — S. 18–32. — URL: <https://www.interanalytics.org/jour/article/view/31>

(accessed: 14.12.2025).

17. Levitsky, S. *How Democracies Die* / S. Levitsky, D. Ziblatt. — New York: Crown, 2018. — 320 p. — [Electronic resource]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/345775201_HOW_DEMOCRACIES_DIE_Steven_Levitsky_y_Daniel_Ziblatt_Crown_Publishing_Group_Nueva_York_2018_320_paginas (accessed: 14.12.2025).

18. Mondoweiss. *The Adalah database of 50 discriminatory laws in Israel: analytical review.* — 2015. — URL: <https://mondoweiss.net/2015/06/database-discriminatory-israel/> (accessed: 23.02.2026).

19. Nets-Zehngut, R. *Pioneering Study Regarding the Israeli 2023 Judicial Reform* / R. Nets-Zehngut. — 2023. — [Electronic resource]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/369658719_Pioneering_Study_Regarding_the_Israeli_2023_Judicial_Reform (accessed: 14.12.2025).

20. *Occupation as Cause of Israel's Democratic Erosion.* — [Electronic resource] // Clingendael Institute. — The Hague, 2025. — URL: <https://www.clingendael.org/publication/occupation-cause-israels-democratic-erosion> (accessed: 12.12.2025).

21. Peleg I., Amir R. *The Crisis of Israel's Democracy, 1948–2025: Origins, Developments, and Consequences: monograph.* — London: Bloomsbury Academic, 2025. — 320 p. — [Electronic resource]. — URL: <https://www.bloomsbury.com/uk/crisis-of-israels-democracy-19482025-9781666977127/> (accessed: 20.02.2026).

22. Smooha, S. *The model of ethnic democracy* / S. Smooha. — [Electronic resource] // ECMI Working Paper. — Flensburg: European Centre for Minority Issues, 2001. — (Working Paper № 13). — URL: https://www.ecmi.de/fileadmin/redakteure/publications/pdf/working_paper_13.pdf (accessed: 11.12.2025).

23. *The crises of Israeli democracy: political ideological and institutional dimensions* // *Frontiers in Political Science.* — 2025. — Vol. 7. — Art. 1530752. — [Electronic resource]. — URL:

<https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpos.2025.1530752/full> (accessed: 12.12.2025).

24. The Israel Democracy Institute. The Israeli Democracy Index 2024: Main Findings. — [Electronic resource] // Israel Democracy Institute. — Jerusalem, 2024. — URL: <https://en.idi.org.il/articles/57466> (accessed: 12.12.2025).

25. Vorob`yov V.P. Izrail`skij parlamentarizm: konstitucionno-pravovoj analiz [Israeli Parliamentarism: Constitutional and Legal

Analysis] / V.P. Vorob`yov, I. A. Chajko. — Moskva: MGIMO-Universitet, 2006. — 196 s. — URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/8a1/8a1b185f2d1ab63fcb77e0079288223d.pdf> (accessed: 14.12.2025).

26. Vorob`yov V.P., Chajko I. A. Izrail`skij parlamentarizm: konstitucionno-pravovoj analiz: monografiya. [Israeli Parliamentarism: Constitutional and Legal Analysis] — M.: MGIMO-Universitet. — 2006. — 196 s.

«Мягкая сила» Японии как инструмент формирования привлекательного имиджа страны (на примере японских ТНК)

Саакян Анна Арменовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Факультет истории и международного права,

1 курс магистратуры «Гуманитарная дипломатия и международные переговоры»

420008, Россия, респ. Татарстан, Казань, ул. Кремлевская, 18

РЕЗЮМЕ

В условиях стремительно глобализирующегося мира значительно возрастает значение «мягкой силы» как эффективного внешнеполитического инструмента. Одним из ярких примеров страны, успешно применяющей концепцию «мягкой силы», является Япония. После окончания Второй мировой войны Япония проводила план по масштабной модернизации, восстановлению экономики и промышленности. Ей удалось постепенно сформировать привлекательный образ на международной арене. Страна действовала через распространение японского языка, культуры, традиций, кухни, а также через достижения в области электроники, автомобилестроения и высоких технологий. Все эти достижения и культурные особенности страны стали прекрасными инструментами «мягкой силы» Японии. Стране удалось наладить контакт с западными державами, у которых сформировался позитивный образ Японии как уникальной страны с передовыми технологиями в разных областях жизни (автомобилестроение, «зеленая» энергетика, системы умных домов и умных городов).

Япония представляется страной, которая сочетает в себе инновационные технологии, скромность, уважение к традициям и всему живому, стремление к гармонии и балансу во всем. Однако не только Япония транслирует на мир свою культурную повестку, ей приходится конкурировать с другими странами, в первую очередь с Китаем и Южной Кореей. Эти страны активно используют язык, кино, музыку и высокие технологии для укрепления позиций в мире и для распространения собственной культуры за пределами своих территориальных границ. Именно поэтому в сложных условиях при постоянно усиливающейся «конкуренции культур» Япония вынуждена совершенствовать свою стратегию «мягкой силы», мобильно адаптировать ее под быстроизменяющиеся реалии, чтобы эффективно представлять свои национальные интересы на мировой арене. В статье на примере деятельности японских ТНК мы рассмотрим феномен «мягкой силы» как инструмент продвижения национальных интересов и формирования привлекательного имиджа за рубежом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

мягкая сила; имидж страны; инструменты мягкой силы; национальные интересы; японские транснациональные корпорации; Япония

Для связи с автором: saakynanna00@mail.ru

Soft Power: How Japanese TNCs Use Brand Diplomacy to Promote Cultural

Anna A. Saakyan

Faculty of History and International Law, Master's degree,
«Humanitarian Diplomacy and International Development», 1st year
18, Kremlyovskaya Street, Kazan, Russia, 420008

ABSTRACT

In the context of a rapidly globalizing world, the importance of «soft power» as an effective foreign policy tool is significantly increasing. One of the striking examples of a country that successfully applies the concept of «soft» power is Japan. After the end of World War II, Japan carried out a plan for large-scale modernization, restoration of the economy and industry. At this rate, it managed to gradually form an attractive image in the international arena. The country acted through the dissemination of the Japanese language, culture, traditions, dishes, as well as through achievements in the field of electronics, automotive industry and high technology. All these achievements and cultural features have become excellent tools of Japan's «soft power». The country managed to establish contact with Western powers, which have formed a positive image of Japan as a unique country with advanced technologies in various areas of life (automotive industry, «green» energy,

smart home and smart city systems). Japan is presented as a country that combines innovative technologies, modesty, respect for traditions and all living things, the desire for harmony and balance in everything. However, Japan is not the only country that broadcasts its cultural agenda to the world; it has to compete with other countries, primarily China and South Korea. These countries, like Japan, use their language, cinema, music, and high technologies to strengthen their positions in the world and spread their culture beyond their territorial borders. That is why, in difficult conditions with ever-increasing “competition of cultures,” Japan is forced to improve its “soft power” strategy, adapt it flexibly to rapidly changing realities, in order to be able to continue to effectively represent its national interests on the world stage. In this article, using the example of Japanese TNCs, we will examine the phenomenon of “soft power” as a tool for promoting national interests and creating an attractive image abroad.

KEYWORDS

soft power; country image; soft power instruments; national interests; Japanese transnational corporations; Japan

В XXI веке произошли значимые события в мировой экономике и экономике национальных государств: изменились методы и средства выстраивания международных отношений. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что одним из ключевых инструментов влияния на международной арене становится культурная привлекательность государства. Сегодня военной мощи недостаточно для эффективного ведения внешней политики: страны расширяют каналы воздействия на мировые процессы, используя многовариативные средства для укрепления своих позиций, продвижения национальных интересов и формирования положительного имиджа за рубежом.

В современном глобальном мире стремительно возрастает роль «мягкой силы». Решать геополитические задачи проще, удобнее и экономичнее именно с помощью несиловых, то есть «мягких» внешнеполитических инструментов. Безусловно, военная и экономическая силы сохраняют значение как способы достижения целей на международной арене, но стратегия «мягкой силы» приобретает обязательный взаимодополнительный характер.

Страной, прекрасно демонстрирующей применение мягкой силы, является Япония. После окончания Второй мировой войны Япония проделала огромные усилия, чтобы сегодня по праву называться одной из самых высокотехнологичных стран. Язык, уникальная культура, традиции, комплекс инновационных технологий, – средства «мягкой силы», которые Япония использовала, чтобы привлечь западных коллег и наладить с ними контакты. Сегодня Япония – пример сочетания традиций и новых технологий. Не только Япония использует свою культурную составляющую в качестве инструмента привлечения внимания. В этот перечень по праву входят Китай и Южная Корея, поэтому «стране самураев» приходится прилагать всё больше усилий, чтобы не проиграть в «куль-

турной гонке».

В рамках данной статьи будут продемонстрированы инструменты и способы, которые используют японские ТНК для формирования положительного имиджа страны восходящего Солнца, а также обозначена эффективность такого подхода.

Цель исследования заключается в анализе специфики «мягкой силы» японских транснациональных корпораций, используемой в качестве инструмента продвижения продукции и реализации национальных интересов государства на международной арене. Для достижения этой цели необходимо решить ряд задач:

1. Раскрыть содержание основополагающих теоретических аспектов концепции «мягкой силы».
2. Проанализировать особенности японского подхода к «мягкой силе».
3. Изучить корпоративные отчеты и другие документы известных японских ТНК.
4. Сделать вывод относительно специфики применения «мягкой силы» японскими ТНК для достижения поставленных целей.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XX века, когда получила признание концепция «мягкой силы» Дж. Найа, по настоящее время. Верхняя граница позволяет изучить применение элементов «мягкой силы» японскими ТНК на современном этапе с учетом политического курса страны.

Теоретической базой исследования послужили труды, в которых интерпретируется концепция «мягкой силы» (Дж. Най, Я. Меллисен^[1], О.Г. Леонова, Н.В. Бурлинова^[2], Е.В. Ефанова и др.). В исследовании мы также опирались на работы, посвященные формированию «мягкой силы» Японии (Дж. М. Галларотти, Я. Ватанабэ, Д. Мак Коннелл^[3] и др.), особенностям японских транснациональных корпораций. Кроме этого, в исследовании представлен анализ корпоративных отчетов и некоторых других материалов японских

[1] Melissen J. (ed.) *The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations*. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2005. — P. 22..

[2] Бурлинова Н. В. *Курс общественного дипломата: учеб.- метод. материалы* № 4. — М.: НП РСМД, 2017. — С. 10-11.

[3] Watanabe, Y., McConnell, D. (eds.) *Japan's Soft Power: Diplomacy Through Culture*. — New York: M. E. Sharpe, 2008. — P. 76..

ТНК. Следует отметить, что лишь немногие работы посвящены непосредственно феномену «мягкой силы» в деятельности японских ТНК. Изучением практики применения инструментов «мягкой силы» японскими ТНК занимался Ш. Чжан^[1]. Он анализировал стратегию компании Toyota и причины ее успеха как в Японии, так и на внешних рынках. Автор особое внимание уделил японской философии кайдзэн (постоянное улучшение) и омотэнаси (гостеприимство) в корпоративной практике компании. К. Ивабучи, изучив стратегию «Cool Japan», используемую для улучшения имиджа страны на международной арене, пришёл к выводу, что выстраивание культурного диалога Японии с некоторыми странами, например, с Китаем и Южной Кореей, осложняется исторической памятью этих стран о действиях Японии во время Второй мировой войны^[2]. По мнению П.Е. Лама^[3], несмотря на привлекательность продуктов японской поп-культуры (манги и аниме), страна все еще сталкивается с отголосками прошлого, бременем истории. К. Векаси изучала деятельность японских корпораций в рамках нормализации отношений с Китаем. Она проанализировала те каналы, которые японские корпорации использовали для смягчения антияпонских настроений в Китае в связи с территориальными спорами о принадлежности островов Сэнкаку/Дяоюйдао^[4]. В качестве примеров автор приводит программу студенческого обмена «Experience Japanese companies; Come close to Japan», организованную Японской торгово-промышленной палатой в Пекине. Компания пожертвовала около 100 млн. иен на организацию поездок китайских студентов в Японию по обмену.

Актуальность исследования заключается в том, что Япония по своей культурной специфике отличается от США, европейских стран, Китая. Она активно применяет

концепцию «мягкой силы» для достижения своих национальных интересов и формирования позитивного имиджа за рубежом. Продукция японских ТНК известна своими качеством и надежностью. Именно поэтому интересно проследить, как японские ТНК формируют имидж страны за рубежом и транслируют японские ценности через свою продукцию.

Новизна исследования заключается в том, что в работе рассматривается роль японских ТНК как самостоятельных акторов «мягкой силы», которые транслируют культурные ценности и интересы Японии через продажу своей продукции, глобальный маркетинг с элементами японской культуры. В работе также представлены конкретные примеры, как японские ТНК Toyota, Honda, Mitsubishi, Sony, Uniqlo и Nintendo укрепляют имидж Японии за рубежом.

При написании работы использовались следующие методы. Метод системного анализа помог выяснить, как деятельность японских ТНК вписывается в общую стратегию «мягкой силы» Японии и влияет на конечный результат — имидж страны. Метод кейс-стади был полезен для изучения деятельности японских ТНК и их инструментов для улучшения имиджа Японии в глазах мирового сообщества на примере таких компаний, как Toyota, Sony, Nintendo и Fast Retailing (Uniqlo) и др. Выбор кейсов был обусловлен принадлежностью этих компаний к разным сферам экономики (автомобилестроение, электроника, медиаиндустрия, легкая промышленность) и прочным положением на рынках.

ФЕНОМЕН «МЯГКОЙ СИЛЫ»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Понятие «мягкая сила» (soft power) вошло в широкий оборот в конце XX века благодаря гарвардскому профессору Дж. Наю — эксперту в области международных отношений и бывшему сотруднику администрации

[1] Чжан Ш. Особенности экономической стратегии компании «Toyota» на мировом рынке / Ш. Чжан // Форум молодых ученых. — 2019. — № 5(33). — С. 1354.

[2] Iwabuchi K. Pop-culture diplomacy in Japan: Soft power, nation branding and the question of «international cultural exchange» / K. Iwabuchi // International Journal of Cultural Policy. — 2015. — Vol. 21. — P. 420-421.

[3] Lam P. E. Japan's Quest for «Soft Power»: Attraction and Limitation / P. E. Lam // East Asia. — 2007. — Vol. 24, No. 4. — P. 350-352.

[4] Vekasi K. Can business sell a likeable Japan to China? // East Asia Forum Quarterly. — 2017. — Vol. 9, No. 3. — P. 24-25.

Б. Клинтона. «Мягкая сила» определяется как «способность государства, нации или союза достигать целей через экономическое и культурное влияние, а не через принуждение или военную мощь»^[1]. Дж. Най, ставший одним из главных теоретиков глобальной политики, показал, что в современном мире авторитет строится не только на силе оружия, но и на привлекательности ценностей, образования или технологий того или иного государства. В работе ««Мягкая сила»: средства достижения успеха в мировой политике» автор трактует «мягкую силу» как «способность (ability) заполучить то, что вы желаете, не путем принуждения (coercion) или вознаграждения (payment), а путем привлечения на свою сторону (attraction). То есть, побудить остальных силой убеждения делать то, чего хотите вы»^[2]. Я. Меллисен развил концепцию Дж. Нае, отметив, что «мягкая сила» функционирует через современную публичную дипломатию, в которой основная роль принадлежит негосударственным акторам, в том числе транснациональным корпорациям^[3].

Российский исследователь О.Г. Леонова отмечает, что «мягкая сила» — это некий набор внешних и внутренних факторов государства^[4]. К внешним факторам автор относит экономическую и политическую привлекательность государства, его внешнюю политику, статус на международной арене и др. К внутренним факторам автор относит культуру, менталитет, идеологию государства, уровень жизни населения. По мнению Дж. М. Галларотти, «мягкая сила» — это способность государства к привлечению, формированию предпочтений других стран на основе собственных без принуждения («жесткой силы», экономических санкций и

т.д.)»^[5]. Современным ученым и политологам известны несколько моделей «мягкой силы». Например, выделяют следующие модели^[6]:

1. Культурная «мягкая сила» — туристическая привлекательность страны, культурное наследие, популяризация национального языка (например, деятельность Japan Foundation).

2. Экономическая «мягкая сила» — привлекательность страны для финансов и инвестиций (например, надежная банковская система Швейцарии).

3. Гуманитарная «мягкая сила» — привлекательность образовательной системы, науки и технологий.

4. Политическая «мягкая сила» — развитие политических институтов демократии, эффективность защиты прав человека (например, Агентство США по международному развитию (1961) г. являлось одним из ключевых источников «мягкой силы» Штатов до 2025 г.)^[7].

5. Дипломатическая «мягкая сила» — возможность государства эффективно вести переговоры, предотвращать агрессию и угрозы несилевыми методами.

В реализации политики мягкой силы особую роль играют инструменты. Инструменты «мягкой силы» — это те способы, с помощью которых страны влияют на внешний мир не через принуждение, а через привлекательность культуры, ценностей и политики. К инструментам «мягкой силы» можно отнести культуру, образование, туризм, распространение языка, НПО (неправительственные организации), экономическую модель государства и спорт^[8].

В настоящее время об актуальности концепта «мягкая сила» на мировой арене свидетельствует факт существования рейтингов

[1] Soft power // Oxford Learner's Dictionaries. — URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/soft-power?q=soft+power> (accessed: 18.03.2025).

[2] Nye J. S., Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics* / Joseph S. Nye, Jr. — New York: Public Affairs Group. — 2004. — P. 13-15.

[3] Melissen J. (ed.). *Op.cit.* P.24.

[4] Леонова О.Г. Мягкая сила — ресурс внешней политики государства / О.Г. Леонова // *Обозреватель*. — 2013. — № 4. — С. 29.

[5] Gallarotti, G. M. *Cosmopolitan Power in International Relations: A Synthesis of Realism, Neoliberalism, and Constructivism*. — New York: Cambridge University Press, 2010. — P. 150.

[6] Holik G.G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia // *Political Science Quarterly*. — Summer 2011. — Vol. 126, № 2. — P. 223-254.

[7] Holik G.G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia // *Political Science Quarterly*. — Summer 2011. — Vol. 126, № 2. — P. 223-254.

[8] Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы / М.М. Лебедева // *Вестник МГИМО-Университета*. — 2017. №3(54). — С. 212-223.

«мягкой силы» государств. Например, есть «Глобальный индекс мягкой силы» (Global Soft Power Index). Этот рейтинг применяется для того, чтобы показать, как страны могут влиять на мировую арену несиловыми методами. Критериями для анализа указанного рейтинга служат более 30 индикаторов, куда входит и деятельность транснациональных корпораций (ТНК). Для удобства индикаторы можно объединить в 8 основных критериев, среди которых можно отметить финансовую устойчивость государства, культуру и наследие, качество жизни и т.д.^[1] Рейтинг публикуется ежегодно. Так, в конце февраля 2025 г. в Лондоне был опубликован «Глобальный индекс мягкой силы 2025 года». Япония заняла в нем 4-место, уступив Великобритании, Китаю и США^[2].

Таким образом, концепция «мягкой силы» означает использование государством несиловых методов для привлечения внимания, популяризации своих идей, достижения целей. Как правило, привлечение внимания и достижение целей осуществляется с помощью инструментов «мягкой силы» — туризма, культуры, уровня жизни, распространения языка, финансовой привлекательности и т.д. Сложившиеся и действующие рейтинги «мягкой силы» привлекают внимание к тому, как страны с помощью несиловых методов добиваются своих целей.

« М Я Г К А Я С И Л А » В Я П О Н И И

Рассмотрим применение феномена «мягкой силы» на примере деятельности японских ТНК. Необходимо указать, что за продвижение «мягкой силы» страны восходящего Солнца отвечает стратегия развития «Cool Japan». К началу 2000-х г. японская поп-культура от комикосов-манга до музыкальных групп становится очень популярна за гра-

ницей. Известный американский исследователь Д. Мак Грей в 2002 г. в журнале «Foreign Policy» ввел новое понятие «модный валовой национальный продукт» (Gross National Cool). Автор описал новую политику Японии «Cool Japan» как модный образ, распространённый как внутри самой Японии, так за ее пределами. В дальнейшем этот общий тренд стал визитной карточкой Японии^[3]. В 2010 г. японское Министерство экономики, торговли и промышленности (МЕТІ) выступило за создание офиса по популяризации проекта Cool Japan, а в 2013 г. секретариат Кабинета министров учредил «Совет по продвижению Cool Japan», на развитие самого проекта из национального бюджета было выделено 50 млрд. иен^[4].

В рамках стратегии официально предусмотрена популяризация Японии и японской культуры через аниме, мангу, компьютерные игры, распространение японского языка и фестивалей японской культуры. Авторы книги «Japan's Soft Power: Diplomacy Through Culture» Я. Ватанабэ и Д. Мак Коннелл подчеркивают важность стратегии «Cool Japan» и организации «Japan Foundation», которые активно продвигают культуру Японии за границей^[5]. Авторы сравнивают подходы Японии, Китая и США к политике «мягкой силы». Например, образ США — «образ страны захватывающей, экзотической, богатой, могущественной, задающей тенденции — передовой современности и инноваций^[6]. Имидж Японии формировался благодаря совместным усилиям правительства и японских компаний, которые действовали неагрессивно, через гармоничное и эстетичное развитие своих брендов, постоянно совершенствуя качество продукции и уважительно относясь к покупателям.

[1] Global Soft Power Index 2025: The shifting balance of global Soft Power // Brand Finance. — URL : <https://brandfinance.com/insights/global-soft-power-index-2025-the-shifting-balance-of-global-soft-power>(accessed: 18.03.2025).

[2] Brand Finance Global Soft Power Index 2025: China overtakes UK for the first time, US remains top-ranked nation brand // Brand Finance. — URL: <https://brandfinance.com/press-releases/brand-finance-global-soft-power-index-2025-china-overtakes-uk-for-the-first-time-us-remains-top-ranked-nation-brand> (accessed: 22.03.25).

[3] McGray D. Japan's Gross National Cool // Foreign Policy. May/June. Washington. —2002. P. 44-54.

[4] Matsui T. Nation branding through stigmatized popular culture: the «Cool Japan» craze among central ministries in Japan // Hitotsubashi University. 2014. Vol. 48. № 1. P. 81-97.

[5] Watanabe, Y., McConnell, D. (eds.) Japan's Soft Power: Diplomacy Through Culture. — New York: M. E. Sharpe, 2008. — P.99.

[6] Ibid. — P.103.

После окончания Второй мировой войны Японии необходимо было восстановить экономику, промышленность, а также освободиться от образа «военного империализма», и японские компании способствовали решению этих задач. В настоящее время страна продолжает укреплять свои национальные интересы. На период 2025-2030гг. ключевыми направлениями для Японии стали:

1. Нарастивание оборонного потенциала Японии. Ранее в 2022 г. были утверждены: Стратегия национальной безопасности, Национальная стратегия в области обороны, Среднесрочный план оборонительного строительства. Согласно этим документам, Япония увеличит военные расходы к 2027 г. до уровня 2% ВВП от уровня 2022 г.^[1]

2. Развитие концепции «Общество 5.0», которая направлена на повышение качества жизни населения через внедрение информационных технологий во все сферы жизни общества; разработку системы «умного города», и т.д.

3. Экономическая поддержка и развитие регионов Японии. С приходом нового премьер-министра Такаити Санаэ появился экономический проект «Санаэномика», анонсировавший инвестиции в 17 «стратегических областей», в том числе в полупроводники, искусственный интеллект, аккумуляторы и квантовые технологии. К 2030 г. планируется снижение зависимости от импорта, особенно от китайского производства аккумуляторов для электромобилей^[2].

4. Укрепление международных связей Японии. К этому пункту можно отнести Всемирную выставку EXPO 2025 в Осаке, на которой были представлены технологические и национальные достижения более 150 стран-участниц.

Безусловно, для достижения националь-

ных целей Японии использует разные методы. Японские ТНК активно помогают стране в достижении этих целей. Остановимся на этом моменте подробнее.

АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯПОНСКИХ ТНК

Для начала отметим, что транснациональные корпорации (ТНК) — это компании, которые имеют свои филиалы в 2-х и более странах, на зарубежные активы которых приходится от 25-30%, их деятельность носит международный характер^[3]. В данном исследовании была рассмотрена деятельность таких японских ТНК, как Toyota Motor, Honda Motor, Mitsubishi Corporation, Fast Retailing Co (Uniqlo), Sony Corp., Nintendo Co Ltd. Выбор именно этих компаний не случаен, большинство из них относится к числу крупных в мире и входит в Fortune Global 500. Данный рейтинг ежегодно публикует список 500 крупнейших мировых ТНК. Критерием для составления рейтинга служит выручка за предыдущий финансовый год. Так, в 2024 г. Toyota Motor, Honda Motor, Mitsubishi Corporation и Sony Corp заняли 15, 57, 65 и 128 место в рейтинге соответственно^[4]. Uniqlo и Nintendo не вошли в этот список. Выбранные нами ТНК различаются по своей основной сфере деятельности, что помогает сделать анализ применения ими «мягкой силы» более комплексным. Мы проанализировали деятельность японских ТНК на основе корпоративных отчетов, планов устойчивого развития, заявлений представителей компаний. На основе анализа была составлена сводная таблица, отражающая методы реализации компаниями национальных целей Японии, и примеры того, как японские ТНК повышают имидж Японии на мировой арене (Таблица).

[1] Премьер Исиба: Япония будет сама определять, сколько тратить на оборону страны // РИА НОВОСТИ. — URL: <https://ria.ru/20250305/yaponiya-2003116282.html> (дата обращения: 13.01.2025).

[2] Defence, Tech and Energy: The Revival of Abenomics // FiscalNote. 25 March 2026. URL: <https://fiscalnote.com/blog/japan-sanaenomics-economic-policy-business-impact> (accessed: 1.04.2026).

[3] Конвенция о транснациональных корпорациях от 06.03.1998 / Электронный фонд правовых и технических документов. — URL: <https://www.conventions.ru/int/22835/> (дата обращения: 23.02.2025).

[4] Fortune Global 500 Ranking (2024) // Fortune Global 500. — URL: <https://fortune.com/ranking/global500/> (accessed: 11.02.2025).

Таблица – Методы реализации целей японских ТНК и национальных интересов Японии

ТНК	Метод реализации	Пример
Toyota Motor	Развитие инфраструктуры с внедрением экологичных новых технологий.	Концепции умного города «Woven City» с IT-технологиями и возобновляемой энергетикой.
	Забота об экологии и продвижение идей «Зеленой энергетики».	Создание гибридных автомобилей и автомобилей на водородном топливе («MIRAI»).
	Инициативы для реализации ЦУР ООН.	Создание технологий для облегчения жизни людей с ограниченными возможностями
	Развитие туризма.	Инвестиции в реконструкцию Тохоку.
	Спонсирование мероприятий, Маркетинг, система «кайдзэн».	Спонсирование Олимпиады в Токио. Использование в рекламе атрибутов Японии (сакура, Фудзи).
Honda Motor	Забота об экологии и продвижении идей «Зеленой энергетики».	Инвестиции более 100 млрд. иен в разработку экологичных автомобилей.
	Спонсирование мероприятий, Маркетинг, (система «кайдзэн»).	Спонсирование Formula 1, и Red Bull Racing и AlphaTauri.
Mitsubishi Corporation	Развитие инфраструктуры с внедрением экологичных новых технологий.	Разработки системы умных городов и эко-офисов; Освещения на солнечных батареях.
	Забота об экологии и продвижении идей «Зеленой энергетики».	Сокращение отходов от производства; разработки автомобилей на водородном топливе.
	Спонсирование мероприятий, Маркетинг (система «кайдзэн»).	Участие в ралли-рейдах (Dakar Rally).
Fast Retailing Co (Uniqlo)	Забота об экологии.	Использование переработанных материалов (ПЭТ-бутылок) для получения изделий.
	Поддержка доступного искусства, через оказание финансовой поддержки музеям и проведение бесплатных программ.	Реализация программы ArtSpeaks в MoMA (Нью-Йорк), Mini-Découvertes в Лувре (Париж), кинофестиваля Festival of Films from Japan в MFA Boston.

Окончание таблицы – Методы реализации целей японских ТНК и национальных интересов Японии.

ТНК	Метод реализации	Пример
Fast Retailing Co (Uniqlo)	Забота о благополучии людей через международные фонды и организации.	Пожертвование UNIQLO USA 200 000 долл. организации Feeding America. Обеспечение 2 млн. порций еды для семей в США в 2025 г.
Sony Corp	Забота об экологии и продвижении идей «Зеленой энергетики».	Принятие экологического плана «Road to Zero». Использование игровых достижений для высадки деревьев.
	Укрепление межгосударственных культурных связей.	Участие в программе «Year of Wales and Japan 2025».
Mitsubishi Corporation	Спонсирование мероприятий. Маркетинг (система «кайдзэн»).	Спонсирование фестиваля DreamHack Stockholm в 2025 г. Размещение логотипов и изображений игровых персонажей на форме спортсменов.
	Внедрение японской мифологии в сюжеты игр.	Создание видеоигры «Ikai».
	Забота об экологии и продвижении идей «Зеленой энергетики».	Уменьшение размера упаковки для консолей и игр.

Источник: составлено автором.

Обратимся к конкретному анализу деятельности известной японской ТНК Toyota Motor. У этой компании богатая история и большая сфера деятельности (автомобили, инвестиции, сфера НИОКР и т.д.). Toyota Motor часто конкурирует с другими автомобильными компаниями. Так, в 2023 г. Toyota стала компанией, продавшей большее число автомобилей под своим брендом^[1], обогнав Volkswagen, Ford и Honda. В 2023 г. продажи новых легковых и новых коммерческих автомобилей составили 85,9 млн. автомобилей. Из них на Toyota пришлось 8,79 млн., 4,96 млн. — на Volkswagen, 3,83 млн. автомобилей пришлось на Ford, а 3,82 млн. — на Honda^[2]. Современный мир все больше говорит об экологии, переходе к углеродной ней-

тральности и рациональному использованию ресурсов. Сама Япония известна своим стремлением к «зеленой энергетике», и рассматриваемые ТНК активно способствуют этому. Так, в 2015 г. Toyota сформулировала «Экологический вызов Toyota 2050» — набор инициатив по защите окружающей среды до 2050 г. Компания также стремится разрабатывать идеи, которые помогут воплотить ЦУР ООН в реальность и повысить имидж Японии. Например, на официальном сайте Toyota Motor указано, что компания стремится защищать планету и продвигает идею создания продуктов, не выделяющих CO₂. Из таблицы видно, что Toyota занимается развитием инфраструктуры и внедряет экологичные новые технологии. Например, на

[1] Sales, Production, and Export Results for 2023 (January - December) / Toyota Motor Corporation Official Global Website — URL: <https://global.toyota/en/company/profile/production-sales-figures/202312.html> (accessed: 21.03.2025).

[2] World Car Sales Statistics 2023 / Japan Automobile Dealers Association (JADA) — 一般社団法人日本自動車販売協会連合会. — URL: <https://www.jada.or.jp/> (accessed: 21.03.2025).

EXPO 2025 г. была представлена концепция умного города «Woven City», в сентябре 2025 г. компания объявила о начале заселения города в качестве эксперимента, а первыми жителями стали исследователи и разработчики. В концепцию интегрировали автономные автомобили, IT-технологии и возобновляемую энергетику^[1]. Также компания спонсирует реконструкции туристических областей Японии. С 2019 г. она тратит 800 млрд. иен в год для постоянной поддержки реконструкции Тохоку как туристического и производственного региона. С этого же года компания поставляет более 2700 систем Fuel Cell (топливных элементов) более чем 100 клиентам по всему миру для использования в автобусах, поездах, стационарных генераторах, что говорит о качестве и надежности Toyota^[2]. Кроме этого, Toyota в 2023 г. создала организацию «Водородный завод», которая развивает водородный бизнес. Компания заботится о всех сферах жизни граждан, создает комфортную рабочую среду, поддерживает молодых специалистов через гранты для привлечения рабочих рук из-за границы.

Нельзя не отметить маркетинг компании, который привлекает покупателей по всему миру. Toyota является одним из всемирных партнеров Международного олимпийского комитета (МОК) и Международного паралимпийского комитета (МПК). Так, в 2024 г. во время Олимпийских и Паралимпийских игр компания предоставила 500 автомобилей Toyota Mirai на водородных топливных элементах, чтобы обеспечить движение с нулевым выбросом выхлопных газов для Олимпийской и Паралимпийской участников, спортсменов, организаторов и

волонтеров^[3]. В целом, можно отметить, что компания разными способами формирует устойчивый интерес к Японии через свою качественную продукцию.

ТНК Honda является одной из ведущих мотоциклов не только в Японии, но и в мире. Она использует разные средства, чтобы транслировать культурные японские ценности, привлечь покупателей к своей продукции и к Японии в целом. Например, её слоган «The Power of Dreams»^[4] — олицетворяет японский дух свободы, стремление к изменениям и инновациям, что отражает технический прогресс Японии. Компания занимается разработками автомобилей на водородном топливе и электромобилей, ежегодно инвестирует более 100 млрд. иен на исследования. К 2040 г. компания планирует полностью перейти на использование водородного топлива, т.е. достичь углеродной нейтральности, что сделает Японию ведущей технологической страной в мире. В 2022 г. Honda стала ведущим спонсором Гран При Японии, подписав договор с Formula 1^[5], что способствовало глобальному признанию японского автопрома. Продукцию Honda можно заметить в таких гоночных турнирах, как MotoGP и IndyCar. Популярность компании находит и в гонках Red Bull Racing и AlphaTauri, где моторы Honda под брендом Red Bull PowerTrains^[6].

Философия компании Honda держится на «трех китах». Это радость покупки, радость продажи и радость творения. Коммерческая составляющая философии Honda с японским подтекстом подкупила европейцев. Маркетинг тоже сыграл свою роль. Например, в 2003 г. компания выпустила рекламный ролик «Cog», который стал одним

[1] Бизнес-возможности на Expo 2025 в Осаке // Komanda.travel. — URL: <https://komanda.travel/expo2025/business-opportunities> (дата обращения: 11.03.2025).

[2] Toyota develops new fuel cell system // Toyota. — URL: <https://global.toyota/jp/newsroom/corporate/42218203.html> (accessed: 11.02.2025).

[3] Paris 2024: Toyota to provide sustainable Mobility for All // Toyota. — URL: <https://www.toyota-europe.com/news/2023/toyota-to-provide-sustainable-mobility-for-all> (accessed: 17.02.2025).

[4] Global Brand Campaign // Honda The Power Of Dreams. — URL: <https://global.honda/en/thepowerofdreams/> (accessed: 17.02.2025).

[5] Honda to be Title Sponsor of the 2022 FIA Formula One Japanese Grand Prix // Honda Motor Co. — URL: <https://global.honda/en/newsroom/news/2022/c220517beng.html#:~:text=JPJapanese-,Honda%20to%20be%20Title%20Sponsor%20of%20the%202022%20FIA%20Formula,in%20the%20world%20of%20racing.> (accessed: 18.03.2025).

[6] Первый мотор Red Bull Powertrains испытают до конца года // F1News. — URL: <https://www.f1news.ru/news/f1-160020.html> (дата обращения: 18.02.2025).

из самых успешных примеров автомобильной рекламы в истории. В ролике использовалась цепная реакция из деталей автомобиля, отсылая к принципу домино и вызывая ассоциации с точностью и инженерным совершенством. Такие интертекстуальные приёмы позволяют брендам устанавливать более глубокую связь с потребителями^[1]. Данный ролик получил множество международных наград и признан одним из самых обсуждаемых рекламных роликов своего времени, а продажи в Великобритании в 2003 г. поднялись на 28 %^[2]. Таким образом, японская мотокомпания показала пример хорошего маркетинга и привлечения интереса к Японии и к своей продукции.

Mitsubishi также старается развивать инфраструктуру, используя новые технологии, создавая эко-города и офисы. Например, Smart City Kashiwa-no-ha — это умный город, построенный при помощи Mitsubishi Estate, Университета Токио и правительства. Он основан на трёх темах: создание новой промышленности, здоровье и долголетие, дружелюбие к Земле во всех отношениях. Развитие города ориентировано на создание новых отраслей промышленности путем привлечения кластера университетов, научно-исследовательских институтов и бизнес-инкубационных центров. Город поддерживает компании и предпринимателей, являясь одновременно и местом, где собираются разные люди, и сообществом, которое порождает разнообразные партнерства^[3]. Компания также трудится над созданием уличных фонарей, которые могут работать непрерывно без внешних источников. Первые фонарные блоки такого типа были установлены на заводе Mitsubishi в Окадзаки в марте 2023 г. Также компания планирует достичь углеродной нейтральности к 2050 г., достичь 100% доли продаж электромо-

билей к 2035 г., сократить выбросы CO₂ от производственной деятельности на 50% по сравнению с уровнем 2018 г. Это мощный пример того, как бизнес продвигает национальный образ Японии как экологически ответственного и духовно созвучного миру государства. Компания не раз демонстрировала выносливость и надежность своих автомобилей, участвуя в ралли «Дакар» (Dakar Rally) 26 раз, победив 12 раз^[4].

В сфере текстильной промышленности следует особо выделить компанию, известную своим качеством и технологичностью. Uniqlo является дочерней компанией Fast Retailing Co, продвигающей свою концепцию LifeWear как «идеальную повседневную одежду», призванную улучшать жизнь людей. Устойчивое развитие интегрируется в формулу «хорошей одежды» (качество, дизайн, цена, забота об окружающей среде, людях и обществе). Для обеспечения более устойчивого бизнеса Fast Retailing разработала экологическую политику, которая использует революционные технологии для снижения нагрузки на глобальную окружающую среду. В соответствии с этой политикой Fast Retailing рассматривает изменение климата как одну из своих наиболее актуальных проблем, поддерживая цели, установленные в Парижском соглашении, и стремясь к достижению углеродной нейтральности к 2050 г. В рамках этой философии Fast Retailing разработала план действий по ключевым аспектам устойчивого развития. К таким действиям относятся: сокращение выбросов парниковых газов на 90% к 2030 г. (по сравнению с 2019г.); сокращение потребления электроэнергии в магазинах за счет инициатив по энергосбережению; увеличение доли переработанных и экологичных материалов до 50%; выявление и устранение проблем, связанных с правами человека, условиями труда и

[1] Гришаева Д.А. Интертекстуальность в англоязычной рекламе: от «классики» к «современности» / Д.А. Гришаева // Научные исследования. — 2024. — №2(39). — С. 25.

[2] Cog.The most influential advert ever? // Honda Engine Room. — URL: https://www.honda.co.uk/engineerroom/cog/?utm_source (accessed: 18.03.2025).

[3] Feature: MITSUBISHI MOTORS Taking up the Challenge of Becoming Carbon Neutral <https://mitsubishi-motors.com/en/sustainability/topics/2022feature/index.html?> (accessed: 18.03.2025).

[4] Dakar Rally // MITSUBISHI MOTORS CORPORATION. — URL: <https://www.mitsubishi-motors.com/en/brand/motorsports/dakar/> (accessed: 19.03.2025).

окружающей средой в цепочке поставок^[1]. Кроме этого, компания Uniqlo проводит благотворительные акции с призывом о мире. Вся прибыль поступает международным организациям (например, «Save the Children»), оказывающим поддержку людям. Общая сумма пожертвований от продажи футболок (с начала проекта до конца июля 2025г.) составила больше 2 млрд. иен^[2].

Рассматривая сферу видеоигр, нельзя не отметить японскую ТНК Sony Corp, которая является одной из самых крупных компаний-производителей видеоигр в мире. В 2020 г. она заняла 1-е место в мире, ее доход составил более 20 млрд. долл., а 2-е место благополучно заняла тоже японская ТНК Nintendo Co Ltd, доход которой превысил 11 млрд. долл. Краеугольным камнем своего бизнеса Sony считает концепцию «кандо», нацеленную на глубокое эмоциональное удовлетворение и восхищение, превосходящие ожидания. Sony активно продвигает национальные интересы Японии через свою продукцию. Так, компания разработала Экологический план «Road to Zero»^[3], с помощью которого планирует достичь углеродной нейтральности к 2040 г. Более того, компания утвердила «Green Management 2030» — новые среднесрочные экологические цели на 2026 - 2030 гг. Сюда входит, например, переход на 100% возобновляемую электроэнергию к 2030 г. Sony активно использует персонажей из своих игр для реализации экологической повестки Японии. Так, Sony Interactive Entertainment использовали популярность игры «Horizon Forbidden West» для реальных экологических действий. Инициатива называлась «Aloy's Forest». Игроки получали достижение «Reached the Daunt», а Sony за каждое такое достижение высажи-

вала дерево. Такой же способ японская ТНК использовала в игре «Dreams», а инициатива называлась «Green Game Jam». В результате в 2025 г. было высажено более 740 000 деревьев во всем мире, в том числе в Бразилии, в некоторых регионах США (Висконсин, Калифорния, Флорида) и на Мадагаскаре^[4].

Sony активно участвует в укреплении дипломатических связей между странами. Так, в 2025 г. британское подразделение Sony UK (UK TEC) объявило о своем участии в мероприятии «Year of Wales and Japan 2025». Sony UK TEC является одним из ключевых игроков японских инвестиций в Уэльсе с 1973 г., стремится к укреплению связей между Уэльсом и Японией посредством ряда интересных инициатив и мероприятий. Принятие посла Японии в Великобритании Хироши Судзуки в рамках инаугурационных мероприятий 2025г. подчеркнуло прочные отношения между двумя странами, которые начались более 50 лет назад, когда Sony основала свой первый европейский производственный завод в Южном Уэльсе. Такое тесное взаимодействие считается символом инноваций и партнерства, позволяет производить современное вещательное оборудование и более 50 млн. устройств Raspberry Pi^[5].

ТНК Nintendo, известная своими франшизами (Mario, Pokémon), занимает лидирующие позиции в Японии по продажам консолей вот уже более 20 лет. Как и Sony, Nintendo стремится в первую очередь к тому, чтобы процесс игры носил не только соревновательный дух, важны также искренние положительные эмоции от использования продуктов компании. Nintendo всегда стремится к совершенствованию своей продукции, действуя в рамках японских концепций «кайдзэн», «омотэнаси» и «монодзукури».

[1] News & Updates // FAST RETAILING CO. — URL: <https://www.fastretailing.com/eng/sustainability/news/2112021500.html> (accessed: 17.02.2026).

[2] PEACE FOR ALL // UNIQLO Co. — URL: <https://www.uniqlo.com/jp/ja/special-feature/sustainability/peace-for-all#unhcr> (accessed: 15.02.2026).

[3] Road to Zero // Sony Group Corporation. — URL: https://www.sony.com/en/SonyInfo/csr/eco/RoadToZero/gm_en.html (accessed: 15.02.2026).

[4] PlayStation Community supports reforestation projects by building Aloy's Forests around the world // Sony Interactive Entertainment. — URL: <https://sonyinteractive.com/en/news/blog/playstation-community-supports-reforestation-projects-by-building-alloys-forests-around-the-world/> (accessed: 15.02.2026).

[5] Sony UK TEC Announces Plans for Year of Wales and Japan 2025 // Sony UK Technology Center Limited. — URL: <https://www.sonymencoed.co.uk/year-of-wales-and-japan-2025/> (accessed: 15.02.2026).

созидания». В «ДНК Nintendo» заложены три ключевых компонента, а именно: оригинальность, гибкость, искренность. Так, новая игровая консоль Nintendo Switch 2 к концу 2025 г. по всему миру была продана в 17,4 млн. экземплярах, а игровая консоль Nintendo Switch более чем в 155 млн. экземплярах. Чистые продажи компании в 2025 г. выросли на 99,3%, прибыль увеличилась на 51,3% по сравнению с прошлым годом благодаря продажам Switch 2^[1]. Персонажи игр, такие как Марио и Пикачу, известны во всем мире, делают образ Японии красочным и узнаваемым. В 2016 г. бывший министр Японии Синдзо Абэ на церемонии закрытия Летних Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро появился в образе Марио, демонстрируя презентацию Летних Олимпийских игр в Токио в 2020 г.^[2] Такое выступление вызвало восторг мирового сообщества и еще раз подчеркнуло роль индустрии развлечений, поп-культуры и технологий для имиджа Японии. Компания часто создает игры с японскими мотивами. Например, игра «Ikai» для консолей Switch основана на японской мифологии, пронизана японской эстетикой (храмы, туманные леса, японская архитектура). Компания также поддерживает инициативы правительства Японии в рамках «зеленой энергетики», держит курс на экономию ресурсов и сокращение выбросов углекислого газа при производстве и транспортировке консолей Switch^[3].

Анализируя деятельность японских ТНК по продвижению имиджа Японии, можно подумать, что спонсирование мероприятий, продвижение идей «зеленой энергетики» можно отнести к разделу рекламы самих компаний в рамках коммерческих задач. Однако это не совсем так. Когда японские ТНК участвуют в благотворительных кампаниях, продвигают «зеленую повестку» через свою продукцию, то они формируют не только лояльность к своим действиям и продукции,

но и позитивный образ самой Японии, «репутационный капитал». Такой образ в целом работает на японское государство, у потребителей повышается доверие к японским товарам, услугам, обслуживанию, больше туристов стремятся приехать в Японию. Таким образом, деятельность японских ТНК создает положительные ассоциации с Японией. Несмотря на то, что действия компаний носят, в том числе и коммерческий характер, эти действия способствуют достижению национальных интересов Японии. Безусловно, экологическими проектами, спонсорской деятельностью, развитием инфраструктуры занимаются ТНК и других стран.

Японские ТНК транслируют образы японской трудовой этики, скромности, почтения, уважения, командной работы. Все компании работают по японской системе «кайдзэн», что означает постоянное совершенствование. Это целая концепция, на основе которой японские ТНК стараются непрерывно улучшать свою продукцию и производственные процессы, цепочки поставок и т.д. Благодаря такой концепции, у покупателей формируется образ Японии как страны инноваций и эффективности. Еще одна концепция «омотэнаси» проявляется в компаниях как постоянная забота о всех потребителях (водителях, пассажирах, жителях и т.д.). Отмеченные особенности выделяют японские ТНК на фоне остальных корпораций и создают у покупателя устойчивую ассоциацию с Японией, формируют образ заботливой страны с развитыми технологиями и высоким уровнем обслуживания.

Конечно, японские ТНК, как и ТНК других стран, также сталкиваются с вызовами, что подрывает их влияние на международной арене, особенно это было заметно 2020-2023-хх гг. Пандемия COVID-19 показала, что выигрышная модель японского менеджмента «точно в срок» (Just-in-Time) уязвима. Из-за нехватки полупроводников и других

[1] Nintendo Switch 2 // Nintendo — URL: <https://www.nintendo.com/jp/hardware/switch2/index.html> (accessed: 15.02.2026).

[2] Tokyo 2020 clues: when Japan's PM dressed up as Mario // BBC NEWS. — URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-37151800> (accessed: 15.02.2026).

[3] Ikai // Nintendo of America Inc. — URL: <https://www.nintendo.com/us/store/products/ikai-switch/?srsltid=AfmBOoo2hL09dmWcQFzB4-W5yTyDkDk4-ktmQZtS1VnIBHQ2qslPrGLo> (accessed: 15.02.2026).

компонентов происходила остановка заводов Toyota, Honda, что приводило к сокращению производства этих компаний. Toyota пришлось закрыть 11 заводов в Японии^[1]. Также японские автомобильные компании сталкиваются с растущей конкуренцией со стороны Ford, Volkswagen, Hyundai. В последнее время наблюдается рост китайского автопрома. Так, в мае 2024 г. доля японских брендов на китайском автомобильном рынке сократилась до 14,8% по сравнению с 2020 г., когда этот показатель был равен с 24,1%^[2]. У Sony наблюдалась угроза утечки баз данных. Так, с июля по октябрь 2023 г. компания подверглась двум кибератакам, персональные данные 6,8 тыс. человек и 3,14 ГБ данных компании были украдены и выставлены на продажу в Интернете^[3]. Такие вызовы подрывают авторитет самих японских ТНК и негативно отражаются на имидже Японии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно констатировать, что цель исследования была достигнута. Мы рассмотрели, какие элементы «мягкой силы» используют японские ТНК, желая привлечь интерес к стране с помощью своей продукции. Можно сделать несколько выводов:

1. «Мягкая сила» представляет собой использование государством несиловых методов для привлечения внимания, популяризации своих идей, достижения своих целей. Существует индекс «мягкой силы», демонстрирующий, как страны могут влиять на мировую арену несиловыми методами.

2. Формирование «мягкой силы» Японии началось после окончания Второй мировой войны. Совместная деятельность правительства и японских ТНК позволила Японии стать одной из передовых стран мира. В настоящее время организации «Cool Japan» и «Japan Foundation» активно продвигают культуру Японии за рубежом через аниме, мангу, j-pop, фестивали японской культуры,

выпуск материалов для обучения японскому языку вне Японии, проведение международного экзамена по японскому языку JLPT, культурные обмены и т. д.

3. В реализации ЦУР Японии активно помогают японские ТНК. Благодаря деятельности японских ТНК о Японии сформировалось мнение как о стране с высококонтекстуальной культурой, гармоничной в своем развитии. Япония является одной из передовых стран в области автомобилестроения, электроники, «умных» технологий, «зеленой» энергетики, чьи компании заботятся не только о собственной выручке, но и о всеобщем благе.

4. Деятельность японских ТНК основана на балансе природы и технологий, постоянном совершенствовании своей продукции «кайдзэн» и исключительной заботе о клиентах «омотэнаси». Японские ТНК транслируют образы японской трудовой этики, скромности, почтения, уважения, командной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция о транснациональных корпорациях от 6.03.1998 / Электронный фонд правовых и технических документов: сайт. — URL: <https://www.conventions.ru/int/22835/> (дата обращения: 23.02.2025).

2. Бурлинова Н. В. Курс общественного дипломата: учеб.- метод. материалы № 4. — М.: НП РСМД, 2017. — 64 с.

3. Гришаева Д.А. Интертекстуальность в англоязычной рекламе: от «классики» к «современности» / Д.А. Гришаева // Научные исследования. — 2024. — №2(39). — С. 25-28.

4. Ефанова Е.В. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства / Е.В. Ефанова // Вестник РУДН. Серия: Политология. — 2018. — №3. — С.717-727.

5. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы / М.М. Лебедева // Вестник МГИМО-Университета. — 2017. №3(54). — С. 212-223.

[1] Corporate governance at Toyota Motor Corporation Reports//Toyota Motor Corporation Official Global Website. — URL: <https://global.toyota/en/ir/library/corporate-governance/> (accessed: 15.02.2026).

[2] Struggling Japanese brands plot recovery in China // China Daily. 1 July 2024. — URL: <https://govt.chinadaily.com.cn/s/202407/01/WS6683ad99498ed2d7b7eb1d20/struggling-japanese-brands-plot-recovery-in-china.html> (accessed: 15.02.2026).

[3] Sony Confirms Data Breach Impacting Thousands: Personal Data Compromised // Hiindia.com. 6 October 2023. — URL: <https://hiindia.com/sony-confirms-data-breach-impacting-thousands-personal-data-compromised-20231006092405/> (accessed: 15.02.2026).

6. Леонова О.Г. Мягкая сила — ресурс внешней политики государства / О.Г. Леонова // *Обозреватель*. — 2013. — № 4. — С. 29-32.
7. Чжан Ш. Особенности экономической стратегии компании «Toyota» на мировом рынке / Ш. Чжан // *Форум молодых ученых*. — 2019. — № 5(33). — С. 1354-1357.
8. Gallarotti, G. M. *Cosmopolitan Power in International Relations: A Synthesis of Realism, Neoliberalism, and Constructivism*. — New York: Cambridge University Press, 2010. — 308 p.
9. Holik G.G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia // *Political Science Quarterly*. Summer 2011. Vol. 126. № 2. P. 223 — 254.
10. Iwabuchi K. Pop-culture diplomacy in Japan: Soft power, nation branding and the question of «international cultural exchange» / K. Iwabuchi // *International Journal of Cultural Policy*. — 2015. — Vol. 21. — P. 419-432.
11. Lam P. E. Japan's Quest for «Soft Power»: Attraction and Limitation / P. E. Lam // *East Asia*. — 2007. — Vol. 24, No. 4. — P. 349-363.
12. Matsui T. Nation branding through stigmatized popular culture: the «Cool Japan» craze among central ministries in Japan // *Hitotsubashi University*. 2014. Vol. 48. № 1. P. 81-97.
13. McGray D. Japan's Gross National Cool // *Foreign Policy*. May/June. Washington. — 2002. P. 44-54.
14. Melissen J. (ed.) *The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations*. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. — 221 p.
15. Nye, J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. — New York: PublicAffairs, 2004. — 191 p.
16. Vekasi K. Can business sell a likeable Japan to China? // *East Asia Forum Quarterly*. 2017. Vol. 9, No. 3. P. 24-25.
17. Watanabe, Y., McConnell, D. (eds.) *Japan's Soft Power: Diplomacy Through Culture*. — New York: M. E. Sharpe, 2008. — 312 p.
18. Sales, Production, and Export Results for 2023 (January - December) / Toyota Motor Corporation Official Global Website. — URL: <https://global.toyota/en/company/profile/production-sales-figures/202312.html> (accessed: 21.03.2025).
19. *SDGs Initiatives* // Toyota. — URL: https://global.toyota/en/sustainability/sdgs/?padid=ag478_from_header_menu (accessed: 11.02.2025).
20. *World Car Sales Statistics 2023* / Japan Automobile Dealers Association (JADA) — 一般社団法人日本自動車販売協会連合会. — URL: <https://www.jada.or.jp/> (accessed: 21.03.2025).

REFERENCES

1. Konvenciya o transnacional'nyh korporacijah ot 6.03.1998 / *Elektronnyj fond pravovyh i tekhnicheskikh dokumentov* [Convention on Transnational Corporations of 6.03.1998 / Electronic fund of legal and technical documents]: website. — URL: <https://www.conventions.ru/int/22835/> (accessed: 23.02.2025).
2. Burlinova N. V. *Kurs obshchestvennogo diplomata: ucheb.-metod. materialy № 4* [Course of public diplomat: teaching and methodological materials No. 4.]. — M.: RSMD, 2017. — 64 p.
3. Grishaeva D.A. *Intertekstual'nost' v angloyazychnoj reklame: ot «klassiki» k «sovremennosti»* [Intertextuality in English-language advertising: from “classics” to “modernity”] / D.A. Grishaeva // *Nauchnye issledovaniya*. — 2024. — №2(39). — P. 25-28.
4. Efanova E.V. *Instrumenty «myagkoj sily» vo vneshnej politike gosudarstva* [Soft power instruments in a state's foreign policy] / E.V. Efanova // *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*. — 2018. — №3. — P.717-727.
5. Lebedeva M.M. «Myagkaya sila»: ponyatie i podhody [«Soft power»: concept and approaches] / M.M. Lebedeva // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. — 2017. №3(54). — P. 212-223.
6. Leonova O.G. *Myagkaya sila — resurs vneshnej politiki gosudarstva* [Soft power is a resource of a state's foreign policy] / O.G. Leonova // *Obozrevatel'*. — 2013. — № 4. — P. 29-32.
7. Chzhan Sh. *Osobennosti ekonomicheskoy strategii kompanii «Toyota» na mirovom rynke* [Features of Toyota's economic strategy in the global market] / Sh. Chzhan //

- Forum molodykh uchenykh. — 2019. — № 5(33). — P. 1354-1357.
8. Gallarotti, G. M. *Cosmopolitan Power in International Relations: A Synthesis of Realism, Neoliberalism, and Constructivism*. — New York: Cambridge University Press, 2010. — 308 p.
9. Holik G.G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia // *Political Science Quarterly*. Summer 2011. Vol. 126. № 2. P. 223 — 254.
10. Iwabuchi K. Pop-culture diplomacy in Japan: Soft power, nation branding and the question of «international cultural exchange» / K. Iwabuchi // *International Journal of Cultural Policy*. — 2015. — Vol. 21. — P. 419-432.
11. Lam P. E. Japan's Quest for «Soft Power»: Attraction and Limitation / P. E. Lam // *East Asia*. — 2007. — Vol. 24, No. 4. — P. 349-363.
12. Matsui T. Nation branding through stigmatized popular culture: the «Cool Japan» craze among central ministries in Japan // *Hitotsubashi University*. 2014. Vol. 48. № 1. P. 81–97.
13. McGray D. Japan's Gross National Cool // *Foreign Policy*. May/June. Washington. — 2002. P. 44-54.
14. Melissen J. (ed.) *The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations*. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. — 221 p.
15. Nye, J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. — New York: PublicAffairs, 2004. — 191 p.
16. Vekasi K. Can business sell a likeable Japan to China? // *East Asia Forum Quarterly*. 2017. Vol. 9, No. 3. P. 24-25.
17. Watanabe, Y., McConnell, D. (eds.) *Japan's Soft Power: Diplomacy Through Culture*. — New York: M. E. Sharpe, 2008. — 312 p.
18. Sales, Production, and Export Results for 2023 (January - December) /Toyota Motor Corporation Official Global Website. — URL: <https://global.toyota/en/company/profile/production-sales-figures/202312.html> (accessed: 21.03.2025).
19. SDGs Initiatives // Toyota. — URL: https://global.toyota/en/sustainability/sdgs/?padid=ag478_from_header_menu accessed: 11.02.2025).
20. World Car Sales Statistics 2023 / Japan Automobile Dealers Association (JADA) 一般社団法人日本自動車販売協会連合会. — URL: <https://www.jada.or.jp/> (accessed: 21.03.2025).

РОССИЙСКО-УЗБЕКИСТАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Шилов Артем Алексеевич

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
магистерская программа «Международный бизнес»,

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
магистерская программа «Безопасность информационных систем»

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

115409, г. Москва, Каширское шоссе, д. 31

Курбанов Назар Исламович

МГИМО МИД России

аспирант, стажёр-исследователь Института международных исследований

119454, Москва, проспект Вернадского, 76

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена изучению российско-узбекистанского взаимодействия в области высоких технологий за период 2023–2025 гг. Авторы обращают внимание на то, что технологическое партнёрство двух стран становится важным фактором экономического развития Узбекистана и укрепления позиций России в Центральной Азии в условиях глобальной трансформации мировой экономики. Актуальность исследования обусловлена принятием Узбекистаном стратегии «Узбекистан-2030», в рамках которой технологическая модернизация определена как приоритет национального развития, а также стремительным ростом товарооборота между странами, который превысил 10 миллиардов долларов. Теоретико-методологической основой исследования выступает неореалистская концепция международных отношений К. Уолтца, позволяющая объяснить мотивацию Узбекистана в развитии технологического сектора с точки зрения обеспечения национальной безопасности и усиления позиций на международной арене. Кроме того, используется концепция «политического пространства», разрабатываемая в ИМЭМО РАН, для анализа структуры дву-

сторонних отношений. Методология включает системно-функциональный, сравнительно-политологический, статистический и правовой анализ официальных документов и межгосударственных соглашений, а также систематический мониторинг публикаций в российских и узбекистанских СМИ. В работе выделены пять основных направлений сотрудничества: цифровизация и внедрение искусственного интеллекта (ИИ), информационная безопасность и защита критической инфраструктуры, атомная энергетика, развитие транспортной отрасли и подготовка квалифицированных кадров. Отдельное внимание уделено анализу потребностей высокотехнологичного сектора Узбекистана на основе Стратегии «Узбекистан-2030» и отраслевых программ, деятельности 15 филиалов российских вузов и программам подготовки кадров, а также оценке конкурентного присутствия Китая и западных стран в технологическом секторе Узбекистана. Результаты исследования показывают, что Россия сохраняет конкурентные преимущества в сферах атомной энергетики, кибербезопасности и подготовки инженерных кадров, однако сталкивается с возрастающей конкуренцией со стороны КНР

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

научно-техническое сотрудничество; российско-узбекские отношения; высокие технологии; цифровизация; искусственный интеллект; ядерная энергетика; Центральная Азия.

Для связи с авторами: shiaal@mail.ru; nazar200159@gmail.com

ВЫПУСК №3 (21) ИЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ 2025

RUSSIAN-UZBEK COOPERATION IN HIGH TECHNOLOGIES

Artem A. Shilov

Master's Student in International Business Program

HSE University

20 Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000

Master's Student in Information Systems Security Program

NRNU MEPhI

31 Kashirskoye Shosse, Moscow, Russia, 115409

Nazar I. Kurbanov

PhD Student, Research Intern, Institute of International Studies

MGIMO University

76 Vernadsky Prospekt, Moscow, Russia, 119454

ABSTRACT

This article examines Russian-Uzbek cooperation in high technologies during 2023–2025. The theoretical framework is based on the neorealist approach by K. Waltz, which explains Uzbekistan's motivation for technology sector development in terms of national security and world posture, as well as the «political space» concept developed at IMEMO RAS for analyzing the structure of bilateral relations.

The methodology includes systematic-functional, comparative-political, statistical, and legal analysis of official documents and interstate agreements, alongside media monitoring. The article identifies five main areas of cooperation: digitalization and artificial

intelligence, information security, nuclear energy, transport sector development, and personnel training. Special attention is given to the analysis of Uzbekistan's high-tech sector needs based on the «Uzbekistan-2030» Strategy, activities of 15 Russian university branches and workforce development programs, as well as the assessment of competitive presence of China and Western countries in Uzbekistan's technology sector. The findings show that Russia maintains competitive advantages in nuclear energy, cybersecurity, and engineering education but faces growing competition from China in digital technologies and infrastructure investments.

KEYWORDS

scientific and technological cooperation; Russian-Uzbek relations; high technologies; digitalization; artificial intelligence; nuclear energy; Central Asia.

Contact the authors via: shiaal@mail.ru; nazar200159@gmail.com

Развитие диалога между Российской Федерацией и Узбекистаном в сфере высоких технологий приобретает особую актуальность в нескольких аспектах. Во-первых, в связи с динамичным развитием мировых технологий искусственного интеллекта (ИИ), нейросетей, «умных городов» и т.п., страны Центральной Азии всё активнее перенимают международный опыт: например, Туркменистан активно сотрудничает с корпорациями из Южной Кореи в строительстве «умного города» Аркадаг^[1]. Во-вторых, страны региона всецело осознают важность и необходимость развития высоких технологий для повышения качества жизни и ускорения экономического роста. Так, стратегия «Узбекистан-2030» определяет технологическую модернизацию как ключевой приоритет социально-экономического развития страны^[2]. В-третьих, объёмы товарооборота России и Узбекистана по итогам 2024 г. превысили 10 миллиардов долларов, что свидетельствует о значительном потенциале для развития технологического партнерства между странами^[3].

Целью настоящего исследования является анализ современного состояния и перспектив взаимодействия России и Узбекистана в сфере высоких технологий, выявление потребностей высокотехнологичного сектора узбекской экономики и оценка конкурентных позиций России в сравнении с другими внешними игроками.

ТЕОРЕТИКО - МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И СТЕПЕНЬ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Теоретико-методологической основой настоящего исследования выступает неореалистическая парадигма международных отношений, разработанная К. Уолтцем^[4]. Неореализм акцентирует внимание на структуре международной системы и рациональном поведении государств, стремящихся обеспечить свою безопасность и укрепить свои позиции на международной арене. Применительно к данному исследованию неореалистический подход позволяет объяснить мотивацию Узбекистана в развитии технологического сектора: для государства с ограниченными ресурсами и отсутствием выхода к морю технологическая модернизация выступает инструментом укрепления суверенитета, независимости и повышения статуса на международной арене — Узбекистан открыто стремится к статусу «средней державы»^[5]. Россия, в свою очередь, через технологическое партнёрство стремится укрепить свои позиции в Центральной Азии в условиях возрастающей конкуренции со стороны Китая и западных стран.

Кроме того, при анализе структуры двусторонних отношений и мотивации сторон используется концепция «политического пространства», разрабатываемая исследователями ИМЭМО РАН, в частности Е.М. Кузьминой^[6]. Она позволяет рассматривать технологическое сотрудничество не изолированно, а в контексте более широкого экономического и политического взаимодействия государств на постсоветском пространстве.

В ходе исследования использовались методы системно-функционального,

[1] Интенсификация экономических отношений Южной Кореи и Туркменистана // Новое Восточное Обозрение. — 08.05.2025. — URL: <https://journal-neo.su/ru/2025/05/08/intensifikacziya-ekonomicheskikh-otnoshenij-yuzhnoj-korei-i-turkmenistana/> (дата обращения: 27.09.2025).

[2] О Стратегии «Узбекистан — 2030»: Указ Президента Республики Узбекистан от 11.09.2023 № УП-158 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. — 2023. — 11 сент. — URL: <https://lex.uz/uz/docs/6600404> (дата обращения: 17.11.2025).

[3] Товарооборот России и Узбекистана превысил \$10 млрд // РИА Новости. — 2025. — 14 февр. — URL: <https://ria.ru/20250214/tovarooborot-1999303968.html> (дата обращения: 27.09.2025).

[4] Waltz K.N. Theory of International Politics. — New York: McGraw-Hill, 1979. — 251 p.

[5] Норов: Узбекистан становится ключевым «средним игроком» в глобальной геополитике // Uz.Daily: информ. портал. 2026. 21 февраля. URL: <https://www.uzdaily.uz/ru/norov-uzbekistan-stanovitsia-kliuchevym-srednim-igrokom-v-globalnoi-geopolitike/> (дата обращения: 23.02.2026).

[6] Кузьмина Е.М. Проблемы экономического единства Центрально-Азиатского региона // Проблемы национальной стратегии. — 2018. — № 4(49). — С. 116-130.

сравнительно-политологического, статистического и правового анализа, а также мониторинг российских, узбекистанских и западных СМИ в период 2023—2025 гг. Сравнительный анализ применяется для оценки конкурентных позиций России, Китая и западных стран в технологическом секторе Узбекистана.

Проблематика российско-узбекистанских отношений и роли России в Центральной Азии получила значительное освещение в российской научной литературе. Фундаментальный вклад в изучение политико-экономических основ двусторонних отношений внесли ведущие российские специалисты-регионоведы. А.А. Князев, в своих работах анализирует геополитические процессы и вопросы безопасности в Центральной Азии, подчёркивая стремление России вернуть утраченные в 1990-е годы позиции в регионе^[1]. Д.Б. Малышева представила комплексный анализ направлений взаимодействия двух стран в сферах экономики, внешней торговли и культурно-гуманитарного обмена^[2]. Е.М. Кузьмина исследует экономическое единство центральноазиатского региона, транспортно-логистическое сотрудничество России и Узбекистана и интересы России в контексте «Большой Евразии»^[3]. С.А. Притчин, заведующий сектором Центральной Азии Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН, анализирует комплексные интеграционные процессы в Центральной Азии и Закавказье, в том числе энергетическое сотрудничество Москвы и Ташкента как фактор региональной энергетической безопасности, а также оценива-

ет реформы в Узбекистане^[4]. Т.В. Бордачёв, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», характеризует современные российско-узбекские отношения как фактор, определяющий стабильность всего пространства Центральной Евразии, обращая внимание на необходимость адаптации стратегий обеих стран к изменившимся реалиям мировой экономики^[5].

Коллективный аналитический доклад РСМД «Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители», подготовленный при участии уже упоминавшихся Е.М. Кузьминой, Д.Б. Малышевой и С.А. Притчина, определяет реальное место Центральной Азии на шкале российских внешнеполитических приоритетов и оценивает возможности и ограничители российской политики в регионе^[6].

Среди зарубежных исследователей следует отметить Ф. Старра, который рассматривает геополитическое измерение и значение Центральной Азии в рамках концепции «Большой Центральной Азии»^[7]. Однако сотрудничество именно в сфере высоких технологий на современном этапе (2023—2025 гг.) остаётся недостаточно изученным, что определяет научную новизну настоящего исследования.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ СТРАТЕГИИ «УЗБЕКИСТАН-2030» И ПОТРЕБНОСТИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО СЕКТОРА

Для понимания роли России в технологической модернизации Узбекистана необходимо системно проанализировать

[1] Князев А.А. Россия возвращается в Центральную Азию // Центральная Азия и Кавказ. — 2007. — № 5 (53).

[2] Малышева Д.Б. Партнёрство России и Узбекистана // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. — 2021. — №2. — С. 121-131.

[3] Кузьмина Е.М. «Большая Евразия»: интересы и возможности России при взаимодействии с Китаем // Проблемы постсоветского пространства. — 2017.

[4] Онлайн-конференция «Узбекистан и Россия — поиск новых векторов взаимовыгодного партнёрства» // ИМЭМО РАН. — URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/onlayn-konferentsiya-uzbekistan-i-rossiya-poisk-novih-vektorov-vzaimovigodnogo-partnerstva> (дата обращения: 15.01.2026).

[5] Бордачёв Т.В. Россия и Узбекистан: состоявшееся партнёрство перед новыми вызовами и возможностями // Международный дискуссионный клуб «Валдай». — 2025. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-i-uzbekistan-sostoyavsheesya-partnyerstvo/> (дата обращения: 15.01.2026).

[6] Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители: Аналитический доклад / Е.М. Кузьмина, Д.Б. Малышева, С.А. Притчин [и др.]. — М.: РСМД, 2013. — URL: https://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_Central_Asia.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

[7] Starr S.F. In Defense of Greater Central Asia // Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — Washington, 2008. — 32 p.

приоритеты, закреплённые в Стратегии «Узбекистан-2030», утверждённой Указом Президента Республики Узбекистан №УП-158 от 11 сентября 2023 г.^[1] Стратегия структурирована в виде 100 целей, сгруппированных в пять разделов: создание условий для реализации потенциала человека (включая образование и науку); устойчивый экономический рост; сбережение водных ресурсов и охрана окружающей среды; верховенство закона и государственное управление, ориентированное на служение народу; внешняя политика и обеспечение безопасности. Технологическая модернизация прямо или косвенно представлена во всех пяти разделах, что отражает её значение в качестве сквозного приоритета национального развития.

Технологические задачи Стратегии целесообразно сгруппировать по нескольким направлениям. Первое — научно-образовательная база: цели №№7-12 предусматривают международную аккредитацию образовательных программ 30 вузов, внедрение системы двойных дипломов с не менее 50 университетами из топ-500, вхождение 10 вузов в топ-1000 мировых рейтингов, преобразование пяти вузов в национальные исследовательские институты, выделение 3 трлн сумов на фундаментальные исследования и 4 трлн сумов — на прикладные, налаживание сотрудничества с восемью ведущими зарубежными научными школами, создание 8 научно-производственных кластеров (транспорт и логистика, сельскохозяйственная урожайность, энергетика, биотехнологии, геология и металлообработка, машиностроение и электроника), а также вхождение Узбекистана в топ-50 Глобального инновационного индекса и доведение числа исследователей до 2 тыс. на миллион населения. Второе направление — индустриально-технологическая модернизация: цели №№47-48 предусматривают доведение доли промышленной технологической продукции с 25% до 32%, удвоение производительности труда в перерабатывающей промышленности,

доведение объёма добавленной стоимости в промышленности до 45 млрд долл., создание центров R&D в 12 ключевых отраслях (электротехника, машиностроение, текстильная и химическая отрасли, металлообработка, геология, энергетика, биотехнологии, переработка продовольственной продукции, транспорт и логистика и др.). Третье — цифровизация и IT-сектор: цель №7 нацелена на превращение Узбекистана в региональный «IT-HUB» через доведение объёма экспорта IT-услуг до 5 млрд долл., вхождение в топ-30 индекса ООН по электронному правительству, доведение доли услуг IT-парка в ВВП до 2,2%, создание 100 тыс. рабочих мест в IT-парке, открытие 1 000 представительств зарубежных IT-компаний, разработку первого Unicorn-проекта с капитализацией в 1 млрд долл., запуск сетей пятого поколения в Ташкенте, Республике Каракалпакстан и областных центрах. Четвёртое направление — энергетика и «зелёный» переход: цели №№51-52 предусматривают доведение мощности возобновляемых источников энергии до 25 тыс. МВт и их доли в общем потреблении до 40%, объёма поставки электроэнергии — до 120 млрд кВт·ч, удвоение энергоэффективности отраслей экономики. Пятое — кибербезопасность и информационное пространство: цель №96 нацелена на обеспечение защиты населения от деструктивной информации, кибербезопасности на национальном Интернет-пространстве и повышение цифровой грамотности граждан. Шестое — внешнеполитический контур: цель №92 прямо предусматривает развитие торгово-экономического, финансового, инвестиционного и технологического сотрудничества с зарубежными партнёрами, включая страны СНГ, Европы, Азиатско-Тихоокеанского региона и Америки.

Совокупность этих задач формирует системную потребность Узбекистана во внешних технологических партнёрах, обладающих компетенциями в атомной энергетике, кибербезопасности, инженерном и

[1] О Стратегии «Узбекистан — 2030»: Указ Президента Республики Узбекистан от 11.09.2023 № УП-158 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. — 2023. — 11 сент. — URL: <https://lex.uz/uz/docs/6600404> (дата обращения: 17.11.2025).

IT-образовании, цифровых сервисах, транспортно-логистических системах. Именно в этих сферах российские компании, исследовательские центры и вузы располагают предложениями, релевантными целям Стратегии, что и формирует объективную основу для двустороннего технологического партнёрства.

Конкретизируя задачи Стратегии применительно к текущей социально-экономической ситуации, следует подчеркнуть несколько фоновых вызовов. Узбекистан испытывает острый дефицит электроэнергии, ежегодно обостряющийся на фоне роста населения (свыше 36 млн человек) и индустриализации; существующие генерирующие мощности не покрывают растущего спроса, что обуславливает стратегическую потребность как в развитии атомной генерации, так и в выходе на показатели по возобновляемой энергетике, заложенные в цели № 51 Стратегии (25 тыс. МВт ВИЭ, 40% в общем потреблении). Параллельно стремительная цифровизация государственных сервисов и переход к модели «Цифрового правительства» (цели №№77-78) порождают новые уязвимости и формируют запрос на привлечение зарубежных компетенций для защиты критической информационной инфраструктуры. Ускоренный рост IT-сектора (цель №57) и амбициозные цели в подготовке инженерных кадров (цели №№7-12, 33) предполагают масштабную внешнюю кооперацию в области двойных дипломов, открытия зарубежных филиалов и совместных научных программ.

Таким образом, потребности высокотехнологичного сектора Узбекистана, рассматриваемые сквозь призму Стратегии «Узбекистан-2030», можно сгруппировать следующим образом: развитие инфраструктуры цифровой экономики (дата-центры, сети связи 5G, облачные платформы); подготовка квалифицированных инженерных и IT-кадров в объёмах, сопоставимых с целевыми показателями Стратегии; внедрение технологий ИИ в промышленность и государственное управление; обеспечение

энергетической безопасности через диверсификацию источников генерации, в том числе атомной; защита критической цифровой инфраструктуры. Именно в этих направлениях Россия обладает конкурентоспособными предложениями, что создаёт основу для технологического партнёрства, отвечающего как национальным интересам Узбекистана, так и стратегическим приоритетам Российской Федерации в Центральной Азии — речь идёт о сохранении технологической плотности связей с ключевым партнёром в регионе, поддержании экспортного потенциала российской атомной отрасли и компаний информационной безопасности, расширении присутствия российского высшего образования и научной школы за рубежом, а также удержании за собой ниши поставщика инженерных и IT-компетенций в условиях обострения конкуренции с КНР и западными игроками.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Цифровая трансформация и внедрение ИИ соответствуют сразу нескольким целям Стратегии «Узбекистан-2030» — №57 (превращение страны в региональный «IT-HUB», доведение экспорта IT-услуг до 5 млрд долл., вхождение в топ-30 индекса электронного правительства), №77-78 (полная цифровизация государственных услуг и переход к «Цифровому правительству»), №21 (стоцентная цифровизация медицинских учреждений). Для России активное участие в этих процессах означает, во-первых, удержание узбекского рынка цифровых сервисов в условиях агрессивной экспансии китайских и южнокорейских игроков; во-вторых, формирование устойчивого канала продвижения российских стандартов и технологий в Центральной Азии; в-третьих, сохранение за российскими IT-компаниями значимой части русскоязычного цифрового пространства. В рамках национальной программы цифровизации Узбекистана российские IT-компании выступают важными технологическими

партнёрами^[1]; особое внимание уделяется проектам создания умных городских систем в Ташкенте и других крупных центрах. Профильные ведомства двух стран разработают дорожную карту по сотрудничеству в сфере ИИ на 2026–2027 гг.^[2], что соответствует как задачам цели № 12 Стратегии (поддержка инноваций), так и интересам России в формализации долгосрочной двусторонней повестки.

Значительную роль в развитии цифровых сервисов играет российская IT-корпорация «Яндекс», о чём свидетельствует тот факт, что министр цифровых технологий Узбекистана Шерзод Шерматов в 2024 г. провел встречу с генеральным директором компании «Яндекс» по глобальным вопросам, в ходе которой обсуждались вопросы увеличения IT-экспорта и реализации новых технологических инициатив^[3]. Компания развивает в Узбекистане цифровые сервисы, включая платформы электронной коммерции и логистические решения, узбекистанская же сторона желает перенять опыт «Яндекса» в сфере государственного управления, автоматизации услуг, налаживания взаимодействия с местными IT-компаниями, а также организации образовательных тренингов и курсов.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЗАЩИТА КРИТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Важным направлением российско-узбекистанского технологического партнёрства является сотрудничество в области международной информационной безопасности. В

ноябре 2024 г. президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев утвердил межправительственное соглашение с Россией о сотрудничестве в данной сфере^[4]. Документ предусматривает обмен информацией для расследования дел, связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий в террористических целях, а также координацию усилий в области реагирования на компьютерные инциденты^[5]. Актуальность данного направления подтверждается глобальными инцидентами в сфере цифровой инфраструктуры. Так, 26 сентября 2025 г. пожар в дата-центре Национальной службы информационных ресурсов Южной Кореи, вызванный взрывом литий-ионной батареи, привёл к отключению 647 государственных IT-систем, включая налоговые службы, банковские системы и портал электронного правительства^[6]. Инцидент продемонстрировал критическую важность обеспечения защиты и резервирования цифровой инфраструктуры государственных систем.

В этом контексте российские компании в области информационной безопасности активно расширяют присутствие на узбекистанском рынке. Компания Positive Technologies провела масштабную конференцию Positive Tech Day в Ташкенте с участием около 200 специалистов, включая представителей регуляторов и топ-менеджеров крупнейших организаций^[7]. В настоящее время у компании 9 партнёров в Узбекистане, которым предлагаются решения для защиты IT-инфраструктуры и построения процессов безопасной разработки^[8].

[1] Узбекистан и Яндекс обсудили увеличение IT-экспорта и реализацию новых инициатив // UzDaily. — 2024. — URL: <https://www.uzdaily.uz/ru/uzbekistan-i-iandeks-obsudili-uvvelichenie-it-eksporta-i-realizatsiiu-novykh-initsiativ/> (дата обращения: 22.08.2025).

[2] Россия и Узбекистан разработают дорожную карту по сотрудничеству в сфере ИИ // Прайм. — 2025. — 8 авг. — URL: <https://1prime.ru/20250808/ii-860461894.html> (дата обращения: 20.08.2025).

[3] Узбекистан и Яндекс обсудили увеличение IT-экспорта и реализацию новых инициатив // UzDaily. — 2024. — URL: <https://www.uzdaily.uz/ru/uzbekistan-i-iandeks-obsudili-uvvelichenie-it-eksporta-i-realizatsiiu-novykh-initsiativ/> (дата обращения: 22.08.2025).

[4] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности : заключено 27.05.2024 : вступило в силу 02.12.2024 // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2025. — 21 янв. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501210010> (дата обращения: 17.11.2025).

[5] Там же.

[6] 858 ТБ документов, 647 госсервисов и одна смерть. Как горел дата-центр Южной Кореи // SecurityLab.ru. — 2025. — 6 окт. — URL: <https://www.securitylab.ru/news/564315.php> (дата обращения: 17.11.2025).

[7] Positive Technologies: как развивается рынок информационной безопасности в Узбекистане // Gazeta.uz. — 2024. — 27 августа. — URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/08/27/positive-technologies/> (дата обращения: 17.11.2025).

[8] Там же. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/08/27/positive-technologies/> (дата обращения: 17.11.2025).

Кроме того, Positive Technologies запускает академические программы в сотрудничестве с узбекистанскими университетами для подготовки специалистов по кибербезопасности^[1]. Лаборатория Касперского также развивает сотрудничество с Узбекистаном, оказывая техническую поддержку узбекской компании Universoft IT в разработке первого локального антивирусного решения^[2].

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА

Энергетический сектор представляет наиболее масштабное направление технологического сотрудничества между Россией и Узбекистаном. В настоящей статье рассматривается атомная энергетика, так как именно этот сектор является полностью новым для экономики Узбекистана и требует наибольших усилий и внедрения новых технологий для успешного запуска. Ключевую роль в этом процессе играет Государственная корпорация «Росатом», которая с 2024 г. реализует уникальный проект строительства атомной станции малой мощности (АСММ) в 330 МВт в Джизакской области Узбекистана. Любопытно, что это первый в мире экспортный контракт на сооружение АСММ^[3] — первый бетон для строительства узбекистанской АЭС залят уже в марте 2026 г.^[4]

Данный проект имеет стратегическое значение в нескольких измерениях. Для Узбекистана он напрямую отвечает целям № 51–52 Стратегии «Узбекистан-2030» по обеспечению отраслей экономики и населения энергоресурсами и переходу к «зелёной» экономике: атомная генерация выступает базой для покрытия дефицита электроэнергии, не увеличивая углеродный след, что

комплементарно целевому показателю по сокращению парниковых газов на 30% относительно уровня 2010 года (цель № 51). Для России проект АСММ в Джизакской области – это не только первый в мире экспортный контракт на сооружение атомной станции малой мощности^[5], но и стратегический актив: он закрепляет за «Росатомом» «эффект первого хода» на ёмком региональном рынке малой атомной генерации, формирует долгосрочную (60+ лет) технологическую и сервисную привязку Узбекистана к российскому ядерно-топливному циклу, обеспечивает заказы для российской машиностроительной кооперации и формирует кадровую инфраструктуру под выпускников российских ядерных вузов. Первый бетон для строительства АЭС залят уже в марте 2026 г.^[6] Сотрудничество включает также подготовку национальных кадров для атомной отрасли и передачу технологий мирного использования атомной энергии. Как отмечает С.А. Притчин, решение о строительстве малой АЭС в Джизакской области представляет собой прорыв для двусторонних отношений в энергетической сфере и является лишь первым шагом в развитии атомной генерации в республике с учётом амбициозных задач экономического развития Узбекистана^[7].

ПОДГОТОВКА КАДРОВ И НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Подготовка квалифицированных кадров является системообразующим элементом российско-узбекистанского технологического партнёрства. По состоянию на 2025 г. в Узбекистане функционируют 15 филиалов

[1] Там же. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/08/27/positive-technologies/> (дата обращения: 17.11.2025).

[2] Kaspersky Lab and Universoft IT join efforts to improve cybersecurity in Uzbekistan // Uzbekembassy.in. — URL: <https://www.uzbekembassy.in/kaspersky-lab-and-universoft-it-join-efforts-to-improve-the-level-of-cybersecurity-in-uzbekistan/> (accessed: 17.11.2025).

[3] «Росатом» построит первую зарубежную АЭС малой мощности в Узбекистане // Страна Росатом. — 2024. — 27 мая. — URL: <https://strana-rosatom.ru/2024/05/27/rossiya-i-uzbekistan-podpisali-soglash/> (дата обращения: 20.08.2025).

[4] Первый бетон на строительстве АЭС в Узбекистане залят в марте 2026 года // Атомная энергия 2.0. — 2025. — 11 авг. — URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2025/08/11/158371> (дата обращения: 20.08.2025).

[5] «Росатом» построит первую зарубежную АЭС малой мощности в Узбекистане // Страна Росатом. — 2024. — 27 мая. — URL: <https://strana-rosatom.ru/2024/05/27/rossiya-i-uzbekistan-podpisali-soglash/> (дата обращения: 20.08.2025).

[6] Первый бетон на строительстве АЭС в Узбекистане залят в марте 2026 года // Атомная энергия 2.0. — 2025. — 11 авг. — URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2025/08/11/158371> (дата обращения: 20.08.2025).

[7] Онлайн-конференция «Узбекистан и Россия — поиск новых векторов взаимовыгодного партнёрства» // ИМЭМО РАН. — URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/onlayn-konferentsiya-uzbekistan-i-rossiya-poisk-novih-vektorov-vzaimovigodnogo-partnerstva> (дата обращения: 15.01.2026).

российских вузов — это наибольшее число среди всех зарубежных стран^[1]. Среди них — филиалы таких ведущих университетов, как МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИМО, РЭУ им. Г.В. Плеханова, РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, РХТУ им. Д.И. Менделеева, НИТУ «МИСиС», НИЯУ «МИФИ», РГПУ им. А.И. Герцена, ВГИК, НИУ «МЭИ» и другие. Настоящие учебные заведения действуют не только в Ташкенте, но и в Самарканде, Джизаке, Алмалыке и посёлке Салар (Ташкентская область — там находится филиал Астраханского государственного технического университета) Планируется открытие ещё нескольких филиалов, в том числе МГТУ им. Н.Э. Баумана и Всероссийской академии внешней торговли^[2]. В общей сложности в российских вузах и их филиалах обучаются около 63 тыс. узбекистанских студентов, из которых 14 тыс. — на безвозмездной основе, в том числе за счёт региональных бюджетов^[3].

Особую роль играет филиал НИЯУ «МИФИ» в Ташкенте — первый зарубежный филиал этого университета, созданный в 2019 г. при поддержке «Росатома» и Агентства по развитию атомной энергетики Узбекистана («Узатом»). В декабре 2025 г. на базе ташкентского филиала НИЯУ «МИФИ» открылась передовая инженерная школа, которая будет готовить инженеров, проектировщиков и специалистов по эксплуатации АЭС^[4]. Более того, узбекистанские специалисты будут проходить обучение в одном из ведущих ядерных центров России — городе Обнинск^[5]. Большая часть российских филиалов ориентирована на подготовку инженеров и специалистов для высокотехнологичных производств, что непосредственно отвечает целям №7 Стратегии «Узбекистан-2030» (доведение охвата молодёжи высшим образо-

ванием не менее чем до 50%, международная аккредитация программ 30 вузов, внедрение системы двойного диплома на основе не менее 50 совместных программ с университетами топ-500), № 10 (создание восьми научно-производственных кластеров, в том числе в энергетике, машиностроении и электронике, биотехнологиях), № 33 (доведение числа занятых в IT-сфере до 300 тыс. молодых людей, расширение проекта «Один миллион программистов»). Для России масштабное присутствие в системе высшего образования Узбекистана даёт конкурентное преимущество, плохо воспроизводимое другими внешними игроками: оно обеспечивает воспроизводство русскоязычной технической элиты, поставляет кадры для совместных российско-узбекских проектов (включая АСММ), укрепляет «мягкую силу» через инженерное и научное сообщество, а также создаёт долгосрочный спрос на российские учебники, цифровые образовательные платформы и научные журналы.

Помимо вузовского образования, развиваются программы научного сотрудничества. В межвузовскую кооперацию вовлечены 115 университетов и институтов обеих стран, регулярно проводятся совместные конференции и реализуются образовательные проекты^[6]. Компании Positive Technologies и «Лаборатория Касперского» запускают академические программы по кибербезопасности в узбекистанских университетах, а «Яндекс» реализует образовательные тренинги и курсы для IT-специалистов^[7].

ТРАНСПОРТНАЯ ОТРАСЛЬ И СОПУТСТВУЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Транспортная отрасль является

[1] Российские вузы увеличат число своих филиалов в Узбекистане // Исполнительный комитет СНГ. — 2023. — URL: <https://cis.minsk.by/news/24839/> (дата обращения: 15.01.2026).

[2] Филиалы двух российских вузов откроют в Узбекистане // Объясняем.рф. — 2024. — 27 мая. — URL: <https://объясняем.рф/articles/news/filialy-dvukh-rossiyskikh-vuzov-otkroyut-v-uzbekistane/> (дата обращения: 15.01.2026).

[3] Там же.

[4] На базе Ташкентского филиала МИФИ открыли инженерную школу для атомной отрасли Узбекистана // Sputnik.uz. — 2025. — 18 декабря. — URL: <https://uz.sputniknews.ru/20251218/54264177.html> (дата обращения: 22.12.2025).

[5] Обнинск станет центром подготовки кадров для АЭС в Джизакской области Узбекистана // Настоящий Обнинск. — 2024. — 26 июля. (дата обращения: 27.09.2025).

[6] Российское образование в Узбекистане: филиалы каких вузов действуют в стране // UzDaily. — 2022. — URL: <https://www.uzdaily.uz/ru/rossiiskoe-obrazovanie-v-uzbekistane-filialy-kakikh-vuzov-deistvuiut-v-strane/> (дата обращения: 15.01.2026).

[7] Узбекистан и Яндекс обсудили увеличение IT-экспорта и реализацию новых инициатив // UzDaily. — 2024. — URL: <https://www.uzdaily.uz/ru/uzbekistan-i-yandeks-obsudili-uvlichenie-it-eksporta-i-realizatsiiu-novykh-initsiativ/> (дата обращения: 22.08.2025).

традиционной сферой успешного российско-узбекистанского сотрудничества, которая активно внедряет высокие технологии. Российские производители транспортных средств и оборудования развивают долгосрочное присутствие на узбекистанском рынке. Особое значение приобретает гармонизация технических, таможенных стандартов и непосредственное внедрение цифровых технологий в транспортную инфраструктуру, включая системы мониторинга, логистические платформы и интеллектуальные транспортные системы^[1]. Е.М. Кузьмина отмечает, что транспортно-логистическое сотрудничество России и Узбекистана способствует не только росту товарооборота, но и реализации транзитного потенциала региона Центральной Азии в целом, повышая его связность с мировыми рынками^[2].

ВНЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИГРОКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКО-УЗБЕКИСТАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Для оценки позиций России в технологическом секторе Узбекистана необходимо учитывать деятельность других внешних игроков, прежде всего Китая и стран коллективного Запада в широком его понимании (США, страны ЕС, Республика Корея, Япония и Турция, поскольку перечисленные государства связаны системными военно-политическими и технологическими обязательствами с США). При этом ключевой исследовательский вопрос состоит не в простой инвентаризации иностранного присутствия, а в том, как активность этих игроков переформатирует поле российско-узбекистанского взаимодействия — где она вступает в прямую конкуренцию с российскими предложения-

ми, где формирует комплементарные ниши, а где косвенно стимулирует расширение российского участия.

Как отмечается в аналитической статье ИМЭМО РАН, экспансия КНР в Узбекистан характеризуется постоянно нарастающим торговым оборотом; к 2024 г. Китай вышел на первое место среди торговых партнёров республики с долей 18,9%^[3]. В 2024 г. было запущено 64 совместных узбекско-китайских проекта на сумму более 10 млрд долл. В стране функционируют совместные технопарки и промышленные зоны, расширяется производство электромобилей BYD^[4]. В сентябре 2025 г. на переговорах Ш. Мирзиёева и Си Цзиньпина было принято решение о создании узбекско-китайского центра по развитию ИИ^[5]. В Узбекистане открываются филиалы китайских университетов, ведутся переговоры с Пекинским технологическим институтом, действуют институты Конфуция и «Мастерские Лу Баня», ориентированные на подготовку специалистов в области энергетики, машиностроения, ИИ и медицины^[6]. IT Park Uzbekistan активно сотрудничает с китайскими компаниями^[7]. Для российско-узбекистанского сотрудничества это означает прямое конкурентное давление в двух стратегически чувствительных сегментах: подготовки инженерных кадров (где «Мастерские Лу Баня» прицельно дублируют профиль ряда российских филиалов) и развития инфраструктуры ИИ (где совместный узбекско-китайский центр напрямую затрагивает повестку российско-узбекской дорожной карты по ИИ на 2026—2027 гг.). Объективным следствием этого давления выступает ускорение формализации

[1] Россия и Узбекистан обсудили перспективы развития дальнейшего сотрудничества в нефтегазовом машиностроении // Ассоциация «ХИММАШ». — 2024. — 18 марта. — URL: <https://chemmash.com/2024/03/18/novost/> (дата обращения: 20.08.2025).

[2] Онлайн-конференция «Узбекистан и Россия — поиск новых векторов взаимовыгодного партнёрства» // ИМЭМО РАН. — URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/onlayn-konferentsiya-uzbekistan-i-rossiya-poisk-novih-vektorov-vzaimovigodnogo-partnerstva> (дата обращения: 15.01.2026).

[3] Экспансия Китая в Узбекистан: экономический аспект // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. — 2023. — № 2. — URL: <https://www.afjournal.ru/2023/2/development-trends-and-risks/chinas-expansion-into-uzbekistan-the-economic-aspect> (дата обращения: 15.01.2026).

[4] Узбекистан и Китай создадут совместный центр по развитию искусственного интеллекта // TRT Global. — 2025. — 2 сент. — URL: <https://trt.global/russian/article/c71b8681ff5d> (дата обращения: 15.01.2026).

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Узбекистан и Китай укрепляют сотрудничество в сфере IT-аутсорсинга // The Tech. — 2024. — URL: <https://the-tech.kz/uzbekistan-i-kitaj-ukreplyayut-sotrudnichestvo-v-sfere-it-outsorsinga> (дата обращения: 15.01.2026).

двусторонних механизмов с Россией — заключение межправительственного соглашения по информационной безопасности, подписание контракта по АСММ, открытие инженерной школы на базе филиала НИЯУ «МИФИ» в декабре 2025 г., — то есть китайская экспансия не столько вытесняет Россию, сколько сужает временное окно для закрепления её позиций в нишах, где у неё ещё есть преимущество.

Западные игроки выстраивают присутствие иначе. Европейский союз адаптирует региональную стратегию, включая программы содействия цифровизации; США реализуют образовательные и инфраструктурные проекты — при этом, как отмечает С.А. Притчин, факт неучастия Узбекистана в ОДКБ и ЕАЭС делает его привлекательным объектом для западного военно-политического и экономического взаимодействия^[1]. По нашим подсчётам, в 2025 г. в Узбекистане действовали филиалы 7 южнокорейских, 4 британских, 2 итальянских, 2 американских, 1 японского, 1 польского и 1 турецкого университетов с преимущественно техническим и прикладным профилем; их география охватывает Ташкент, Самарканд, Бухарскую область, Фергану, Наманган и Андижан. Совокупно филиалы западных и связанных с Западом университетов (18) превышают число российских (15), что меняет конкурентный ландшафт высшего образования. Влияние западного присутствия на российско-узбекское сотрудничество носит более диффузный, но системный характер: западные игроки задают институциональные и регуляторные стандарты (от GSP+ — цель № 55 Стратегии — до требований по цифровой защите данных), к которым Узбекистану необходимо приводить своё законодательство, что косвенно ограничивает свободу выбора российских технологических решений в тех сегментах, где они расходятся с этими стандартами. Од-

новременно западное присутствие повышает спрос на «сбалансированный» внешнеполитический портфель Ташкента и тем самым создаёт спрос на российские ниши, где у Запада или нет конкурентного предложения (АСММ), или это предложение существенно дороже (российские решения по кибербезопасности).

Совокупность этих факторов не отменяет, но трансформирует конкурентные преимущества России. Во-первых, в сфере атомной энергетики Россия не имеет реальных конкурентов в Узбекистане: проект «Росатома» по АСММ остаётся уникальным и стратегически важным. Во-вторых, в области кибербезопасности российские компании (Positive Technologies, «Лаборатория Касперского») обладают значительным опытом и предлагают комплексные решения, включая подготовку кадров; конкурирующие западные продукты доступны, но дороже и нередко осложнены санкционно-комплаенсной составляющей. В-третьих, в сфере высшего образования 15 филиалов российских вузов и обучение около 63 тыс. узбекских студентов в России формируют устойчивую базу для долгосрочного технологического влияния. Вместе с тем в области цифровых технологий и инфраструктурных инвестиций КНР, а также Южная Корея, Великобритания и США наращивают своё присутствие значительно быстрее, что создаёт системный вызов для российских позиций и требует ускоренной формализации российско-узбекских механизмов сотрудничества — в формате дорожных карт, межправительственных соглашений и совместных научно-производственных кластеров, прямо предусмотренных целями №10 и №92 Стратегии «Узбекистан-2030».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ позволяет ответить на исследовательские вопросы, поставленные во введении, и сформулировать ряд

[1] Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители : Аналитический доклад / Е.М. Кузьмина, Д.Б. Малышева, С.А. Притчин [и др.]. — М. : РСМД, 2013. — URL: https://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_Central_Asia.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

выводов.

Во-первых, об общей динамике сотрудничества. Российско-узбекистанское взаимодействие в сфере высоких технологий в 2023-2025 гг. развивалось скорее успешно: оно прошло путь от единичных коммерческих контактов до формирования системного контура, включающего межправительственное соглашение об информационной безопасности, подписанный экспортный контракт «Росатома» на АСММ, разрабатываемую дорожную карту по сотрудничеству в сфере ИИ на 2026-2027 гг., открытие передовой инженерной школы на базе ташкентского филиала НИЯУ «МИФИ» и устойчивый рост сети российских университетских филиалов. Косвенным макроиндикатором успешности служит товарооборот, превысивший по итогам 2024 г. 10 млрд долл.

Во-вторых, о соответствии задачам Стратегии «Узбекистан-2030». Подавляющая часть российских проектов прямо коррелирует с конкретными целями Стратегии: АСММ — с целями №№51-52 (энергобезопасность, «зелёная» экономика); деятельность Positive Technologies, «Лаборатории Касперского» и межправительственное соглашение — с целью №96 (кибербезопасность); 15 филиалов вузов и проект «МИФИ»/«Росатом» — с целями №№7-12 и № 33 (высшее и инженерное образование, ИТ-кадры); сотрудничество с «Яндексом» — с целью №57 (превращение страны в региональный ИТ-HUB) и целями №№77-78 (цифровое правительство). При этом по ряду целей Стратегии (в частности, в R&D-кластерах по биотехнологиям, новым материалам, отдельным направлениям машиностроения — цель №47) российское участие пока выражено слабо, что указывает на ниши потенциального расширения. Предварительный итог по технологической части Стратегии состоит в следующем: к концу 2025 г. Узбекистан вышел на стартовые позиции по ряду ключевых показателей (запуск строительства АСММ, формирование сети передовых инженер-

ных школ, расширение филиальной сети зарубежных вузов), однако достижение целевых ориентиров 2030 г. (топ-50 ГИИ, 5 млрд долл. экспорта ИТ-услуг, 100 тыс. рабочих мест в ИТ-парке, 25 тыс. МВт ВИЭ) потребует значительной интенсификации работ — что объективно расширяет окно возможностей для российского участия.

В-третьих, о практических выгодах России. Технологическое сотрудничество с Узбекистаном даёт России не одностороннюю «помощь развитию», а измеримый набор выгод: экспортный контракт «Росатома» с пакетом долгосрочных сервисных и топливных контрактов на 60+ лет; закрепление присутствия российской ядерной школы в системе подготовки кадров для всей центральноазиатской атомной программы; рынок сбыта для российских компаний информационной безопасности с одновременным выводом их академических программ на узбекские университеты; устойчивый канал продвижения российских стандартов в цифровых сервисах через «Яндекс»; воспроизводство русскоязычной технической элиты через филиалы вузов; поддержание транспортно-логистической связности и заказов для российского машиностроения. В совокупности это позволяет рассматривать сотрудничество как инструмент защиты жизненно важных интересов России в Центральной Азии, что соответствует объяснительной модели неореализма.

В-четвёртых, анализ выявляет несколько объективных ограничений. Сжатие временного окна на фоне ускоренной экспансии КНР в смежных нишах. Диспропорция в инвестиционной плотности: совокупные узбекско-китайские проекты количественно превосходят сопоставимые российские. Конкуренция в сфере высшего образования: совокупная численность филиалов западных и связанных с Западом университетов превысила число российских. Регуляторно-стандартизационное давление со стороны западных партнёров (требования GSP+, нормы по защите данных),

сужающее пространство для решений, расходящихся с этими стандартами. Относительная слабость российского участия в части целей Стратегии, связанных с биотехнологиями, новой энергетикой (помимо атома) и отдельными сегментами машиностроения, где Узбекистан активно ищет внешних партнёров.

В-пятых, о влиянии внерегиональных игроков на двустороннее взаимодействие. Активность Китая и Запада не вытесняет Россию из узбекского технологического поля автоматически, но реформирует условия её работы. Китайская экспансия оказывает прямое конкурентное давление в нишах ИИ, IT-инфраструктуры и инженерного образования — её эффект выражается в ускорении формализации российско-узбекских механизмов (соглашений, дорожных карт, инженерных школ), то есть служит косвенным катализатором углубления двусторонней повестки в тех сегментах, где у России сохраняется преимущество. Западное присутствие — в первую очередь регуляторно-стандартизационное и образовательное — увеличивает «цену» для Узбекистана входа в эксклюзивные технологические альянсы и тем самым создаёт спрос на «сбалансированный» внешнеполитический портфель, в котором Россия удерживает несколько уникальных ниш (атомная энергетика, кибербезопасность, инженерное образование на русском языке).

Стратегическими приоритетами дальнейшего развития российско-узбекского партнёрства должны стать: системная координация усилий в высокотехнологичных отраслях через механизмы дорожных карт (по аналогии с дорожной картой по ИИ на 2026-2027 гг.); расширение участия российских компаний в формируемых научно-производственных кластерах, прямо предусмотренных целью № 10 Стратегии; увеличение числа филиалов российских вузов с акцентом на IT- и инженерные специальности и на регионы за пределами Ташкента; развитие программ

совместных научных исследований, в первую очередь по направлениям, где Россия пока представлена слабо (биотехнологии, отдельные сегменты «зелёной» энергетики, новое материаловедение); закрепление сервисно-топливной модели взаимодействия в атомной отрасли как долгосрочной платформы. Перспективными направлениями дальнейших исследований могут стать количественная оценка экономической эффективности совместных технологических проектов, сопоставительный анализ конкурентных позиций России, Китая и западных стран в отдельных технологических секторах Узбекистана, а также мониторинг динамики достижения технологических целевых показателей Стратегии «Узбекистан-2030» вплоть до 2030 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бордачёв Т.В. Россия и Узбекистан: состоявшееся партнёрство перед новыми вызовами и возможностями // Международный дискуссионный клуб «Валдай». — 2025. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-i-uzbekistan-sostoyavsheesypartnerstvo/> (дата обращения: 15.01.2026).
2. Интенсификация экономических отношений Южной Кореи и Туркменистана // Новое Восточное Обозрение. — 2025. — 8 мая. — URL: <https://journal-neo.su/ru/2025/05/08/intensifikacziya-ekonomicheskikh-otnoshenij-yuzhnoj-korei-i-turkmenistana/> (дата обращения: 27.09.2025).
3. Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители: Аналитический доклад / Е.М. Кузьмина, Д.Б. Малышева, С.А. Притчин [и др.]. — М.: РСМД, 2013. — URL: https://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_Central_Asia.pdf (дата обращения: 15.01.2026).
4. Князев А.А. Россия возвращается в Центральную Азию // Центральная Азия и Кавказ. — 2007. — № 5 (53).
5. Кузьмина Е.М. «Большая Евразия»: интересы и возможности России при взаимодействии с Китаем // Проблемы постсоветского пространства. — 2017.
6. Кузьмина Е.М. Проблемы экономичес-

-кого единства Центрально-Азиатского региона. — М. : ИМЭМО РАН, 2019.

7. Малышева Д.Б. Партнёрство России и Узбекистана // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. — 2021. — № 2. — С. 121—131.

8. О Стратегии «Узбекистан — 2030»: Указ Президента Республики Узбекистан от 11.09.2023 № УП-158 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. — 2023. — 11 сент. — URL: <https://lex.uz/uz/docs/6600404> (дата обращения: 17.11.2025).

9. Онлайн-конференция «Узбекистан и Россия — поиск новых векторов взаимовыгодного партнёрства» // ИМЭМО РАН. — URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/onlayn-konferentsiya-uzbekistan-i-rossiya-poisk-novih-vektorov-vzaimovigodnogo-partnerstva> (дата обращения: 15.01.2026).

10. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности: заключено 27.05.2024 : вступило в силу 02.12.2024 // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2025. — 21 янв. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501210010> (дата обращения: 17.11.2025).

11. Экспансия Китая в Узбекистан: экономический аспект // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. — 2023. — №2. — URL: <https://www.afjournal.ru/2023/2/development-trends-and-risks/chinas-expansion-into-uzbekistan-the-economic-aspect> (дата обращения: 15.01.2026).

12. Starr S.F. In Defense of Greater Central Asia // Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — Washington, 2008. — 32 p.

13. Waltz K.N. Theory of International Politics. — New York : McGraw-Hill, 1979. — 251 p.

REFERENCES

1. Bordachyov T.V. Rossiya i Uzbekistan:

sostoyavsheesya partnyorstvo pered novymi vyzovami i vozmozhnostyami [Russia and Uzbekistan: an Established Partnership Facing New Challenges and Opportunities]. Mezhdunarodnyj diskussionnyj klub «Valdaj» [Valdai Discussion Club]. 2025. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-i-uzbekistan-sostoyavsheesya-partnyerstvo/> (accessed: 15.01.2026).

2. Intensifikacziya ekonomicheskikh otnoshenij Yuzhnoj Korei i Turkmenistana [Intensification of Economic Relations between South Korea and Turkmenistan]. Novoe Vostochnoe Obzrenie [New Eastern Outlook]. 2025. May 8. URL: <https://journal-neo.su/ru/2025/05/08/intensifikacziya-ekonomicheskikh-otnoshenij-yuzhnoj-korei-i-turkmenistana/> (accessed: 27.09.2025).

3. Interesy Rossii v Central'noj Azii: sodержanie, perspektivy, ogranichiteli: Analiticheskij doklad [Russia's Interests in Central Asia: Content, Prospects, Constraints: Analytical Report]. E.M. Kuz'mina, D.B. Malysheva, S.A. Pritchyn [et al.]. Moscow: RIAC, 2013. URL: https://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_Central_Asia.pdf (accessed: 15.01.2026).

4. Knyazev A.A. Rossiya vozvrashchaetsya v Central'nuyu Aziyu [Russia Returns to Central Asia]. Central'naya Aziya i Kavkaz [Central Asia and the Caucasus]. 2007. No. 5 (53).

5. Kuz'mina E.M. «Bol'shaya Evraziya»: interesy i vozmozhnosti Rossii pri vzaimodejstvii s Kitaem [«Greater Eurasia»: Russia's Interests and Opportunities in Interaction with China]. Problemy postsovetskogo prostranstva [Post-Soviet Issues]. 2017.

6. Kuz'mina E.M. Problemy ekonomicheskogo edinstva Central'no-Aziatskogo regiona [Problems of Economic Unity of the Central Asian Region]. Moscow: IMEMO RAS, 2019.

7. Malysheva D.B. Partnyorstvo Rossii i Uzbekistana [Russia-Uzbekistan Partnership]. Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir [Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Russia and the World]. 2021. No. 2. Pp. 121-131.

8. О Стратегии «Uzbekistan — 2030»: Ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 11.09.2023 No. UP-158 [On the Strategy «Uzbekistan — 2030»: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated 11.09.2023 No. UP-158]. Nacional'naya baza dannyh zakonodatel'stva Respubliki Uzbekistan [National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan]. 2023. September 11. URL: <https://lex.uz/uz/docs/6600404> (accessed: 17.11.2025).
9. Onlajn-konferenciya «Uzbekistan i Rossiya — poisk novyh vektorov vzaimovыgodnogo partnyorstva» [Online Conference «Uzbekistan and Russia — Search for New Vectors of Mutually Beneficial Partnership»]. IMEMO RAS. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/onlayn-konferentsiya-uzbekistan-i-rossiya-poisk-novih-vektorov-vzaimovыgodnogo-partnerstva> (accessed: 15.01.2026).
10. Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Uzbekistan o sotrudnichestve v oblasti obespecheniya mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti: zaklyucheno 27.05.2024: vstupilo v silu 02.12.2024 [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Uzbekistan on Cooperation in Ensuring International Information Security: Concluded 27.05.2024: Entered into Force 02.12.2024]. Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [Official Internet Portal of Legal Information]. 2025. January 21. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501210010> (accessed: 17.11.2025).
11. Ekspansiya Kitaya v Uzbekistan: ekonomicheskij aspekt [China's Expansion into Uzbekistan: The Economic Aspect]. Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN [Analysis and Forecasting. IMEMO RAS Journal]. 2023. No.2. URL: <https://www.afjournal.ru/2023/2/development-trends-and-risks/chinas-expansion-into-uzbekistan-the-economic-aspect> (accessed: 15.01.2026).
12. Starr S.F. In Defense of Greater Central Asia. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. Washington, 2008. — 32 p.
13. Waltz K.N. Theory of International Politics. — New York: McGraw-Hill, 1979. — 251 p.

РОЛЬ АВСТРАЛИИ В СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА ИНДИЙСКОГО И ТИХОГО ОКЕАНОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 2020-Х ГГ.

Пьянникова Дарья Евгеньевна

Факультет международных отношений,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 4 курс
620002, Россия, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Р Е З Ю М Е

В данной статье рассматривается роль Австралии в системе безопасности Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) в первой половине 2020-х гг. Особое внимание уделяется ее приверженности к порядку, основанному на правилах. В статье исследуются вызовы и угрозы, представляющие риск для национальной безопасности Австралии. Рассматривается участие страны в различных многосторонних соглашениях, а также оценивается их воздействие на формирование архитектуры региональной безопасности в ИТР. Особое внимание уделяется основным союзникам Австралии и ее отношениям с Китаем. Целью исследования является выявление роли Австралии в системе региональной безопасности, установление притязаний Австралии на одну из лидирующих ролей в формировании конструкта безопасности Индо-Тихоокеанского региона. В статье также анализируются ключевые нормативно-правовые акты, определяющие внешнюю политику страны: White Paper on Foreign Policy 2017, National Defence: Defence Strategic Review 2023, National Defence: Defence Strategic Review 2024. Исследование опирается на методологию политического

реализма для анализа концепции «средней державы» и ее влияния на внешнюю политику Австралии. В дополнение к реалистической парадигме, были применены элементы либерального подхода для оценки роли многосторонних соглашений и институтов в формировании региональной безопасности, а также социального конструктивизма для понимания того, как Австралия активно участвует в конструировании представлений о безопасности и порядке в ИТР через нормативную дипломатию и союзнические отношения. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о значимой, но не определяющей роли Австралии в поддержке безопасности в ИТР. Подчеркивается, что внешняя политика Австралии во многом зависит от действий и стратегических решений таких крупных держав, как США и Китай. Отмечается, что Австралия часто не может принимать самостоятельные решения, не учитывая мнение и интересы своих ключевых союзников, прежде всего, Соединенных Штатов. В заключение делается вывод о том, что Австралию в целом устраивает статус «средней державы», позволяющий ей ориентироваться на политику более сильных игроков, в частности, придерживаясь курса,

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А

Индо-Тихоокеанский регион, Австралия, сотрудничество, безопасность, США, КНР, минилатеральные соглашения

Для связи с автором: pyannikova_daria@mail.ru

Australia's Role in the Security System of the Indian and Pacific Oceans Region in the first half of the 2020s

Darya Ye. Pyannikova

Faculty of International Relations

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 4th year

19, Mira St., Yekaterinburg, Sverdlovsk region, Russia, 620002

ABSTRACT

This article examines Australia's role in the security system of the Indo-Pacific region in the first half of the 2020s. Special attention is paid to her commitment to a rules-based order. The article examines the challenges and threats that pose a risk to Australia's national security. The country's participation in various multilateral agreements is considered, as well as their impact on the formation of the architecture of regional security in the Islamic Republic of Iran is assessed. Special attention is paid to Australia's main allies and its relations with China. The purpose of the study is to identify Australia's role in the regional security system, to establish Australia's claims to one of the leading roles in shaping the security construct of the Indo-Pacific region. The article also analyzes key regulatory legal acts defining the country's foreign policy: White Paper on Foreign Policy 2017, National Defense: Defense Strategic Review 2023, National Defense: Defense Strategic Review 2024. The study relies on the methodology of political realism to analyze the concept of a «middle power»

and its impact on Australia's foreign policy. In addition to the realistic paradigm, elements of a liberal approach were applied to assess the role of multilateral agreements and institutions in shaping regional security, as well as social constructivism to understand how Australia actively participates in constructing ideas about security and order in the Asia-Pacific region through normative diplomacy and allied relations. Conclusions. As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that Australia plays a significant but not decisive role in maintaining security in the IT. It is emphasized that Australia's foreign policy largely depends on the actions and strategic decisions of major powers such as the United States and China. It is noted that Australia often cannot make independent decisions without taking into account the opinions and interests of its key allies, primarily the United States. It is concluded that Australia is generally satisfied with the status of a «middle power», which allows it to focus on the policies of stronger players, in particular, adhering to the course set by the United States.

KEYWORDS

Indo-Pacific region, Australia, cooperation, security, USA, China, minilateral agreements

Contact the author via: pyannikova_daria@mail.ru

С каждым годом возрастает значимость Индо-Тихоокеанского региона, это связано с тем, что в данном регионе проживает $\frac{2}{3}$ населения, здесь сосредоточены экономически развитые государства, развивается торговля и дипломатические отношения. Индо-Тихоокеанский регион становится опорным центром в формировании будущей геополитики. Приверженность к идее открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона привлекает США, Японию, Австралию, Индию и т.д. Регион Индийского и Тихого океанов включает в себя государства с различными культурами, менталитетом, притязаниями на место в мировой политике, что в свою очередь создает политическую и военную напряженность в регионе. Австралия располагается в пределах региона Индийского и Тихого океанов, и ее безопасность зависит от ситуации в регионе. Необходимо рассмотреть место Австралии в ИТР, притязания и национальные интересы страны, и то, как государство вносит свой вклад в систему региональной безопасности.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть значение Австралии в Индо-Тихоокеанском регионе и ее место в глобальной политике.
2. Исследовать вызовы и угрозы, представляющие риск для национальной безопасности Австралии.
3. Проанализировать участие страны в малосторонних соглашениях и оценить их воздействие на формирование архитектуры региональной безопасности в ИТР.
4. Проанализировать договоры и соглашения с основными союзниками Австралии и с Китаем.
5. Изучить ключевые нормативно-правовые акты: «White Paper on Foreign Policy 2017», «National Defence: Defence Strategic Review 2023», «National Defence: Defence Strategic Review 2024».

Гипотеза исследования. Австралия, несмотря на значительный экономический и военно-политический потенциал, в первой половине 2020-х гг. реализует стратегию «средней державы», балансируя между интересами крупных игроков (прежде всего США и Китая) и опираясь на многосторонние механизмы безопасности, что ограничивает её возможности для самостоятельной роли лидера в ИТР.

В работе были использованы методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, историко-политический анализ, сравнительно-политический анализ, системный анализ.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В АВСТРАЛИИ О МИРОВОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ («ПОРЯДОК, ОСНОВАННЫЙ НА ПРАВИЛАХ»)

Австралия признаёт глобальное лидерство Соединенных Штатов Америки и придерживается мира, основанного на правилах. Данная концепция была установлена США и его сателлитами. В «Белой книге по обороне»^[1] 2016 года отмечается, что безопасность и процветание Австралии «зависят от стабильного и основанного на правилах мирового порядка, который способствует мирному разрешению споров, свободной и открытой торговле, а также обеспечивает беспрепятственный доступ к глобальным ресурсам для поддержки экономического развития».

Этот порядок основывается на «архитектуре международного управления, которая сформировалась с конца Второй мировой войны, включая Организацию Объединённых Наций, международные законы и конвенции, а также региональные структуры безопасности».

Австралия поддерживает эффективное функционирование международных структур, с которыми она сотрудничает, главным образом с Организацией Объединенных Наций^[2].

Австралия относится к числу «средних

[1] Defence White Paper 2016 // Australian Government, Department of defence. — URL: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/defence-white-paper> (accessed: 19.03.2026).

[2] Rowe R., Freeland S., Smith M. Australia and the international structures of the rules-based order / A. Gyngell, M. Tyler, B. Wakefield // The Australian Institute of International Affairs. — 2021. — P. 257. — URL: <https://oldaiia.loopstaging.com/wp-content/uploads/2021/10/Australia-and-the-Rules-Based-International-Order.pdf> (accessed: 10.04.2026).

держав», занимая позицию между крупными и малыми государствами. Этот статус определяется такими факторами, как средний уровень ВВП и общая военная мощь. Для средних держав характерны две поведенческие модели: политика балансирования и примыкания. Первая предполагает сдерживание сильного оппонента путем противопоставления ему политических, военных или экономических инструментов, а вторая — сближение с ним. После окончания холодной войны и ослабления военно-стратегического противостояния великих держав малые и средние державы получили больше возможностей балансирования внешних угроз и выгодного примыкания, использования различных инструментов международного права и институтов для создания гарантий собственного суверенитета перед лицом значительно превосходящих их в военном и экономическом плане игроков^[1].

Согласно государственной доктрине национальной безопасности Австралии, к основным задачам относятся: защита и укрепление суверенитета страны, обеспечение безопасности и стрессоустойчивости населения, охрана национальных активов, инфраструктуры и институтов, а также формирование благоприятной для Австралии международной среды^[2].

Как и многие государства региона, она отдает предпочтение мультилатеральным договоренностям по широкому спектру сотрудничества.

Будущее мирового порядка и его основанной на правилах составляющей во многом зависит от того, как крупные державы, особенно США и Китай, смогут преодолеть стратегическую конкуренцию и достичь соглашения о правилах и нормах, которые будут определять общие ответы на вызовы.

РОЛЬ ИТР ВО ВНЕШНЕЙ

ПОЛИТИКЕ АВСТРАЛИИ

Регион Индийского и Тихого океанов определяется большим населением, быстрым экономическим ростом, конкуренцией держав и возникающим многополюсным распределением власти без региональной архитектуры безопасности. Географическое положение Австралии определяет её важную роль в мировой политике, экономике и сфере безопасности.

Австралия является одним из крупнейших мировых экспортеров природных ресурсов, что делает страну важным игроком на глобальных рынках. Активное экономическое взаимодействие Австралии со странами региона Индийского и Тихого океанов не трансформируется автоматически в политическое лидерство. Хотя страна играет заметную роль в региональной торговле и инвестициях, её политическая значимость сдерживается ограниченным военным потенциалом, относительно небольшой численностью населения и зависимостью от стратегических союзников в вопросах безопасности. КНР и США, два конкурирующих за лидерство в ИТР центра силы, оказывают прямое влияние на формирование стратегии безопасности Австралии.

В регионе Индийского и Тихого океанов есть очаги напряжения, которые подрывают безопасность в регионе: Корея, Восток, Китайское море, Южно-Китайское море и Тайвань. Как и любая страна, Австралия заинтересована в сохранении мира и стабильности в регионе. В Белой книге внешней политики в качестве главной долгосрочной цели указывается обеспечение мирного развития ИТР без размывания существующих основополагающих принципов сотрудничества^[3].

Австралия не обладает достаточной военной и экономической мощью, чтобы оказывать существенное влияние на

[1] Скриба А.С. Балансирование малых и средних государств / А. С. Скриба // Международные процессы. — 2014. — Т. 12, № 4 (39). — С. 89. — URL: <https://www.intertrends.ru/jour/article/view/876/524> (дата обращения: 26.03.2026).

[2] Алешин А.А. Внешнеполитическая стратегия Австралии : средняя держава в высококонкурентной среде. Анализ и прогноз / А. А. Алешин // Журнал ИМЭМО РАН. — 2020. — № 2. — С. 66. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskaya-strategiya-avstralii-srednyaya-derzhava-v-vysokokonkurentnoy-srede> (дата обращения: 28.02.2026).

[3] Foreign Policy White Paper 2017 // Australian Government. — URL: https://www.voltairenet.org/IMG/pdf/2017_foreign_policy_white_paper.pdf (accessed: 19.03.2026).

региональные процессы. Экономическое благополучие Австралии зависит от КНР, а в вопросах обеспечения безопасности от США.

По данным исследования института Lowy Institute Asia Power Index 2025 г. были проанализированы потенциалы различных государств в регионе Индийского и Тихого океанов по разным показателям^[1]: в экономическом отношении Австралия занимает 9-е место, по военному потенциалу - 8-е место, по устойчивости - 5-е место. По ресурсам - 9-е место, по экономическим отношениям 6-е место, по оборонным партнерствам - 2-е место, дипломатические связи - 7-е место и культурное влияние - 5-е место. По совокупному показателю Австралия занимает 6-е место с показателем 31,8, и, согласно Lowy Institute Asia Power Index 2025, является «middle power» («средней державой»)^[2]. Это говорит о том, что Австралия постепенно наращивает свой потенциал в различных областях для укрепления собственной позиции в регионе.

Таким образом данный регион служит не только центром экономических процессов, но и местом, где развиваются военно-стратегические отношения, что непосредственно оказывает влияние на безопасность Австралии.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. АВСТРАЛИЙСКИЕ «СТРАХИ» В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ

Тихий океан играет ключевую роль в обеспечении безопасности Австралии и всего региона. Особое значение Австралия уделяет помощи в вопросах развития, реагирования на стихийные бедствия и укрепления многосторонних связей в регионе.

Одной из основных угроз является расширение Китая в Южно-Китайском море, а также Тайваньский кризис и наращивание военного и технического потенциала КНР.

Страны Индо-Тихоокеанского региона обеспокоены быстрым ростом военной мощи Китая, но при этом не получают гарантий безопасности от великих держав. Это может привести к усилению напряженности, стратегической неопределенности и конкуренции за ограниченные ресурсы.

Кроме того, существует напряженность в отношениях между Северной и Южной Кореей, а также между Индией и Пакистаном. Ключевым региональным конфликтом интересов является противостояние США и Китая. В связи с чем усиливается стратегическая конкуренция США и Китая в военной, политической, экономической и технологической сферах. Регион по-прежнему сталкивается с угрозой со стороны террористических групп, наркотрафика, пиратства и незаконной торговли оружием.

Австралия зависит от торговой политики Китая, и когда экономическое давление со стороны Пекина ослабевает, в Канберре говорят о необходимости диверсификации торговли. Правительство стремится увеличить количество рынков для австралийского экспорта, чтобы снизить зависимость от Китая.

Министр торговли Дон Фаррелл успешно продвигал соглашения о свободной торговле с Индией и Соединенным Королевством, а также активно способствовал прогрессу в переговорах с Европейским союзом.

Китай оказывает давление на Австралию, стремится помешать реализации плана по заключению соглашения о свободной торговле с Тайбэем. Он выступает против любых шагов, направленных на официальную либерализацию торговли с Тайванем.

В эпоху, когда взаимозависимость становится инструментом, торговая политика определяется не только экономической взаимодополняемостью, но и доверием. В отношениях между Австралией и Тайванем есть оба этих аспекта. Экономики этих двух

[1] Lemahieu H. 2023 KEY FINDINGS REPORT / H. Lemahieu, S. Patton, J. Sato // Lowy Institute Asia Power. — 2023. — URL: <https://power.lowyinstitute.org/report/> (accessed: 28.01.2026).

[2] Patton S., Sato J. Asia Power Index 2025 Key Findings Report / Susannah Patton, Jack Sato. — 2025. — URL: <https://power.lowyinstitute.org/downloads/lowy-institute-2025-asia-power-index-key-findings-report.pdf> (accessed: 25.02.2026).

стран тесно связаны, и экспортная зависимость Австралии от Тайваня связана с небольшими рисками экономического принуждения. Австралия уверена, что Тайвань не будет использовать торговые связи в политических целях, в отличие от Китая^[1].

Прибрежные страны сталкиваются с серьёзными угрозами, такими как подъём уровня моря, экстремальные погодные явления и дефицит ресурсов. Эти проблемы усугубляются изменением климата и нерациональным использованием природных богатств, что ставит под угрозу экологическую стабильность региона и всего мира. Для эффективного решения этих вопросов необходимо комплексное взаимодействие, что особенно сложно в условиях нынешней политической напряжённости.

Кроме того, существует возрастающая опасность дезинформации. В условиях гибридной войны, включающей тактики «серой зоны» и методы пропаганды, странам приходится бороться за сохранение общественного доверия и порядка^[2].

В документе «Национальная оборона: Стратегический обзор обороны на 2023 гг.»^[3] Австралия акцентирует внимание, что будет продолжать сотрудничать с Китаем там, где это будет возможным, а также участвовать и энергично преследовать собственные национальные интересы. Австралийское правительство представило обновлённую оборонную стратегию (2024 National Defence Strategy) и связанную с ней Интегрированную инвестиционную программу (2024 Integrated Investment Program)^[4]. Эти меры были предприняты в ответ на изменения в глобальной геополитической обстановке. Ключевым фактором, побудившим к та-

ким шагам, стало усиление соперничества между США и Китаем за влияние в регионе.

Риск кризиса или конфликта в Тайваньском проливе растёт, как и на других очагах напряженности, включая споры в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, а также на границе с Индией. В 2024 году Австралия и Европейский Союз осудили «опасные маневры» Китая в Южно-Китайском море по отношению к Филиппинам. Австралия, поддержав Филиппины, выразила обеспокоенность по поводу действий Китая^[5].

Северная Корея продолжает следовать курсу на дестабилизацию, активно развивая программы ядерного вооружения и баллистических ракет.

Государства активно используют кибератаки для достижения своих целей, в том числе для шпионажа и распространения дезинформации. Злонамеренные субъекты, как государственные, так и негосударственные, совершенствуют свои киберспособности, что увеличивает риск нарушений в критически важных системах, инфраструктуре и сетях Австралии.

Австралии необходимо усилить взаимодействие с США как главным союзником и развивать сотрудничество с другими ключевыми партнёрами, такими как Новая Зеландия, Япония, страны Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского региона, Республика Корея, Индия, Великобритания и Европа. Сохранение стратегического баланса важно для экономики и безопасности Австралии. Как морская держава, Австралия зависит от свободного движения товаров, услуг и финансов.

КАК АВСТРАЛИЯ ПРОТИВОСТОИТ ЭТИМ ВЫЗОВАМ?

[1] Herscovitch B. Why Australia should trade way more with Taiwan / B. Herscovitch // Asia Times. — 2023. — URL: <https://asiatimes.com/2023/10/why-australia-should-trade-way-more-with-taiwan/> (accessed: 28.03.2026).

[2] Panda J. Navigating the Indo-Pacific: How Australia and the EU Can Partner for Peace, Stability, and Prosperity / Jagannath Panda, Richard Ghiasy // ISDP. — 2024. — Policy Brief; № 2. — URL: <https://www.isdp.eu/wp-content/uploads/2024/09/Brief-Policy-Australia-2-final.pdf> (accessed: 25.02.2026).

[3] National Defence: Defence Strategic Review 2023 // Australian Government. — URL: <https://www.defence.gov.au/about/reviews-inquiries/defence-strategic-review> (accessed: 18.01.2026).

[4] National Defence Strategy and 2024 Integrated Investment Program Australian Government // Australian Government. — 2024. — URL: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/2024-national-defence-strategy-2024-integrated-investment-program> (accessed: 18.01.2026).

[5] Statement Concerning Recent Actions in the South China Sea, Australian Government, March 27, 2024 // Australian Government. — 2024. — URL: <https://www.dfat.gov.au/news/media-release/statement-concerning-recent-actions-south-china-sea> (accessed: 10.02.2026).

Основным партнером Австралии являются Соединенные Штаты Америки. Сотрудничество с таким сильным игроком должно помочь Австралии внести больший вклад в региональную стабильность. Также Австралия активно сотрудничает с Японией и Индией. Проникновение КНР в Южно-Тихоокеанский регион обусловило необходимость Австралии сдерживать КНР и использовать разные инструменты удержания своего лидерства в субрегионе. Для того чтобы влиять на государства ЮВА, Австралия инвестирует в партнерские отношения в ЮВА, создает и реализует различные программы, направленные на поддержание регионального стратегического баланса.

Правительство Австралии не может полностью противостоять возможной агрессии со стороны Китая, поэтому ищет другие пути решения проблемы. Например, разработка Стратегии позволяет укрепить и расширить участие австралийских медиа и вещания в Индо-Тихоокеанском регионе^[1].

На саммите АСЕАН-Австралия, проходившем в Мельбурне 4-6 марта 2024 г., правительство Австралии объявило о выделении средств в размере 2 миллиардов австралийских долларов для стимулирования торговли и инвестиций в Юго-Восточной Азии. Премьер-министр Энтони Албанезе объявил о создании фонда на встрече руководителей компаний Австралии и Юго-Восточной Азии, а также о дополнительных экономических инициативах, заявив, что Австралия «открыта для бизнеса, туризма и торговли»^[2].

Австралия в Южно-Тихоокеанском

регионе играет роль субрегионального лидера. Ее традиционные инструменты — поддержание статуса гаранта мира и безопасности, экономические стимулы через двусторонние и многосторонние торговые договоры, развитие через помощь и рабочие возможности, партнерство с такими союзниками, как США, Новая Зеландия, Великобритания, Франция и Япония.

Королевский военно-морской флот Австралии (RAN) и Морские силы самообороны Японии (JMSDF) не являются крупнейшими военно-морскими силами в мире, но играют важную роль в формировании баланса сил в Индо-Тихоокеанском регионе. Обе страны разработали военно-морские стратегии, которые отражают их географические реалии, их стратегические интересы.

Столкнувшись с пробелом в потенциале, Австралия использует «Стратегию отрицания»: не сравнивает свои силы с военно-морской мощью Китая, а сосредотачивается на контроле за ключевыми морскими маршрутами в Юго-Восточной Азии и Южной части Тихого океана — регионах, которые имеют решающее значение для безопасности и экономических интересов Австралии^[3].

ЕС и Австралия сближаются в пяти ключевых областях: обновление торговой системы, помощь в развитии инфраструктуры и цифровой трансформации, борьба с изменением климата, повышение геополитической устойчивости АСЕАН и укрепление морской безопасности. Это необходимо для усиления их роли в Индо-Тихоокеанском регионе и повышения статуса ЕС как глобального геополитического игрока^[4].

[1] Indo-Pacific Broadcasting Strategy // Australian Government. — URL: <https://www.dfat.gov.au/people-people/indo-pacific-broadcasting-strategy> (accessed: 28.03.2026).

[2] Strangio S. Australia Announces \$1.3 Billion Fund to Boost Investment in Southeast Asia / S. Strangio // The Diplomat. — 2024. — URL: <https://thediplomat.com/2024/03/australia-announces-1-3-billion-fund-to-boost-investment-in-southeast-asia/> (accessed: 29.09.2025). — Режим доступа: по подписке.

[3] Lee D. Navies in the Indo-Pacific: A Key Shaper of the Balance of Power / D. Lee // Australian Institute of International Affairs. — 2024. — URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/navies-in-the-indo-pacific-a-key-shaper-of-the-balance-of-power/> (accessed: 10.02.2026).

[4] Strangio S. Australia Announces \$1.3 Billion Fund to Boost Investment in Southeast Asia / S. Strangio // The Diplomat. — 2024. — URL: <https://thediplomat.com/2024/03/australia-announces-1-3-billion-fund-to-boost-investment-in-southeast-asia/> (accessed: 29.09.2025). — Режим доступа: по подписке.

Европейский Союз и Австралия могут укреплять соглашения о свободной торговле и сотрудничать с региональными партнерами, стремясь к созданию более справедливых условий для всех. ЕС мог бы эффективнее использовать экономические инструменты для достижения геополитических целей. В этом контексте такие инициативы, как Индо-Тихоокеанская экономическая программа содействия процветанию (IPEF), возглавляемая США, в будущем могут способствовать сближению с ЕС, особенно в аспекте устойчивости цепочек поставок. ЕС мог бы, к примеру, рассмотреть возможности сотрудничества с Австралией для синхронизации устойчивости цепочек поставок в ключевых секторах с рыночными принципами.

Indo-Pacific Endeavour (IPE) — ежегодная программа Министерства обороны Австралии, направленная на укрепление партнерства через военное сотрудничество, учения и взаимодействие. Запущенная в 2017 году, IPE остается флагманской инициативой для стабильности, мира и процветания региона^[1].

В 2025 году программа будет включать страны Юго-Восточной Азии и северо-восточной части Индийского океана: Бангладеш, Бруней, Камбоджу, Индонезию, Лаос, Малайзию, Мальдивы, Филиппины, Сингапур, Шри-Ланку, Таиланд, Восточный Тимор и Вьетнам.

Австралия развивает сотрудничество с партнёрами, чтобы поддерживать стратегический баланс и представлять угрозу потенциальным противникам. Это включает демонстрацию возможностей и решимости, защиту морских путей, укрепление глобального порядка и сотрудничество с соседями в рамках AUKUS, а также повышение ситуационной осведомлённости.

Правительство продолжит развивать возможности по обеспечению морской безопасности через Программу морской безопасности в Тихоокеанском регионе (PMSP).

УЧАСТИЕ АВСТРАЛИИ В МИНИЛАТЕРАЛЬНЫХ СОГЛАШЕНИЯХ

В документе «Национальная оборона: Стратегический обзор обороны на 2024 гг.» уделяется особое внимание сотрудничеству с Соединенными Штатами Америки и Японии. Тесное взаимодействие с США играет центральную роль в достижении баланса и стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе^[2].

Министр иностранных дел Австралии Пенни Вонг заявила, что США занимают ключевое место в поддержании баланса в многополярном мире и сохранении стратегического равновесия^[3].

Австралия будет полагаться на альянсы, такие как AUKUS (Australia, United Kingdom, United States), для привлечения партнеров на региональном уровне. Это партнерство может предоставить доступ к передовым технологиям, способствуя интеграции вооруженных сил трех стран. Это позволит более эффективно сдерживать национальные и транснациональные угрозы. AUKUS даёт Австралии шанс создать промышленный потенциал, необходимый для защиты границ и интересов в различных конфликтных сценариях. По сути, AUKUS — это партнерство по обмену технологиями и совместному развитию. Он разделен на два направления усилий, а именно создание австралийского потенциала атомных подводных лодок («Компонент 1») и совместное развитие широкого спектра передовых возможностей, в том числе в отношении искусственного интеллекта, квантовых технологий и радиоэлектронной борьбы

[1] Indo-Pacific Endeavour // Australian Ministry of Defense. — 2025. — URL: <https://www.defence.gov.au/defence-activities/operations/indo-pacific-operations/indo-pacific-endeavour> (дата обращения: 28.03.2026).

[2] National Defence Strategy and 2024 Integrated Investment Program Australian Government // Australian Government. — 2024. — URL: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/2024-national-defence-strategy-2024-integrated-investment-program> (дата обращения: 18.01.2026).

[3] Wong P. Australian Interests in a Regional Balance of Power, National Press Club Address, April 17, 2023 // Australian Minister for Foreign Affairs. — URL: <https://www.pennywong.com.au/media-hub/speeches/national-press-club-address-australian-interests-in-a-regional-balance-of-power-17-04-2023/> (дата обращения: 25.02.2026).

(«Компонент 2»)^[1].

В рамках AUKUS Австралия приобретет флот атомных подводных лодок с обычным вооружением для усиления сдерживания и стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе. Три страны обязуются соблюдать высокие стандарты безопасности и нераспространения ядерного оружия. Программа включает: увеличение визитов американских и британских атомных подлодок в Австралию, создание Сил подводной ротации к 2027 году, совместную программу AUKUS по созданию подводных лодок на основе британской конструкции с интеграцией технологий США и Великобритании^[2].

Что касается QUAD (Четырехсторонний диалог по безопасности), то правительство Австралии рассматривает его как «ключевую опору» внешней политики страны, которая «дополняет» существующие отношения в Юго-Восточной Азии и Тихоокеанском регионе. Несмотря на то, что QUAD имеет важное значение для Австралии, есть существенный недостаток: отсутствие центрального соглашения или заявленных целей, которые могли бы объединить участников альянса. Хотя это может обеспечить определенную гибкость в реагировании на региональные угрозы и вызовы из-за отсутствия фиксированной структуры и бюрократии, также создается впечатление непоследовательности и разобщенности^[3].

Партнёрство «Пять глаз» (Австралия, Канада, Новая Зеландия, Великобритания, США) — ключевой элемент безопасности Австралии. Оно повышает осведомлённость о ситуации, поддерживает Австралийские

оборонительные силы, способствует развитию оборонного потенциала и обмену разведанными, а также помогает в коллективных усилиях по сдерживанию.

В мае 2012 года в развитие декларации 2007 года между правительствами Японии и Австралии было подписано Соглашение об информационной безопасности. В том же году Япония, США и Австралия провели совместные военно-морские учения в районе Японских островов. В начале 2013 года вступило в силу Соглашение между правительствами Японии и Австралии о взаимных поставках и оказании услуг между военными. В 2014 году состоялся обмен визитами на высшем уровне между двумя странами. В ходе визита было подписано Соглашение о передаче оборудования и технологий в области обороны. Соглашение призвано углубить сотрудничество Австралии и Японии в исследованиях, разработке и производстве военной техники. В заявлении «Специальное стратегическое партнёрство в XXI веке» стороны подтвердили курс на расширение оборонного и безопасного взаимодействия ради поддержания международного мира и стабильности^[4]. Япония и Австралия подписали «Соглашение о взаимном доступе», которое обеспечивает более беспрепятственную переброску сил обороны из одной страны в другую и дает возможность проводить совместные учения в будущем^[5]. Декларация о сотрудничестве в области безопасности обязывает обе стороны расширять сотрудничество по широкому перечню тем, включая военную совместимость, разведку, кибербезопасность, космическое сотрудничество, логистику,

[1] Henneke G. AUKUS Pillar 2 critical pathways: a road map to enabling international collaboration / G. Henneke, R. Stephens // Australian Strategic Policy Institute. — 2024. — URL: <https://www.aspi.org.au/report/aukus-pillar-2-critical-pathways-road-map-enabling-international-collaboration> (accessed: 26.11.2025).

[2] Ibid.

[3] Andrews D. Faux-Alliances: AUKUS and the Quad are No Asian NATO / David M. Andrews // Australian Institute of International Affairs. — 2024. — URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/faux-alliances-aukus-and-the-quad-are-no-asian-nato/> (дата обращения: 26.01.2026).

[4] Пузыня Н.Н. Проблемы безопасности в АТР и японо-австралийское сотрудничество / Н. Н. Пузыня // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2017. — Т. 20. — С. 40. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-bezopasnosti-v-atr-i-yapono-avstraliyskoe-sotrudnichestvo> (дата обращения: 28.02.2026).

[5] Терехов В.Ф. Кисиды и С. Моррисон подписали японо-австралийское «Соглашение о взаимном доступе» / В. Ф. Терехов // NEO. — 2022. — URL: <https://journal-neo.su/ru/2022/01/17/f-kisida-i-s-morrison-podpisali-yapono-avstralijskoe-soglashenie-o-vzaimnom-dostupe/> (дата обращения: 26.02.2026).

правоохранительную деятельность и энергетическую безопасность. Новое соглашение демонстрирует, что Канберра и Токио полны решимости противодействовать любому будущему выходу США из Индо-Тихоокеанского региона путем углубления своих собственных связей. Хотя перспективы такого размежевания сегодня выглядят маловероятными, и Канберра, и Токио опасаются потенциального перехода Вашингтона к изоляционизму^[1].

В 2014 г. между Австралией и Индией было заключено Рамочное соглашение по сотрудничеству и безопасности (Framework for Security Cooperation) в соответствии с которым раз в два года проводятся морские учения AUSINDEX (Royal Australian navy and Indian navy commence bilateral exercise), ведется сотрудничество в области морской безопасности, борьбы с терроризмом, разработки военных технологий^[2]. Главными партнерами Австралии в АСЕАН выступают Индонезия, Сингапур, Малайзия, Таиланд, Вьетнам и Филиппины. Культурная общность и схожие внешнеполитические интересы лежат в основе глубоких экономических, политических и оборонительных связей между Австралией и Новой Зеландией; в торговой сфере Австралия выступает вторым по значимости партнёром Новой Зеландии после Китая. Обе страны являются членами зоны свободной торговли AANZFTA (ASEAN—Australia—New Zealand Free Trade Area), Всестороннего регионального экономического партнерства, Тихоокеанского соглашения о близком экономическом партнерстве плюс, Транстихоокеанского партнерства, Совещания министров обороны АСЕАН+8, Оборонительного соглашения пяти держав, состоят в союзнических отношениях с США, будучи членами договора АН-

ЗЮС и альянса “Пять глаз”. Два государства совместно принимали участие в военных операциях в Ираке и на Соломоновых островах, а также в ряде гуманитарных миссий^[3].

Австралия гордится своим высоким уровнем взаимодействия с вооруженными силами США в рамках поддержания качественного технологического превосходства. Это призвано компенсировать нехватку количества военной техники и персонала в военной сфере^[4].

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Региональная безопасность Индо-Тихоокеанского региона зависит от действий Китая и США;
2. Австралия участвует во многих минилатеральных соглашениях для поддержания безопасности в регионе;
3. Минилатеральные соглашения играют важную роль во внешней политике Австралии;
4. Экономический и военно-политический потенциал Австралии соответствует критериям региональной державы, но не способна претендовать на лидерство в регионе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С 2022 года Австралия стремится укреплять дипломатические связи со своими ближайшими соседями, особенно в Юго-Восточной Азии и Тихоокеанском регионе. Канберра становится новым крупным центром силы в регионе Индийского и Тихого океанов, заключая соглашения с региональными державами. Тем не менее нельзя утверждать, что ассоциация стран Юго-Восточной Азии попадает под влияние Австралии или ее союзников по западному полушарию. В целом АСЕАН остается независимым игроком на международной арене и не заинтересован в выборе одной из сторон. Австралия не

[1] Ashley R. The New Japan-Australia Security Agreement // FOREIGN POLICY RESEARCH INSTITUTE. — 2022. — URL: <https://www.fpri.org/article/2022/11/the-new-japan-australia-security-agreement/> (accessed: 26.01.2026)

[2] Defence White Paper 2016 // Australian Government, Department of defence. — URL: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/defence-white-paper> (accessed: 19.03.2026).

[3] Алешин А.А. Внешнеполитическая стратегия Австралии : средняя держава в высококонкурентной среде. Анализ и прогноз / А. А. Алешин // Журнал ИМЭМО РАН. — 2020. — № 2. — С. 71. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskaya-strategiya-avstralii-srednyaya-derzhava-v-vysokokonkurentnoy-srede> (дата обращения: 28.02.2026).

[4] Blaxland J. Australia can't afford an AUKUS about-face: 5 things the critics are getting wrong / J. Blaxland // The Conversation. — 2024. — URL: <https://theconversation.com/australia-cant-afford-an-aukus-about-face-5-things-the-critics-are-getting-wrong-238219> (accessed: 19.03.2026).

готова идти на провокации по отношению к Китаю или на открытую конфронтацию с ним.

Австралия придерживается так называемой стратегии «хеджирования» в регионе Индийского и Тихого океанов — комбинации стратегий балансирования и примыкания. Однако, опасаясь военного роста КНР, Австралия придерживалась внутреннего балансирования, перераспределяя ресурсы на оборонное планирование и приобретение новых военных возможностей с помощью США.

Таким образом, место Австралии в регионе Индийского и Тихого океанов во многом зависит от поведения «великих держав». И в ближайшей перспективе (20-30 лет) вряд ли страна сможет занять лидирующее место в данном регионе, для этого необходимо улучшение экономических показателей, наращивание стратегических вооружений, укрепление армии и флота, более тесное сотрудничество со странами региона, налаживание союзнических связей, развитие дипломатических отношений. Австралия может претендовать только на статус «региональной державы», если сосредоточит на достижение данной цели все свои ресурсы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алешин А.А. Внешнеполитическая стратегия Австралии : средняя держава в высококонкурентной среде. Анализ и прогноз / А. А. Алешин // Журнал ИМЭМО РАН. — 2020. — № 2. — С. 63-75. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskaya-strategiya-avstralii-srednyaya-derzhava-v-vysokokonkurentnoy-srede> (дата обращения: 28.02.2026).

2. Пузыня Н.Н. Проблемы безопасности в АТР и японо-австралийское сотрудничество / Н. Н. Пузыня // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2017. — Т. 20. — С. 34-41. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-bezopasnosti-v-atr-i-yapono-avstraliyskoe-sotrudnichestvo> (дата обращения: 28.02.2026).

3. Скриба А.С. Балансирование малых

и средних государств / А. С. Скриба // Международные процессы. — 2014. — Т. 12, № 4 (39). — С. 88-100. — URL: <https://www.intertrends.ru/jour/article/view/876/524> (дата обращения: 26.03.2026).

4. Терехов В.Ф. Кисида и С. Моррисон подписали японо-австралийское "Соглашение о взаимном доступе" / В. Ф. Терехов // NEO. — 2022. — URL: <https://journal-neo.su/ru/2022/01/17/f-kisida-i-s-morrison-podpisali-yapono-avstralijskoe-soglashenie-o-vzaimnom-dostupe/> (accessed: 26.02.2026).

5. Andrews D. Faux-Alliances: AUKUS and the Quad are No Asian NATO / David M. Andrews // Australian Institute of International Affairs. — 2024. — URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/faux-alliances-aukus-and-the-quad-are-no-asian-nato/> (accessed: 26.01.2026).

6. Ashley R. The New Japan-Australia Security Agreement // FOREIGN POLICY RESEARCH INSTITUTE. — 2022. — URL: <https://www.fpri.org/article/2022/11/the-new-japan-australia-security-agreement/> (accessed: 26.01.2026)

7. Blaxland J. Australia can't afford an AUKUS about-face: 5 things the critics are getting wrong / J. Blaxland // The Conversation. — 2024. — URL: <https://theconversation.com/australia-cant-afford-an-aukus-about-face-5-things-the-critics-are-getting-wrong-238219> (accessed: 19.03.2026).

8. Defence White Paper 2016 // Australian Government, Department of defence. — URL: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/defence-white-paper> (accessed: 19.03.2026).

9. Foreign Policy White Paper 2017 // Australian Government. — URL: https://www.voltairenet.org/IMG/pdf/2017_foreign_policy_white_paper.pdf (accessed: 19.03.2026).

10. Henneke G. AUKUS Pillar 2 critical pathways: a road map to enabling international collaboration / G. Henneke,

- R. Stephens // Australian Strategic Policy Institute. — 2024. — URL: <https://www.aspi.org.au/report/aukus-pillar-2-critical-pathways-road-map-enabling-international-collaboration> (accessed: 26.11.2025).
11. Herscovitch B. Why Australia should trade way more with Taiwan / B. Herscovitch // Asia Times. — 2023. — URL: <https://asiatimes.com/2023/10/why-australia-should-trade-way-more-with-taiwan/> (accessed: 28.03.2026).
12. Indo-Pacific Broadcasting Strategy // Australian Government. — URL: <https://www.dfat.gov.au/people-people/indo-pacific-broadcasting-strategy> (accessed: 28.03.2026).
13. Indo-Pacific Endeavour // Australian Ministry of Defense. — 2025. — URL: <https://www.defence.gov.au/defence-activities/operations/indo-pacific-operations/indo-pacific-endeavour> (accessed: 28.03.2026).
14. Lee D. Navies in the Indo-Pacific: A Key Shaper of the Balance of Power / D. Lee // Australian Institute of International Affairs. — 2024. — URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/navies-in-the-indo-pacific-a-key-shaper-of-the-balance-of-power/> (accessed: 10.02.2026).
15. Lemahieu H. 2023 KEY FINDINGS REPORT / H. Lemahieu, S. Patton, J. Sato // Lowy Institute Asia Power. — 2023. — URL: <https://power.lowyinstitute.org/report/> (accessed: 28.01.2026).
16. National Defence: Defence Strategic Review 2023 // Australian Government. — URL: <https://www.defence.gov.au/about/reviews-inquiries/defence-strategic-review> (accessed: 18.01.2026).
17. National Defence Strategy and 2024 Integrated Investment Program Australian Government // Australian Government. — URL: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/2024-national-defence-strategy-2024-integrated-investment-program> (accessed: 18.01.2026).
18. Panda J. Navigating the Indo-Pacific: How Australia and the EU Can Partner for Peace, Stability, and Prosperity / Jagannath Panda, Richard Ghiasy // ISDP. — 2024. — Policy Brief; № 2. — URL: <https://www.isdp.eu/wp-content/uploads/2024/09/Brief-Policy-Australia-2-final.pdf> (accessed: 25.02.2026).
19. Patton S., Sato J. Asia Power Index 2025 Key Findings Report / Susannah Patton, Jack Sato. — 2025. — URL: <https://power.lowyinstitute.org/downloads/lowy-institute-2025-asia-power-index-key-findings-report.pdf> (accessed: 25.02.2026).
20. Rowe R., Freeland S., Smith M. Australia and the international structures of the rules-based order / A. Gyngell, M. Tyler, B. Wakefield // The Australian Institute of International Affairs. — 2021. — P. 255-277. — URL: <https://oldaiia.loopstaging.com/wp-content/uploads/2021/10/Australia-and-the-Rules-Based-International-Order.pdf> (accessed: 10.04.2026).
21. Statement Concerning Recent Actions in the South China Sea, Australian Government, March 27, 2024 // Australian Government. — URL: <https://www.dfat.gov.au/news/media-release/statement-concerning-recent-actions-south-china-sea> (accessed: 10.02.2026).
22. Strangio S. Australia Announces \$1.3 Billion Fund to Boost Investment in Southeast Asia / S. Strangio // The Diplomat. — 2024. — URL: <https://thediplomat.com/2024/03/australia-announces-1-3-billion-fund-to-boost-investment-in-southeast-asia/> (accessed: 29.09.2025). — Режим доступа: по подписке.
23. Wong P. Australian Interests in a Regional Balance of Power, National Press Club Address, April 17, 2023 // Australian Minister for Foreign Affairs. — URL: <https://www.pennywong.com.au/media-hub/speeches/national-press-club-address-australian-interests-in-a-regional-balance-of-power-17-04-2023/> (accessed: 25.02.2026).

REFERENCES

1. Aleshin A.A. Vneshnopoliticheskaya strategiya Avstralii: srednyaya derzhava v vysokokonkurentnoj srede. Analiz i prognoz [Australia's Foreign Policy Strategy: A Middle Power in a Highly Competitive Environment. Analysis and Forecast] / A.A. Aleshin // Zhurnal IMEMORAN. — 2020. — № 2. — P. 63-75. — URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskaya-strategiya-avstralii-srednyaya-derzhava-v-vysokokonkurentnoy-srede> (accessed: 28.02.2026).
2. Andrews D. Faux-Alliances: AUKUS and the Quad are No Asian NATO / David M. Andrews // Australian Institute of International Affairs. — 2024. — URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/faux-alliances-aukus-and-the-quad-are-no-asian-nato/> (accessed: 26.01.2026).
  3. Ashley R. The New Japan-Australia Security Agreement // FOREIGN POLICY RESEARCH INSTITUTE. — 2022. — URL: <https://www.fpri.org/article/2022/11/the-new-japan-australia-security-agreement/> (accessed: 26.01.2026)
  4. Blaxland J. Australia can't afford an AUKUS about-face: 5 things the critics are getting wrong / J. Blaxland // The Conversation. — 2024. — URL: <https://theconversation.com/australia-cant-afford-an-aukus-about-face-5-things-the-critics-are-getting-wrong-238219> (accessed: 19.03.2026).
  5. Defence White Paper 2016 // Australian Government, Department of defence. — URL: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/defence-white-paper> (accessed: 19.03.2026).
  6. Foreign Policy White Paper 2017 // Australian Government. — URL: https://www.voltairenet.org/IMG/pdf/2017_foreign_policy_white_paper.pdf (accessed: 19.03.2026).
  7. Henneke G. AUKUS Pillar 2 critical pathways: a road map to enabling international collaboration / G. Henneke, R. Stephens // Australian Strategic Policy Institute. — 2024. — URL: <https://www.aspi.org.au/report/aukus-pillar-2-critical-pathways-road-map-enabling-international-collaboration> (accessed: 26.11.2025).
  8. Herscovitch B. Why Australia should trade way more with Taiwan / B. Herscovitch // Asia Times. — 2023. — URL: <https://asiatimes.com/2023/10/why-australia-should-trade-way-more-with-taiwan/> (accessed: 28.03.2026).
  9. Indo-Pacific Broadcasting Strategy // Australian Government. — URL: <https://www.dfat.gov.au/people-people/indo-pacific-broadcasting-strategy> (accessed: 28.03.2026).
  10. Indo-Pacific Endeavour // Australian Ministry of Defense. — 2025. — URL: <https://www.defence.gov.au/defence-activities/operations/indo-pacific-operations/indo-pacific-endeavour> (accessed: 28.03.2026).
  11. Lee D. Navies in the Indo-Pacific: A Key Shaper of the Balance of Power / D. Lee // Australian Institute of International Affairs. — 2024. — URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/navies-in-the-indo-pacific-a-key-shaper-of-the-balance-of-power/> (accessed: 10.02.2026).
  12. Lemahieu H. 2023 KEY FINDINGS REPORT / H. Lemahieu, S. Patton, J. Sato // Lowy Institute Asia Power. — 2023. — URL: <https://power.lowyinstitute.org/report/> (accessed: 28.01.2026).
  13. National Defence: Defence Strategic Review 2023 // Australian Government. — URL: <https://www.defence.gov.au/about/reviews-inquiries/defence-strategic-review> (accessed: 18.01.2026).
  14. National Defence Strategy and 2024 Integrated Investment Program Australian Government // Australian Government. — URL: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/2024-national-defence-strategy-2024-integrated-investment-program> (accessed: 18.01.2026).
  15. Panda J. Navigating the Indo-Pacific: How Australia and the EU Can Partner for Peace, Stability, and Prosperity / Jagannath Panda, Richard Ghiasy // ISDP. — 2024. — Policy Brief; № 2. — URL: <https://www.isdp.eu/wp-content/uploads/2024/09/Brief-Policy-Australia-2-final.pdf> (accessed: 25.02.2026).
  16. Patton S., Sato J. Asia Power Index 2025 Key Findings Report / Susannah Patton, Jack Sato. — 2025. — URL: <https://power.lowyinstitute.org/downloads/lowy-institute-2025-asia-power-index-key>

17. Puzynya N.N. Problemy bezopasnosti v ATR i yaponu-avstralijskoe sotrudnichestvo [Security Issues in the Asia-Pacific Region and Japanese-Australian Cooperation] / N. N. Puzynya // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie.* — 2017. — T. 20. — S. 34-41. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-bezopasnosti-v-atr-i-yaponu-avstralijskoe-sotrudnichestvo> (accessed: 28.02.2026).
18. Rowe R., Freeland S., Smith M. Australia and the international structures of the rules-based order / A. Gyngell, M. Tyler, B. Wakefield // *The Australian Institute of International Affairs.* — 2021. — P. 255-277. — URL: <https://oldaiia.loopstaging.com/wp-content/uploads/2021/10/Australia-and-the-Rules-Based-International-Order.pdf> (accessed: 10.04.2026).
19. Skriba A.S. Balansirovanie mal'nykh i srednih gosudarstv [Balancing small and medium-sized States] / A. S. Skriba // *Mezhdunarodnye processy.* — 2014. — T. 12, № 4 (39). — S. 88-100. — URL: <https://www.intertrends.ru/jour/article/view/876/524> (accessed: 26.03.2026).
20. Statement Concerning Recent Actions in the South China Sea, Australian Government, March 27, 2024 // Australian Government. — URL: <https://www.dfat.gov.au/news/media-release/statement-concerning-recent-actions-south-china-sea> (accessed: 10.02.2026).
21. Strangio S. Australia Announces \$1.3 Billion Fund to Boost Investment in Southeast Asia / S. Strangio // *The Diplomat.* — 2024. — URL: <https://thediplomat.com/2024/03/australia-announces-1-3-billion-fund-to-boost-investment-in-southeast-asia/> (accessed: 29.09.2025). — Rezhim dostupa: po podpiske.
22. Terekhov V.F. Kisida i S. Morrison podpisali yaponu-avstralijskoe "Soglashenie o vzaimnom dostupe" [Kishida and Morrison signed the Japan-Australia Mutual Access Agreement] / V. F. Terekhov // *NEO.* — 2022. — URL: <https://journal-neo.su/ru/2022/01/17/f-kisida-i-s-morrison-podpisali-yaponu-avstralijskoe-soglashenie-o-vzaimnom-dostupe/> (accessed: 26.02.2026).
23. Wong P. Australian Interests in a Regional Balance of Power, National Press Club Address, April 17, 2023 // Australian Minister for Foreign Affairs. — URL: <https://www.pennywong.com.au/media-hub/speeches/national-press-club-address-australian-interests-in-a-regional-balance-of-power-17-04-2023/> (accessed: 25.02.2026).

Политика администрации президента Джозефа Байдена в отношении Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 2021-2024 гг.

Кутовой Тимофей Ярославич

Факультет международных отношений,

ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия МГИМО Министерства иностранных дел Российской Федерации», 4 курс

119021 Россия, Москва, ул. Остоженка, д.53/2, стр.1

Р Е З Ю М Е

Целями данной статьи является исследование процесса и результатов реализации заявленного курса США в отношении Китая в 2021-2024 гг. Задачи исследования: анализ политики Вашингтона по созданию нового военно-политического объединения в регионе, курс в рамках QUAD; рассмотрение направлений сотрудничества Белого дома с союзниками в АТР, а также причин создания новой экономической структуры в Азии и шагов Пекина в ответ на давление со стороны Соединенных Штатов.

Новизна исследования объясняется всесторонним анализом политики 46-ого президента США в отношении Китая. Курс Белого дома анализируется не только с экономической, но и с военно-политической

точки зрения. Работа призвана проанализировать наиболее важные шаги Вашингтона на китайском направлении и их влияние на развитие внешнеполитической деятельности КНР.

В ходе исследования были применены, описательно-повествовательный, биографический и диалектический методы.

Были изучены ключевые внешнеполитические документы администрации Джо Байдена, основополагающие двусторонние договоренности США с союзниками в регионе. Исследовалось взаимодействие Вашингтона с сателлитами в АТР в рамках AUKUS и QUAD. Были изучены основные причины создания и механизмы функционирования IPEF.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А

США, Джо Байден, КНР, ИТР, QUAD, AUKUS, ИТЭС

Для связи с автором: kutovoi.timofei@yandex.ru

The policy of President Joseph Biden's administration towards China in the Asia-Pacific region in 2021-2024

Timofey Ya. Kutovoy

Faculty of International Relations

MGIMO Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, 4th year

53/2, building 1, Ostozhenka st., Moscow, Russia, 119021

ABSTRACT

The purpose of this article is to study the process and results of the implementation of the stated U.S. policy towards China in 2021-2024. The objectives of the study include analyzing Washington's policy towards creating a new military-political alliance in the region, the QUAD policy, and examining the White House's cooperation with allies in the Asia-Pacific region, as well as the reasons for creating a new economic structure in Asia and Beijing's response to pressure from the United States.

The novelty of the study lies in its comprehensive analysis of the 46th President of the United States' policy towards China. The White House's policies are examined not only from an economic perspective but also from

a military and political standpoint. The paper aims to analyze Washington's most significant steps in the Chinese direction and their impact on China's foreign policy development.

The study used descriptive-narrative, biographical, and dialectical methods. The key foreign policy documents of the Joe Biden administration, the fundamental bilateral agreements of the USA with its allies in the region were studied. The interaction of Washington with its satellites in the APR within the framework of AUKUS and QUAD was investigated. The main reasons for the creation and mechanisms of functioning of the IPEF were studied.

KEYWORDS

USA, Joe Biden, China, Indo-Pacific region, QUAD, AUKUS, IPEF

Contact the author via: kutovoi.timofei@yandex.ru

Военно-политический аспект отношений между США и КНР освещается в монографии Ю.В. Боровского и Б.Ф. Мартынова «Две Америки в современных международных отношениях (1991-2023)»^[1]. Экономическая составляющая курса Джо Байдена в отношении Китая раскрывается в докладе Е. Араповой «Индо-Тихоокеанская экономическая структура: американский ответ ВРЭП»^[2]. Сотрудничество США, Великобритании и Австралии в рамках QUAD изложено в статье А. Терзи «Гиперзвуковая эпоха»: развитие «Второй опоры» AUKUS»^[3]. Всесторонний взгляд на отношения Пекина и Вашингтона во втором десятилетии XXI века представлено в монографии Д.А. Дегтярева «Конкуренция между США и КНР: возможности для России»^[4].

Политика США в отношении Китая в АТР при Джо Байдене стала во много продолжением курса его предшественника. Дональд Трамп также ставил цель ограничить возможности Пекина к экономической экспансии и нарастить военное давление на Поднебесную.

По итогам первого президентского срока Д. Трампа Китай был отстранен от создания сетей 5G в странах Европы, во многом из-за давления США на союзников. В отношении Пекина Белый дом ввел санкции из-за событий в Гонконге в 2019 г., а также политики центральных властей в отношении Тибета и Синьцзян-Уйгурского автономного региона. Huawei попал в черный список в США в связи с обвинениями в мошенничестве, промышленном шпионаже. В 2017-2020 гг. была предпринята попытка размещения элементов системы ПРО в Японии.

При новой администрации курс в отношении Поднебесной претерпел ряд изме-

нений, а уровень противостояния вышел совершенно на новый уровень. От политики «Торговой войны» и пошлин природа двусторонних отношений эволюционировала в сторону милитаризации АТР и создания военно-политического альянса в регионе с целью сдерживания Пекина.

АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ

Начать анализ политики Джо Байдена в отношении Китая стоит с основных внешнеполитических документов администрации 47-ого президента США.

В октябре 2022 г. Белый дом представил Стратегию национальной безопасности США (СНБ-2022)^[5]. С точки зрения авторов документа, в третьем десятилетии XXI в. мир переживает переломный этап развития, что вызвано возникшим «стратегическим соперничеством за формирование будущего мирового порядка»; в представлении Белого дома одной стороной этого соперничества являются Соединенные Штаты с союзниками и партнерами, другой - страны, которые «не разделяют американское видение свободного, открытого, процветающего и безопасного мира». Авторы документа прямо обвиняют Китай в попытках перестроить международный порядок. Закономерно из этого следует один из приоритетов внешней политики США. В соответствие с ним Вашингтон будет стремиться препятствовать возрастающему доминированию КНР.

Не менее важным документом в этой связи является Индо-Тихоокеанская стратегия США (ИТС-2022)^[6], представленная общественности в феврале 2022 г. ИТР определяется как жизненно важная для безопасности и процветания Америки зона. Основным препятствием для закрепления США в регионе назван Китай.

[1] Боровский Ю.В., Мартынов Б.Ф. Две Америки в современных международных отношениях (1991-2023). — М., 2023. — 183 с.

[2] Арапова Е.Я. Индо-Тихоокеанская экономическая структура: американский ответ ВРЭП // РСМД. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pryzhok-aziatskikh-tigrov-vv-prostranstvo-megaregionov/> (дата обращения 10.06.2025).

[3] Терзи А. «Гиперзвуковая эпоха»: развитие «Второй опоры» AUKUS // РСМД. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/giperzvukovaya-epokha-razvitie-vtoroy-opory-aukus/> (дата обращения: 13.06.2025).

[4] Дегтярев Д.А. Конкуренция между США и КНР: возможности для России. — М., 2024. — 200 с.

[5] National Security Strategy (2022) // National Archives website. 2022. — URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 03.06.2025).

[6] Indo-Pacific Strategy of the United States (2022) // National Archives website. 2022. URL: — <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 04.06.2025).

Авторы документа обвиняют Поднебесную в экономическом влиянии на Австралию, давлении на Тайвань и соседние государства в Южно-Китайском море, росте напряженности на границе с Индией. В целом документ является «дорожной картой» того, как Вашингтон собирается реализовать свое видение процветающего и безопасного ИТР и сдерживать растущее влияние КНР. По мнению экспертов, появление первой в своем роде ИТС говорит о стремлении Белого дома включить в свои долгосрочные планы и Индию для последующего сдерживания Китая.

В качестве основных направлений сдерживания Китая в АТР администрация Байдена выбрала военное и экономическое.

ВОЕННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СДЕРЖИВАНИЯ КИТАЯ В АТР

Противодействие США потенциальной военной угрозе со стороны КНР осуществлялось по трем основным трекам: создание нового военно-политического альянса, усиление обороноспособности своих прежних партнеров в регионе и укрепление сотрудничества в рамках существующего объединения (QUAD).

СОЗДАНИЕ НОВОГО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АЛЬЯНСА

В сентябре 2021 г. президент США Джо Байден, премьер-министр Великобритании Борис Джонсон и премьер-министр Австралии Скотт Моррисон объявили о создании «расширенного трехстороннего партнерства в области безопасности» под названием AUKUS^[1]. Стороны определили два основных направления сотрудничества. Первым треком является строительство минимум восьми атакующих атомных подлодок класса SSN-AUKUS для нужд Королевского военно-морского флота Австралии. На это уйдет

порядка 30 лет, и первые субмарины должны поступить на вооружение не раньше начала 2040-х гг. Помимо этого первое направление сотрудничества в рамках AUKUS включает продажу Вашингтона Канберре трех АПЛ «Вирджиния» в течение 2032-2037^[2].

Второй трек сотрудничества предусматривает укрепление совместного оборонного потенциала в ИТР для стабильности и безопасности региона. Стороны намерены работать совместно в таких областях, как киберпространство, искусственный интеллект, гиперзвуковое оружие, радиоэлектронная борьба, квантовые вычисления. В 2023 г. страны анонсировали работу над радиолокационными системами с целью наблюдения за космосом^[3].

Подобного рода меры вызывают вопрос: «С какой целью Вашингтон и Лондон столь активно укрепляют военный потенциал Канберры?». Многие эксперты полагают, что деятельность США и Великобритании, как и сам альянс, направлены на сдерживание КНР, которая наращивает свою военную инфраструктуру в Южно-Китайском море. Особое беспокойство вызывает строительство Китаем искусственных островов в указанной акватории. Подобная инфраструктура дает Пекину возможности передового развертывания не только средств обнаружения, противоздушной и береговой обороны, но также авиации и ударного ракетного оружия. Кроме того, по мнению Белого дома, действия Китая представляют угрозу Тайваню, Японии и Филиппинам, с которыми у Поднебесной есть неурегулированные территориальные споры. Не осталась в стороне и КНДР, которая видит в альянсе начало «ядерной гонки»^[4]. Также, по мнению Китая, деятельность AUKUS может нарушать положения ДНЯО.

[1] The AUKUS agreement // House of Commons web-site. — URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9335/CBP-9335.pdf> (accessed: 05.06.2025).

[2] Ермаков А. Атомный антикитайский барьерный риф // Интернет-сайт РСМД. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/atomnyu-antikitayskiy-barernyy-rif/> (дата обращения: 07.06.2025).

[3] Терзи А. «Гиперзвуковая эпоха»... — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/giperzvukovaya-epokha-razvitie-vtoroy-opory-aukus/> (дата обращения: 13.06.2025).

[4] North Korea slams AUKUS deal as 'undesirable and dangerous' // NK News. — URL: <https://www.nknews.org/2021/09/north-korea-slams-aukus-deal-as-undesirable-and-dangerous/> (accessed: 14.06.2025).

В связи с этим Пекин обратился в МАГАТЭ^[1]. Однако агентство не выявило каких-либо нарушений. Беспокойство Пекина отнюдь не беспочвенно. Действия Запада создают опасный прецедент передачи ядерных технологий другим странам региона. Даже возможные перспективы нуклеаризации АТР угрожает подрывом относительной стабильности и повлекут за собой необратимые последствия.

Руководство КНР же последовательно наращивает возможности своего флота, а также расширяет зону его оперативного контроля.

УСИЛЕНИЕ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ СВОИХ ПРЕЖНИХ ПАРТНЕРОВ В РЕГИОНЕ

Не менее важным в дискурсе сдерживания США Китая является сотрудничество Вашингтона с союзниками в АТР. В период пребывания Джо Байдена на посту президента наиболее активные связи из числа союзников в АТР Америка поддерживала с Тайванем, Японией и Филиппинами. Основными треками являлись поставки вооружений, предоставление финансовой помощи, размещение американских войск на территории государств-партнеров, а также получение доступа к объектам военной инфраструктуры.

Тайвань является одним из главных форпостов антикитайской политики Вашингтона в АТР. Белый дом нередко использует отношения с Тайбэем, чтобы надавить на одну из «болевых точек» Пекина. Так, например, было с визитом Нэнси Пелоси на остров в августе 2023^[2]. Тогда отношения между Пекином и Вашингтоном резко обострились.

На фоне заявлений МИД КНР о готовности защищать территориальную целостность страны Народно-освободительная армия Китая (НОАК) начала стягивать военную технику к берегам Тайваньского пролива. За несколько часов до визита стали появляться сообщения о том, что в небо были подняты китайские перехватчики и американские самолеты с базы в Японии^[3]. В Пекине расценивали визит спикера палаты представителей США на остров как нарушение собственного суверенитета.

Также стоит отметить распоряжение президента Байдена о выделении Тайваню военной помощи объемом \$571,3 млн^[4].

В целом можно сказать, что администрация Байдена продолжила курс на «накачивание» Тайваня оружием и поддержку его независимости.

Япония традиционно занимает особое место в стане союзников США в АТР и играет значимую роль в стратегии Белого дома по сдерживанию Китая. Начать стоит с того, что Стратегия национальной безопасности Японии 2022 г. характеризует КНР как «величайший стратегический вызов»^[5]. В январе 2023 г. прошла встреча Джо Байдена с Фумио Кисидой, премьер-министром Японии. Вашингтон и Токио приняли совместное решение о размещении на острове Окинава 12-ого прибрежного полка морской пехоты США, вооруженного противокорабельными ракетами, до 2025 г.^[6] Не менее важен тот факт, что уже во время январской встречи в Белом доме минобороны Японии приступило к строительству новой базы для учений экипажей палубной авиации США на необитаемом острове Магэ^[7].

[1] The AUKUS agreement // House of Commons Library. — URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9335/CBP-9335.pdf> (accessed: 05.06.2025).

[2] Кашин В. Последствия визита Пелоси на Тайвань ошутит на себе весь мир // РСМД. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/posledstviya-vizita-pelosi-na-tayvan-oshchutit-na-sebe-ves-mir/> (дата обращения: 13.06.2025).

[3] What did Nancy Pelosi's visit do for Taiwan? // Institute of Geoeconomics. — URL: <https://instituteofgeoeconomics.org/en/research/2022101740875/> (accessed 04.06.2025).

[4] Biden approves \$571 mln in defense support for Taiwan // Reuters web-site. — URL: <https://www.reuters.com/world/us/biden-approves-571-mln-defense-support-taiwan-2024-12-21/> (accessed: 10.06.2025).

[5] National Security Strategy of Japan (2022) // Ministry of Foreign Affairs of Japan website. 2022. — URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (accessed: 05.06.2025).

[6] US Marines to join Japanese guarding remote islands // Asia Times web-site. — URL: <https://asiatimes.com/2023/02/us-marines-to-join-japanese-guarding-remote-islands/> (дата обращения: 01.06.2025).

[7] Japan begins construction of new base for US jets // Anadolu Ajansı web-site. — URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/japan-begins->

В феврале 2023 г. стало известно о возможном запросе США на размещение гиперзвуковых ракет LRHW и крылатых Tomahawk на территории Страны восходящего солнца, предположительно на острове Кюсю^[1]. В конце того же месяца Кисида также сообщил, что японское правительство намерено закупить у США до 400 крылатых ракет Tomahawk.

Следующим звеном в стратегии США по сдерживанию Китая являются Филиппины. В начале 2023 г. Манила предоставила доступ американским военным к четырем базам на своей территории. В июле 2024 г. прошла встреча госсекретаря Э. Блинкена и министра обороны Л. Остина в формате «2+2» с филиппинскими коллегами Э. Манало и Ж. Теодоро, а затем с президентом Фердинандом Маркосом-младшим^[2]. Ключевым результатом переговоров стало объявление о дополнительной военной помощи Маниле в размере \$500 млн. в рамках политики по сдерживанию КНР^[3]. В вопросе спора вокруг островов в Южно-Китайском море США неизменно поддерживают Филиппины, предоставляя различную разведывательную информацию.

Действия США по заключению соглашения с Филиппинами нашли немедленный отклик со стороны Китая. В МИД КНР заявили, что Вашингтон подобными договоренностями наносит ущерб региональному миру и стабильности.

Картина политики США в АТР была бы неполной без Южной Кореи. Однако Сеул не заинтересован в участии в антикитайской коалиции в силу ряда факторов. Во-первых, Ре-

спублика Корея в своей Индо-Тихоокеанской стратегии определяет Пекин как «ключевого партнера» в регионе. Отношения двух стран остаются мирными, к тому же Сеул явно не хочет быть втянутым в конфликт с КНР из-за Тайваня. Во-вторых, антикитайская политика невыгодна Южной Корее с точки зрения экономики, Пекин выступает ее ведущим торговым партнером. Более 40% национального дохода приходится на экспорт, а Китай — основное направление экспорта страны, его доля составляет более 25%^[4]. Аналогичная ситуация с импортом.

Основное взаимодействие с Вашингтоном при администрации Байдена в военной области проводилось по линии сдерживания КНДР, не затрагивая китайскую тематику.

Отдельно стоит отметить встречу Джо Байдена с президентом Республики Корея Юн Сок Ёлем и премьер-министром Японии Фумио Кисидой в августе 2023 г.^[5] В отношениях между Сеулом и Токио сохраняется ряд противоречий из-за политики милитаристской Японии в годы Второй Мировой войны. В Вашингтоне прекрасно осознают, что попытки построить антипекинскую коалицию окажутся тщетными, если существуют разногласия в ее стане между участками.

Итоговый документ «Принципы Кэмп-Дэвида» изобилует множеством завуалированных выпадов в сторону Пекина^[6]. Особенно стоит отметить намерение участников решительно противодействовать попыткам силой изменить статус-кво в регионе. Не менее примечательным является осуждение на страницах документа поведения КНР в Южно-Китайском море.

construction-of-new-base-for-us-jets/2785964 (дата обращения: 08.06.2025).

[1] Терзи А., Шкробтак И. Американский фактор в формировании новой архитектуры безопасности в ИТР // Интернет-сайт РСМД. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/amerikanskiy-faktor-v-formirovanii-novoy-arkhitektury-bezopasnosti-v-itr/> (дата обращения 15.06.2025).

[2] Blinken, Austin to visit PH for 2+2 defense dialogue // BILYONARYO News Channel website. — URL: <https://bnc.bilyonaryo.com/blinken-austin-to-visit-ph-for-22-defense-dialogue/news/> (accessed: 13.06.2025).

[3] Терзи А. Филиппинский сюжет: вслед за «старшими партнерами». — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/filippinskiy-syuzhet-vsled-za-starshimi-partnerami/> (дата обращения: 03.06.2025).

[4] Толоконина А. Антикитайский плацдарм США в Азии // РСМД. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/antikitaitskiy-platsdarm-ssha-v-azii/> (дата обращения: 16.06.2025).

[5] Ларионова А. Встреча в Кэмп-Дэвиде – трехсторонний альянс? // РСМД. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/vstrecha-v-kemp-devide-trehstoronniy-alyans/> (дата обращения: 07.06.2025).

[6] Camp David Principles // The White House website 2023. — URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/camp-david-principles/> (accessed: 13.12.2025).

Можно сделать вывод, что встреча в Кэмп-Дэвиде стала попыткой Вашингтона не только нормализовать отношения Сеула и Токио, но и согласовать их позиции на антикитайской основе.

УКРЕПЛЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ СУЩЕСТВУЮЩЕГО ОБЪЕДИНЕНИЯ (QUAD)

Следующим направлением немало важным аспектом политики США в АТР в контексте противодействия Китаю является деятельность QUAD. Созданный еще в 2007 г. для сдерживания КНР Четырехсторонний диалог по безопасности не изменил своего предназначения спустя почти 20 лет. Сразу же с момента вступления в должность Джо Байден попытался активизировать деятельность альянса. В марте 2021 г. состоялся саммит стран-участников QUAD по видеосвязи^[1]. В ходе встречи стороны обсудили давление КНР на Австралию, претензии Пекина на острова Сенкаку и напряженность на границе Китая и Индии. В итоговом коммюнике было подтверждено общее видение свободного и открытого ИТР. Участники выразили готовность и впредь сотрудничать в области безопасности. В начале апреля того же года государства-члены QUAD провели военные учения в Бенгальском заливе для отпора угрозы со стороны Поднебесной^[2].

В феврале 2022 г. главы дипломатических ведомств США, Японии, Индии и Австралии в формате QUAD собрались в Мельбурне для обсуждения обновлённой стратегии «свободного и безопасного» Индо-Тихоокеанского региона^[3]. Поводом на этот раз стало укрепление позиций КНР за счет сближения

с Россией.

В марте 2023 г. министры иностранных дел Индии, Японии, США и Австралии провели встречу, в ходе которой стороны выразили обеспокоенность милитаризацией объектов в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях и осудили запуски баллистических ракет КНДР^[4].

Однако ряд экспертов отмечает, что деятельность QUAD вышла далеко за пределы только военной области. Например, по итогам встречи глав внешнеполитических ведомств, которая прошла в сентябре 2023 г. в Нью-Йорке, страны «четверки» заявили о готовности укреплять сотрудничество в рамках созданного Индо-Тихоокеанского партнерства по обеспечению осведомленности о морском пространстве (Indo-Pacific Partnership for Maritime Domain Awareness)^[5]. Целью является развитие технологий для повышения уровня информированности о состоянии акватории Индо-Тихоокеанского региона.

Кроме того, в рамках QUAD реализуется ряд программ по предоставлению инвестиций развивающимся странам региона. В 2022 г. на саммите в Токио было принято совместное решение о предоставлении государствам ИТР финансовой помощи на сумму около 50 млрд. долл. в течении следующих пяти лет^[6]. Предполагается развивать инфраструктуру, способствовать большей экономической устойчивости и решению долговых проблем.

В рамках QUAD осуществляется ряд программ и в области здравоохранения. В 2021 г. была сформирована группа по

[1] Fact Sheet: Quad Leaders' Summit // The White House website 2021. — URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/24/fact-sheet-quad-leaders-summit/> (accessed: 13.12.2025).

[2] France: A Balancing Force In Quad And The Indo-Pacific // Diplomatist web-site. — URL: <https://diplomatist.com/france-a-balancing-force-in-quad-and-the-indo-pacific/> (accessed: 11.06.2025).

[3] Melbourne Quad meeting discusses security, pandemic recovery as India diverges on Ukraine invasion threat // ABC website. — URL: <https://www.abc.net.au/news/2022-02-11/quad-melbourne-meeting/100823866> (accessed: 13.06.2025).

[4] 'Quad' Alliance Joins Together for Exercise malabar 2023 in Australia // USNI News. — URL: <https://news.usni.org/2023/08/11/quad-alliance-joins-together-for-exercise-malabar-2023-in-australia> (accessed: 13.12.2025).

[5] Яшина В. Стратегия США в Индо-Тихоокеанском регионе: формат QUAD и его трансформация // РСМД. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/strategiya-ssha-v-indo-tikhookeanskom-regione-format-quad-i-ego-transformatsiya/> (дата обращения: 16.06.2025).

[6] Яшина В. Стратегия США в Индо-Тихоокеанском регионе: формат QUAD и его трансформация — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/strategiya-ssha-v-indo-tikhookeanskom-regione-format-quad-i-ego-transformatsiya/> (дата обращения: 16.06.2025).

распространению вакцин для борьбы с COVID-19. Результатом совместной работы стало создание около 800 млн доз, 400 из которых было направлено в ИТР^[1]. В дальнейшем данный формат сотрудничества был трансформирован в «Партнерство по безопасности здравоохранения».

Еще одним направлением сотрудничества является образование. США активно предоставляют студентам из стран «четверки» стипендиальные программы на обучение. Целью является налаживание связей между новыми поколениями ученых стран-участников. С 2024 г. к программе были подключены страны АСЕАН.

В целом можно сделать вывод о том, что помимо военного измерения QUAD активно продвигает экономические и гуманитарные проекты. По мнению руководства США, они должны составить конкуренцию инициативе «Один пояс, один путь», которую нередко упрекают в непрозрачности условий участия. Проекты же QUAD, напротив, должны отличаться прозрачностью и пользоваться большим доверием в регионе, привлекая страны к сотрудничеству с Вашингтоном.

Картина военного сдерживания КНР была бы неполной без попытки подключения НАТО к данной проблеме. Саммит Североатлантического альянса, который прошел в июне 2022 г. в Мадриде ознаменовал начало присоединения блока к противостоянию с Пекином. Примечательно, что во встрече приняли участие главы Японии и Южной Кореи как «азиатско-тихоокеанские партнеры». Накануне саммита Токио активно настаивал на тезисе, что стабильность в Европе неотделима от устранения угроз в АТР^[2]. В Стратегической концепции НАТО

2022 г., определяющей характер действий государств-членов на ближайшие 10 лет, было сказано, что «амбиции и наступательная политика Пекина представляют вызов интересам, безопасности и ценностям участников Североатлантического альянса»^[3]. К главным вызовам со стороны Китая участники встречи отнесли непрозрачность деятельности КНР по наращиванию ядерных и обычных вооружений, злонамеренные гибридные и кибер-операции, конфронтационные риторика и дезинформация, попытки установления контроля над ключевыми технологическими и промышленными секторами, критической инфраструктурой, стратегическими материалами и производственно-бытовыми цепочками, а также формирование зависимостей, направленных на подрыв порядка, основанного на правилах в космосе, на море и киберпространстве^[4]. В список был также включено положение об углублении партнерства между Пекином и Москвой. Декларация Мадридского саммита НАТО провозгласила вызов со стороны Поднебесной интересам безопасности и развития членов организации. Таким образом, в документе Северо-атлантического альянса была упомянута КНР в качестве вызова.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СДЕРЖИВАНИЯ КНР

Вторым направлением сдерживания растущего влияния КНР в регионе является экономика. В мае 2022 г. с целью противодействия экономической экспансии в регионе США создали Индо-Тихоокеанскую экономическую структуру (ИТЭС) (Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity, IPEF), в которую вошли 14 стран, включая Австралию, Японию и

[1] Яшина В. Стратегия США в Индо-Тихоокеанском регионе: формат QUAD и его трансформация — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/strategiya-ssha-v-indo-tikhookeanskom-regione-format-quad-i-ego-transformatsiya/> (дата обращения: 16.06.2025).

[2] Губин А. Расширение Востока в НАТО: новые подходы Японии и Республики Корея к обеспечению безопасности // РСМД. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rasshirenije-vostoka-v-nato-novye-podkhody-yaponii-i-respubliki-koreya-k-obespecheniyu-bezopasnosti/> (дата обращения: 18.06.2025).

[3] Стратегическая концепция НАТО 2022 года. // Интернет-сайт НАТО, 2022. — URL: <https://www.nato.int/content/dam/nato/webready/documents/publications-and-reports/strategic-concepts/2022/290622-strategic-concept-ru.pdf> (дата обращения: 04.06.2025).

[4] Madrid Summit Declaration // NATO international website, 2022. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm (accessed: 04.06.2025).

Индию^[1]. Фактически данный проект представляет собой институциональное воплощение новой американской Индо-Тихоокеанской стратегии и одновременно гибкую альтернативу ТТП (или обновленному ВПТ-ТП), куда США из-за внутривнутриполитических проблем возвращаться не готовы. IPEF включает четыре основных направления сотрудничества: честная и устойчивая торговля; развитие цепей поставок; инфраструктура, чистая энергетика и декарбонизация; налогообложение и противодействие коррупции^[2]. Важно сказать, что за созданием ИТЭС видны также и геополитические замыслы Вашингтона. В условиях конкуренции с Китаем Белый дом стремится предложить государствам АТР альтернативные сценарии развития внешнеэкономической стратегии. ИТЭС – шанс для США препятствовать укреплению ВРЭП.

Говоря об инфраструктурном развитии, нельзя не отметить, что ИТЭС – ответ США на модель Пекина инвестиционно-технологической экспансии, реализуемой посредством инициативы «Один пояс-один путь». Настороженность Белого дома вызывает тот факт, что большинство проектов в рамках «ОПОП» осуществляется при участии китайского госбанка и его льготных кредитов. К тому же, значительную роль играют китайские телекоммуникационные компании (Huawei, ее дочка HNM Technologies, Hikvision, Cloudwalk и др.), оснащающие их IT-оборудованием, технологическими решениями и фактически собственной моделью управления IT-инфраструктурой (с размещением китайских серверов и получения доступа к хранимой информации)^[3]. Это предоставляет Поднебесной неоспоримые преимущества в конкуренции за влияние в регионе, так как Пекин получает киберконтроль над стратегическими объектами других стран и доступ к данным. Данные факты свидетельствуют об угрозе

попадания ряда государств АТР в прямую зависимость от КНР, что США всеми силами стремятся предотвратить. В подобных условиях Белый дом в рамках ИТЭС прибегает к введению высоких стандартов поведения в цифровой среде, включая стандарты в отношении трансграничных потоков и локализации данных, чтобы снизить присутствие Пекина в указанных областях.

Наконец, нельзя не отметить, что новая инициатива Вашингтона направлена в том числе и на укрепление тандема с Австралией и противоборство Китаю в борьбе за тихоокеанские острова. Как для КНР, так и для США островные государства имеют важное геостратегическое значение. По причине давних тесных политических и экономических связей Австралии с рядом государств в Океании инвестиционный тандем с этой страной — наиболее удачный тактический ход, направленный на сдерживание политической и инвестиционной активности Китая, который в последние годы уже добился значительных успехов (в первую очередь на Соломоновых островах и Кирибати) и нацелен на получение доступа к сырью и природным ресурсам Фиджи, Папуа-Новой Гвинеи, Вануату.

Подводя итог, можно сказать, что в рамках новой инициативы США сохраняют прежние отраслевые приоритеты. К ним относятся стандартизация и повышение требований в сфере охраны труда, окружающей среды, защиты инфраструктурных инвестиций, электронной торговли. По большому счету это те сферы, где подходы Вашингтона и Пекина сильно различаются. Одной из целей вместе с тем является создание инфраструктурно-инвестиционного стандарта с высоким входным барьером, который будет недоступен для Поднебесной. Диверсификация экспортных цепочек стран и попытка затормозить экономическую интеграцию региона под руководством Китая – характерные черты ИТЭС.

[1] Пак С. Мера-ЗСТ и Индо-Тихоокеанская экономическая структура в регионе АТР: конкуренция или кооперация? // Интернет-сайт ВШЭ. — URL: <https://www.hse.ru/data/2023/07/05/2077111122/7%20Пак.pdf> (дата обращения: 13.12.2025).

[2] Арапова Е.Я. Индо-Тихоокеанская экономическая структура: американский ответ ВРЭП? // РСМД. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pryzhok-aziatskikh-tigrov-vv-prostranstvo-megaregionov/> (дата обращения 10.06.2025).

[3] Там же.

Вместе с тем видна чёткая попытка создать параллельную ВРЭП экономическую структуру, которая бы охватывала наиболее важных игроков региона и была косвенно направлена против КНР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сказать, что цель исследования была достигнута. Были проанализированы процесс и результаты реализации заявленного администрацией Байдена курса. Задачи исследования выполнены. Была проанализирована политика Вашингтона по созданию нового военно-политического альянса в регионе, а также курс в рамках QUAD, рассмотрены направления сотрудничества Белого дома с союзниками в АТР, а также причины создания новой экономической структуры в Азии.

По мнению Белого дома, Китай сегодня является единственным соперником США на мировой арене, который обладает не только намерением, но и возможностью изменить нынешний американоцентричный мировой порядок в свою пользу. Данное обстоятельство и побудило Белый дом к проведению соответствующей политики.

В основе предпринимаемых действий лежала стратегия укрепления ранее созданных альянсов и построения новых, приоритизации инвестиций в оборонный потенциал союзников. В области экономики США руководствовались стремлением извлечь наибольшую выгоду от финансовых и экономических процессов, протекающих в регионе, предложить странам АТР альтернативу китайским инвестициям и передовым технологиям.

Конечный результат представлялся 46-му президенту США сценарием, при котором Китай находился бы под сильным военным и экономическим давлением в регионе. Военное сдерживание обеспечивалось бы региональными игроками при главенствующей роли со стороны Вашингтона. Возможности Китая доминировать в области высоких тех-

нологий в Азии были бы значительно сокращены. Поднебесная имела бы значительно меньше шансов бросать вызов Соединенным Штатам в экономике, развертывании сетей 5G, ИИ не только на региональном, но и на глобальном уровне.

Политика Джо Байдена весьма репрезентативна с точки зрения долгосрочных тенденций выстраивания американского внешнеполитического курса в отношении основных геополитических конкурентов, в данном случае КНР. Прослеживается линия на военное сдерживание с элементами давления. Вашингтон осуществляет подобный курс не напрямую, а за счет привлечения третьих стран, укрепления оборонного потенциала своих союзников в регионе.

Отчетливо видно стремление Вашингтона ограничить способность Пекина к активной экономической деятельности путем создания в регионе объединений эксклюзивного характера, навязывания новых технологических и климатических стандартов, недоступных Китаю.

Однако подобная политика США приводит к прямо противоположным результатам. Пекин не только не сдает свои позиции под натиском Вашингтона, но и, наоборот, укрепляет их. Милитаризация региона, проводимая Белым домом, толкает Китай на модернизацию своего арсенала, создание новых высокотехнологичных видов оружия. Более того, попытки Вашингтона усилить давление на Пекин ведет к укреплению сотрудничества последнего с Москвой. Об этом свидетельствует совместное заявление РФ и КНР об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия от 16 мая 2024 г.^[1] В нем говорится о важности укрепления двусторонних связей и решимости противодействовать любым попыткам вмешательства во внутренние дела двух стран, ограничить их экономический и внешнеполитический потенциал.

Говоря о сателлитах Вашингтона в АТР,

[1] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. // Президент России. — URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6132> (дата обращения: 14.12.2025).

стоит сказать, что ни один из них не готов проводить активную антикитайскую политику в силу тесных экономических связей с Пекином. Даже имеющие с КНР территориальные споры Индия, Вьетнам, Малайзия, Индонезия, Бруней и Сингапур предпочитают развивать многомерные взаимовыгодные связи и воздерживаются от конфронтации. Планы Белого дома вовлечь Нью-Дели в свои планы по сдерживанию Китая также выглядят туманно. Во внешней политике Индия ставит во главу угла принципы неприсоединения и независимости от внешних акторов. Это говорит о явном нежелании становится «пешкой» в геополитических планах Соединенных Штатов.

Не лучше обстоит дело и с попытками Белого дома сформировать систему безопасности в регионе, косвенно направленную против Китая. Реализация подобного проекта необратимо повлекла бы за собой ухудшение отношений стран-участников с Пекином. Почти ни одно из государств региона не готово полностью разрывать все связи с Китаем, вставая на путь конфронтации. Партнеры Вашингтона в АТР прохладно относятся к идее «азиатского НАТО» или его аналогам. Об этом свидетельствует ряд высказываний представителей стран региона. В частности, министр иностранных дел Индии С. Джайшанкар в октябре 2024 г. выразил несогласие с идеей «азиатской НАТО» как противоречащей принципу неприсоединения, которым руководствуется Нью-Дели во внешней политике^[1]. Даже австралийский премьер Э. Албаниз тогда же отметил, что для создания структуры коллективной безопасности в Азии время еще не пришло^[2].

Говоря об экономическом направлении сдерживания КНР, стоит отметить, по мнению экспертов, ИТЭС также не стоит переоценивать. Ее торговая эффективность сегодня видится невысокой в силу нескольких

факторов. Во-первых, переориентация деятельности партнеров в АТР без принятия всеми участниками на себя твердых обязательств по открытию рынков и либерализации торговли невозможно. Во-вторых, США сами не готовы в полной мере открывать свой внутренний рынок для иностранных компаний, более рассчитывая получить доступ к государственным тендерам своих союзников в АТР в таких отраслях, как IT-индустрия, фармацевтика, биотехнологии и т.д).

Давление Белого дома толкает Пекин на прямо противоположные шаги. В ответ на расширение присутствия США в регионе Китай, в свою очередь, делает упор на политике «стратегических точек опоры», которые являются частью проекта «Морской Шёлковый путь XXI века». Стратегия принимает во внимание тот факт, что центром современной «матрицы» АТР, пребывающей в процессе реструктуризации, являются США. В связи с этим Поднебесная выделяет значительные ресурсы на развитие транспортной инфраструктуры своих партнеров, расположенных вблизи стратегических маршрутов. Благодаря этому Пекин снижает риски, связанные с морскими грузоперевозками, и увеличивает свое влияние в регионе за счет сотрудничества с партнерами.

Попытки Вашингтона через союзников в АТР вовлечь НАТО в регион, по мнению китайского научного сообщества, являются шагом назад во времена Холодной войны и возвращением к «игре с нулевой суммой».

В целом администрации 46-ого президента США частично удалось достигнуть заявленные цели. Соединенные штаты смогли создать в регионе обстановку, в которой Китай находился бы под высоким военно-политическим давлением. Однако на втором треке успехи выглядят менее убедительными. Конечно, последствия экономической политики США в регионе 2021-2024 гг. более четко проявят себе

[1] Indian foreign minster says does not share Ishiba vision for Asian NATO // Reuters website. — URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/indian-foreign-minister-says-does-not-share-ishiba-vision-asian-nato-2024-10-01/> (accessed: 10.06.2025).

[2] Japanese PM Ishiba's 'Asian NATO' idea meets criticism // China Daily website. URL: —<https://www.chinadailyasia.com/hk/article/595179> (accessed: 14.12.2025).

в следующие годы, равно как и результаты сотрудничества в рамках AUKUS. Однако это уже предмет будущих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арапова Е.Я. Индо-Тихоокеанская экономическая структура: американский ответ ВРЭП [Электронный ресурс] // Интернет-сайт РСМД. 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pryzhok-aziatskikh-tigrov-vv-prostranstvo-megaregionov/> (дата обращения 10.06.2025).

2. Боровский Ю.В., Мартынов Б.Ф. Две Америки в современных международных отношениях (1991-2023). – М.: «Аспект Пресс», 2023. – 375 с.

3. Губин А. Расширение Востока в НАТО: новые подходы Японии и Республики Корея к обеспечению безопасности [Электронный ресурс] // Интернет-сайт РСМД. 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rasshirenje-vostoka-v-nato-novye-podkhody-yaponii-i-respubliki-koreya-k-obespecheniyu-bezopasnosti/> (дата обращения: 18.06.2025).

4. Дегтярев Д.А. Конкуренция между США и КНР: возможности для России. – М.: Аспект пресс., 2024. – 300 с.

5. Ермаков А. Атомный антикитайский барьерный риф [Электронный ресурс] // Интернет-сайт РСМД. 2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/atomnyu-antikitayskiy-barernyy-rif/> (дата обращения: 07.06.2025).

6. Ларионова А. Встреча в Кэмп-Дэвиде – трехсторонний альянс? [Электронный ресурс] // Интернет-сайт РСМД. 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/vstrecha-v-kemp-devide-trehstoronniy-alyans/> (дата обращения: 07.06.2025).

7. Пак С. Мега-ЗСТ и Индо-Тихоокеанская экономическая структура в регионе АТР: конкуренция или кооперация? [Электронный ресурс] // Интернет-сайт ВШЭ. 2023. URL: <https://www.hse.ru/data/2023/07/05/2077111122/7%20Пак.pdf> (дата обращения: 13.12.2025).

8. Совместное заявление Российской

Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами. [Электронный ресурс] // Интернет-сайт Президента России. 2024. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6132> (дата обращения: 14.12.2025)

9. Стратегическая концепция НАТО 2022 года. [Электронный ресурс] // Интернет-сайт НАТО. 2022. URL: <https://www.nato.int/content/dam/nato/webready/documents/publications-and-reports/strategic-concepts/2022/290622-strategic-concept-ru.pdf> (дата обращения: 04.06.2025).

10. Терзи А. «Гиперзвуковая эпоха»: развитие «Второй опоры AUKUS» [Электронный ресурс] // Интернет-сайт РСМД. 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/giperzvukovaya-epokha-razvitie-vtoroy-opory-aucus/> (дата обращения: 13.06.2025).

11. Терзи А. Филиппинский сюжет: вслед за «старшими партнерами» [Электронный ресурс] // Интернет-сайт РСМД. 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/filippinskiy-syuzhet-vsled-za-starshimi-partnerami/> (дата обращения: 03.06.2025).

12. Терзи А., Шкробтак И. Американский фактор в формировании новой архитектуры безопасности в ИТР [Электронный ресурс] // Интернет-сайт РСМД. 2025. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/amerikanskiy-faktor-v-formirovanii-novoy-arkhitektury-bezopasnosti-v-itr/> (дата обращения 15.06.2025).

13. Толоконица А. Антикитайский плацдарм США в Азии [Электронный ресурс] // Интернет-сайт РСМД. 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/antikitayskiy-platsdarm-ssha-v-azii/> (дата обращения: 16.06.2025).

14. Яшина В. Стратегия США в Индо-Тихоокеанском регионе: формат QUAD и его трансформация [Электронный ресурс] //

Интернет-сайт РСМД. 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/strategiya-ssha-v-indo-tikhookeanskom-regione-format-quad-i-ego-transformatsiya/> (дата обращения: 16.06.2025).

15. Agreement on the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity [Electronic resource] // U.S. Department of State. 2024. URL: <https://www.state.gov/ipef-overarching-agreement> (accessed: 06.06.2025).

16. AUKUS Partners Sign landmark Hypersonics Agreement [Electronic resource] // U.S. Department of War. 2024. URL: <https://www.war.gov/News/Releases/Release/Article/3966986/aukus-partners-sign-landmark-hypersonics-agreement/> (accessed: 14.06.2025).

17. Camp David Principles [Electronic resource] // The White House website 2023. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/camp-david-principles/> (accessed: 13.12.2025).

18. Fact Sheet: Quad Leaders' Summit [Electronic resource] // The White House website 2021. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/24/fact-sheet-quad-leaders-summit/> (accessed: 13.12.2025).

19. France: A Balancing Force In Quad And The Indo-Pacific [Electronic resource] // Diplomatist. 2021. web-site URL: <https://diplomatist.com/france-a-balancing-force-in-quad-and-the-indo-pacific/> (дата обращения: 11.06.2025).

20. Indo-Pacific Strategy (2022) [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea. 2022. URL: https://overseas.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=322133 (accessed: 06.06.2025).

21. Indo-Pacific Strategy of the United States (2022) [Electronic resource] // National Archives. 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 04.06.2025).

22. Madrid Summit Declaration

[Electronic resource] // NATO international. 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm (accessed: 04.06.2025).

23. National Security Strategy (2022) [Electronic resource] // National Archives. 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 03.06.2025).

24. National Security Strategy of Japan (2022) [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2022. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (accessed: 05.06.2025).

25. PNG and the Solomon Islands- China security agreement [Electronic resource] // Low Institute web-site. 2022. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpretor/png-solomon-islands-china-security-agreement> (дата обращения: 13.06.2025).

26. The AUKUS agreement [Electronic resource] // House of Commons web-site. 2021. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9335/CBP-9335.pdf> (дата обращения: 05.06.2025).

27. What did Nancy Pelosi's visit do for Taiwan? [Electronic resource] // Institute of Geoeconomics web-site. 2022. URL: <https://instituteofgeoeconomics.org/en/research/2022101740875/> (accessed 04.06.2025).

REFERENCES

1. Agreement on the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity [Electronic resource] // U.S. Department of State. 2024. URL: <https://www.state.gov/ipef-overarching-agreement> (accessed: 06.06.2025).

2. Arapova E.Ya. Indo-Tihookeanskaya ekonomicheskaya struktura: amerikanskij otvet VREP [The Indo-Pacific Economic Framework: The U.S. Response to the RCEP]. [Electronic resource] // RSMD [RIAC] website. 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/pryzhok-aziatskikh-tigrov-vv-prostranstvo-megaregionov/> (accessed: 10.06.2025).

3. AUKUS Partners Sign landmark Hypersonics Agreement [Electronic resource] // U.S. Department of War. 2024. URL: <https://www.war.gov/News/Releases/Release/Article/3966986/aukus-partners-sign-landmark-hypersonics-agreement/> (accessed: 14.06.2025).
4. Borovskij YU.V., Martynov B.F. Dve Ameriki v sovremennyh mezhdunarodnyh otnosheniyah (1991-2023) [Two Americas in Contemporary International Relations (1991-2023)]. – M.: «Aspekt Press», 2023.– 375 p.
5. Camp David Principles [Electronic resource] // The White House website 2023. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/camp-david-principles/> (accessed: 13.12.2025).
6. Degtyarev D.A. Konkurenciya mezhdu SSHA i KNR: vozmozhnosti dlya Rossii. [Competition between the United States and China: Opportunities for Russia] – M.:Aspekt press., 2024.– 300 p.
7. Ermakov A. Atomnyj antikitajskij bar'ernyj rif [The Atomic Anti-Chinese Barrier Reef], [Electronic resource] // RSMD [RIAC] website. 2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/atomnyy-antikitajskiy-barernyy-rif/> (accessed: 07.06.2025).
8. Fact Sheet: Quad Leaders' Summit [Electronic resource] // The White House website 2021. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/24/fact-sheet-quad-leaders-summit/> (accessed: 13.12.2025).
9. France: A Balancing Force In Quad And The Indo-Pacific [Electronic resource] // Diplomatist. 2021. web-site URL: <https://diplomatist.com/france-a-balancing-force-in-quad-and-the-indo-pacific/> (дата обращения: 11.06.2025).
10. Gubin A. Rasshirenie Vostoka v NATO: novye podhody Yaponii i Respubliki Koreya k obespecheniyu bezopasnosti [NATO's Eastern Expansion: Japan and the Republic of Korea's New Approaches to Security], [Electronic resource] // RSMD [RIAC] website. 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rasshirenie-vostoka-v-nato-novye-podkhody-yaponii-i-respubliki-koreya-k-obespecheniyu-bezopasnosti/> (accessed: 18.06.2025).
11. Indo-Pacific Strategy (2022) [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea. 2022. URL: https://overseas.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=322133 (accessed: 06.06.2025).
12. Indo-Pacific Strategy of the United States (2022) [Electronic resource] // National Archives. 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 04.06.2025).
13. Larionova A. Vstrecha v Kemp-Devide – trekhstoronnij al'yans? [The Camp David meeting – a trilateral alliance?], [Electronic resource] // RSMD [RIAC] website. 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/vstrecha-v-kemp-devide-trekhstoronniy-alyans/> (accessed: 07.06.2025).
14. Madrid Summit Declaration [Electronic resource] // NATO international. 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm (accessed: 04.06.2025).
15. National Security Strategy (2022) [Electronic resource] // National Archives. 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 03.06.2025).
16. National Security Strategy of Japan (2022) [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2022. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryu/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (accessed: 05.06.2025).
17. Pak S. Mega-ZST i Indo-Tihookeanskaya ekonomicheskaya struktura v regione ATR: konkurenciya ili kooperaciya? [Mega-FTA and the Indo-Pacific Economic Structure in the Asia-Pacific Region: Competition or Cooperation], [Electronic resource] // VSHE [HSE]. 2023. URL: <https://www.hse.ru/data/2023/07/05/2077111122/7%20Pak.pdf> (accessed: 13.12.2025).
18. PNG and the Solomon Islands- China security agreement [Electronic resource] //

Low Institute web-site. 2022. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/png-solomon-islands-china-security-agreement> (дата обращения: 13.06.2025).

19. Sovmestnoe zayavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki ob uglublenii otnoshenij vseob»emlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodejstviya, vstupayushchih v novuyu epohu, v kontekste 75-letiya ustanovleniya diplomaticheskikh otnoshenij mezhdru dvumya stranami. [Joint Statement by the Russian Federation and the People's Republic of China on Deepening Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation in a New Era, in the Context of the 75th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations between the Two Countries] [Electronic resource] // The website of the President of Russia, 2024. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6132> (accessed: 14.12.2025)

20. Strategicheskaya koncepciya NATO 2022 goda. [NATO's 2022 Strategic Concept], [Electronic resource] // NATO website. 2022. URL: <https://www.nato.int/content/dam/nato/webready/documents/publications-and-reports/strategic-concepts/2022/290622-strategic-concept-ru.pdf> (accessed: 04.06.2025).

21. Terzi A. «Giperzvukovaya epoha»: razvitie «Vtoroj opory AUKUS» [«The Hypersonic Era»: The Development of the Second AUKUS Pillar], [Electronic resource] // RSMD [RIAC] website . 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/giperzvukovaya-epokha-razvitie-vtoroy-opory-aukus/> (accessed: 13.06.2025).

22. Terzi A. Filippinskij syuzhet: vsled za «starshimi partnerami» [The Philippine story: following the «senior partners»], [Electronic resource] // RSMD [RIAC] website. 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and->

[comments/columns/asian-kaleidoscope/filippinskij-syuzhet-vsled-za-starshimi-partnerami/](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/filippinskij-syuzhet-vsled-za-starshimi-partnerami/) (accessed: 03.06.2025).

23. Terzi A., Shkrobtak I. Amerikanskij faktor v formirovanii novej arhitektury bezopasnosti v ITR [The American factor in shaping the new security architecture in the Indo-Pacific region], [Electronic resource] // RSMD, [RIAC] website. 2025. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/amerikanskij-faktor-v-formirovanii-novoy-arkhitektury-bezopasnosti-v-it/> (accessed: 15.06.2025).

24. The AUKUS agreement [Electronic resource] // House of Commons web-site. 2021. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9335/CBP-9335.pdf> (дата обращения: 05.06.2025).

25. Tolokonina A. Antikitajskij placdarm SSHA v Azii [The US Anti-China Bridgehead in Asia], [Electronic resource] // RSMD [RIAC] website. 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/antikitajskij-placsdarm-ssha-v-azii/> (accessed: 16.06.2025).

26. Yashina V. Strategiya SSHA v Indo-Tihookeanskom regione: format QUAD i ego transformaciya [The US Strategy in the Indo-Pacific Region: The QUAD Format and Its Transformation], [Electronic resource] // RSMD [RIAC] website. 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/strategiya-ssha-v-indo-tihookeanskom-regione-format-quad-i-ego-transformatsiya/> (accessed: 16.06.2025).

27. What did Nancy Pelosi's visit do for Taiwan? [Electronic resource] // Institute of Geoeconomics web-site. 2022. URL: <https://instituteofgeoeconomics.org/en/research/2022101740875/> (accessed 04.06.2025).

Сетевое издание «Международный аспект International Aspect» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: ЭЛ № ФС 77 - 80193 от 22 января 2021 г.

Журнал (периодическое печатное издание) «Международный аспект International Aspect» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: ПИ № ФС 77 - 85925 от 06 октября 2023 г.

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ данная продукция не подлежит маркировке

Компьютерная верстка С.А. Беломытцева
Дизайн обложки Д.В. Мокроусова

Подписано в печать ДАТА. Формат 60×84 .
Усл. печ. л. XX. Тираж 60 экз. Заказ №

Отпечатано в производственном отделе
Издательского дома МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

The certificate of registry of mass media, registration date ЭЛ № ФС 77 - 80193,
22.01.2021 issued by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

The certificate of registry of print media, registration date ПИ № ФС 77 - 85925,
06.10.2023 issued by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

Layout: Sofiya Belomittseva
Cover design Daria Mokrousova

Published by MGIMO University. Number of printed copies: 60.

ISSN 2949-6381 (Print)
ISSN 2949-6365 (Online)